Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО)

Институт географии РАН

Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы

Материалы
международной научной конференции
(Четвёртая Ежегодная научная Ассамблея АРГО)
Москва, 14 сентября 2013 г.

Москва – Ростов-на-Дону
2013

УДК 911.3
УДК 911.3
ББК 65.04
С 69

Редакционная коллегия:

Дружинин А. Г., д.г.н., профессор; **Трейвиш А.И.,** д.г.н.*;*
Фёдоров Г.М., д.г.н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ; **Шувалов В. Е.,** к.г.н., доцент

Ответственный редактор:

Дружинин А. Г., д.г.н., профессор

Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы / под ред. А. Г. Дружинина. Материалы международной научной конференции (Москва, 14 сентября 2013 г.). Москва – Ростов н/Д, 2013. – 288 с.

SBN 978-5-241-01120-6

В сборник включены тезисы докладов международной научной конференции «Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы», состоявшейся в г. Москве 14 сентября 2013 г. в рамках Четвёртой Ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). Приоритетное внимание уделено развитию как новых, так и традиционных направлений общественной географии.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета.

ISBN 978-5-241-01120-6

УДК 911.3
ББК 65.04

© Коллектив авторов, 2013
© Ассоциация российских географов-обществоведов (АРГО), 2013
© Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Дружинин А. Г. Предисловие……..... 8

Банников А. Ю. Кластер как элемент территориальной организации промышленности……..... 10

Бажич Д., Трибич Г., Станоевич М., Гнято С. Базирующийся на ГИС индекс как показатель пространственной социально-экономической концентрации……..... 17

Бадов А. Д. Социально-экономическое развитие регионов СКФО и проблемы терроризма и экстремизма…….. 30

Бадмаев А. Г. Качество населения как фактор экономического успеха государства ……..……. 37

Барановский Н. А. Роль общественной географии в решении проблем развития сельских территорий Украины……..... 39

Богатуров Д. С. Современные российско-турецкие геополитические и экономические взаимоотношения ……..... 43

Богданова Л. П., Щукина А. С. Социально-демографические исследования для целей регионального развития (из опыта тверских географов)……..... 49

Бугаев М. А. Пространственное планирование использования земель при переработке и рекультивации отходов горнодобычи (на примере хвостохранилища АНОФ – 2)……..... 54

Волкова И. Н. К вопросу об актуальности изучения воспроизводства природных ресурсов в новых социально-экономических условиях ……..... 61

Голубченко И. В., Оборин М. С. Георелятивистика: общие подходы и примеры применения……..... 66

Гомбоев Б. О., Гладинов А. Н., Гончиков Ц. Д., Хышектуева Л. В., Болхосоева Е. Б., Урбанова Ч. Б., Хамаева Л. Г., Хальбаева С. Р.,

Зомонова Э. М., Гомбоев А. Б. Стратегия сбалансированного развития региона в условиях экологических ограничений ……..... 71

Гонтарь Н. В. Региональная политика государства: направления реализации и региональные следствия……..... 76

Дружинин А. Г. Евразийская полизависимая периферия: основы исследовательской концепции ……..... 83

Елацков А. Б. Некоторые особенности геополитического района……. 88

Зиновьев А. С., Ярошевская Л. В. Территориальная дифференциация ценностно-идеологической ориентации электоральных предпочтений в Литве……..... 92

Зырянов А. И. Новое в рекреационной географии……..... 99

Казаков Н. А., Юманова У. В., Житова Е. Н. Социально-политическая устойчивость сельских обществ Чувашии…….. 105

Каледин Н. В. Общественная география: от методологического вызова к деятельностно-геопространственной парадигме……..... 110

Канищев С. Н., Фесенко В. В. Рекреационное природопользование как отрасль социально-экологического направления социально-экономической географии ……... 119

Козырев А. А., Филобок А. А. Теоретические и методологические проблемы оценки качества жизни в экономической и социальной географии……..... 123

Колонистова А. Н. Основы комплексного социально-экономико-географического исследования туристской системы региона..... 127

Комарова Т. М. Социально-демографическая безопасность региона: от макрорегионального к локальному уровню……..... 131

Крылов П. М. Развитие транспортной системы Республики Абхазия……..... 139

Култашев Н. Б. К вопросу о соотношении теоретической географии и теории географического познания ……..... 144

Куница М. Н. География расселения: особенности ландшафтно-экологического подхода ……..... 148

Курбанов Ш. Б. Особенности крупномасштабного исследования социально-экономического развития малых территорий Узбекистана…... 154

Логинова Н. Н. Демографическая ситуация в регионах Приволжского федерального округа …… 163

Мезенцев К. В., Клюйко Т. И. Взаимодействие «город – сельская местность»: от урбанизации к пост-субурбанизации ……..... 168

Митин И. И. От гуманитарной географии к критической: проблемы институционализации и перспективы развития ряда новых направлений российской географии……..... 174

Мошков А. В. Типы территориально-производственных вертикально-интегрированных и сетевых структур Дальнего Востока России..... 179

Немец Л. Н., Сегида Е. Ю., Немец К. А., Ключко Л. В. Новые подходы в современных общественно-географических исследованиях..... 184

Носонов А. М., Сотова Л. В. Инновационное развитие сельского хозяйства: проблемы и перспективы ……..... 190

Окунев И. Ю. Критическая геополитика и посткритический сдвиг в исследовательской парадигме геополитики……. 195

Осодоев П. В. Интеграционные процессы на приграничных территориях России и Монголии …….. 198

Пашинская Н. Н. Особенности реализации транзитного потенциала Украины в контексте интеграции в мировой рынок транспортных услуг…. 201

Подгрушный Г. П., Денисенко А. А. Большой город и окружающая территория: особенности социально-экономического взаимодействия (на примере Киева) ……..... 206

Потоцкая Т. И. Теоретические модели формирования алмазно-бриллиантового комплекса 212

Рыбкина И. Д. Водоресурсное обеспечение долгосрочного социально-экономического развития территорий: постановка задачи и алгоритм осуществления..... 218

Санчес Дарио Цезарь. Система индикаторов развития туризма (SIDT) в Республике Аргентина..... 222

Семина И. А. Транспортно-географическое положение региона: подходы к оценке 228

Степанов А. М. Некоторые проблемы определения степени ориентированности региона на зарубежные рынки 234

Сухинин С. А. Подходы к анализу перспектив приграничного сотрудничества Ростовской области и Украины в рамках еврорегиона «Донбасс»..... 238

Томских А. А. Контент-анализ в исследовании процессов территориальной организации общества..... 242

Тюрин В. Н., Морева Л. А. Поляризованный агропромышленный комплекс Юга России. Проблемы развития..... 247

Фаронова Ю. В. Экономическая география и территориальный менеджмент в РФ 252

Федорко В. Н. Развитие проблематики взаимодействия природы и общества в экономической и социальной географии Узбекистана..... 257

Федоров Г. М. Роль социально-экономической географии в формировании новых направлений подготовки кадров в Институте природопользования, территориального развития и градостроительства БФУ им. И.Канта..... 263

Часовский В. И. Кластерная политика в развитии промышленности Содружества Независимых Государств ……..... 269

Чугунова Н. В., Игнатенко С. А. Ключевые вызовы развития региона в условиях глобализации как объект исследования географами-обществоведами…… 274

Список авторов……..... 278

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мае 2010 года, собравшись на международную научную конференцию в г. Ростове-на-Дону, экономико-географы России приняли решение о создании Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). С этого момента нормой (и, в определённой степени, традицией) стало проведение Ежегодных научных ассамблей Ассоциации, основным мероприятием которых (наряду с совместным заседанием Координационного и Экспертного советов и презентацией очередного впуска «Вестника АРГО», других издательских новинок) неизменно выступает научная конференция, сфокусированная на приоритетной, широкой по охвату тематике.

Предлагаемое вниманию читателей издание включает в себя тезисы докладов участников международной научной конференции «Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы», состоявшейся 14 сентября 2013 г. в Москве в рамках очередной (четвёртой) Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО). В сборник вошли материалы 76 авторов (в том числе – 18 докторов и 35 кандидатов наук), представляющих не только 22 научно-образовательных центра России (Барнаул, Белгород, Биробиджан, Брянск, Владивосток, Владикавказ, Волгоград, Воронеж, Калининград, Краснодар, Москва, Пермь, Ростов-на-Дону, Санкт-Петербург, Саранск, Саратов, Смоленск, Тверь, Улан-Удэ, Уфа, Хабаровск, Чебоксары), но и Аргентину, Сербию, Узбекистан и Украину.

Судя по представленным в сборнике материалам, российская общественная география не только воспроизводит свою исследовательскую традицию, но и достаточно восприимчива к методологическим и тематическим инновациям и, в этой связи, всё более плюралистична. Демонстрируя полимасштабность подходов, она, одновременно, проявляет повышенный интерес к процессам и явлениям на уровне конкретных регионов. Продолжается поиск новых векторов эволюции научной дисциплины, идёт коррекция её инструментария. Аналогична ситуация и у наших зарубежных коллег, подтверждая схожесть общественно-географических трендов и проблем как на постсоветском пространстве, так и шире – в глобальном масштабе.

Выражая благодарность авторам, внёсшим интеллекту-

альный вклад в подготовку данного издания, полагаю, что оно в значительной степени отражает (с учётом статей в «Вестнике АРГО», также опубликованных к Четвёртой ассамблее) спектр интересов российских географов-обществоведов, иллюстрируя, при этом, характерные для нашей науки проблемные ситуации, высвечивая дополнительные грани её развития в чрезвычайно сложном, противоречивом, полном вызовов и угроз контексте XXI столетия.

А.Г. Дружинин,
Председатель Координационного
совета АРГО,
доктор географических наук, профессор,
директор Северо-Кавказского НИИ
экономических и социальных проблем
Южного федерального университета

УДК 91.3;332.1 (430)

А. Ю. Банников

КЛАСТЕР КАК ЭЛЕМЕНТ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

CLUSTER AS AN ELEMENT OF THE TERRITORIAL INDUSTRIES ORGANISATION

Рассмотрены современные методологические подходы к изучению территориальной организации промышленности; проведен анализ реализации кластерной политики на примере химической промышленности Восточной Германии. Показано, что кластеры выступают ключевым элементом трансформации территориальной организации химической промышленности Восточной Германии.

The article represents current methodological approaches to the study of the territorial industries organization. Also it is analysed the implementation of cluster policy at the case of the chemical industry in East Germany. It is shown that clusters are a key element of the transformation of the territorial chemical industries organization in East Germany.

Ключевые слова: территориальная организация промышленности, кластер, химическая промышленность, Восточная Германия.

Keywords: territorial industries organization, cluster, chemical industry, East Germany.

Процессы формирования пространственной структуры той или иной отрасли промышленности изучаются уже давно. В разные годы и в различных по политическому и экономическому строю государствах выдвигались разные теории, объясняющие размещение предприятий на территории страны. Развитие отечественной географической науки было тесно связано с социально-экономическим развитием страны. Периоды расцвета или спада теоретической мысли были сопряжены с хозяйственной и политической жизнью, а также идеологическими постулатами государства. Одними из ключевых вопросов в трудах экономико-географов в нашей стране являлись вопросы, связанные с изучение размещения производительных сил, производства, отдельных отраслей. Отечественные (советские и российские) исследователи выделяли и изучали такие образования как территориально-производственные комплексы (далее ТПК), территориальные производственные системы, в том числе и районные комплексы

(Н.Н. Колосовский, И.М. Маергойз, М.К.Бандман, А.Г. Гранберг, П.Я.Бакланов и другие) [1, 2, 3, 4, 5].

Концепция ТПК не противоречит новым тенденциям к интеграции производства, проявляющимся в усилении глобализации и упрочнении позиций ТНК, а также в объединении производства путем создания многопрофильных холдинговых компаний, обеспечивающих устойчивость крупных производителей. Она также корреспондируется с кластерной концепцией. Как показывает И.В.Пилипенко, и те, и другие изучают группу сконцентрированных в одном месте отраслей; концентрация и кооперация предприятий одной отрасли, или смежных отраслей, на компактной территории позволяет усилить их конкурентоспособность и обеспечивает более эффективное развитие данной территории. Наряду с этим, понятия «ТПК» и «кластер» имеют общее родовое понятие «система» - прим. автора), а методы выявления ТПК и кластеров, в общем, также сходны [6]. Конечно, у каждой из них есть свои отличительные черты, но главное заключается в том, что концепция ТПК разрабатывалась в индустриальную эпоху и отвечала требованиям, предъявляемым административно-командной экономикой и принципам социалистической организации хозяйства, тогда как кластерная теория – результат развития научной мысли в условиях капитализма и отвечает требованиям постиндустриального этапа развития экономики.

Переход в постиндустриальный этап развития и тертиаризация экономики вызвали интерес к исследованию социально-экономической среды, в которой находятся фирмы и предприятия, а также степени их влияния на социально-экономическое пространство. Одной из первых таких работ был труд британского социолога и географа Д. Мэсси под названием «Территориальное разделение труда: социальная структура и география производства», опубликованный в 1984 г. [7]. Она предложила рассматривать изменения территориальной структуры промышленности через призму трех этапов развития: региональной специализации, этапа концентрации различных функций внутри корпоративных границ многозаводских компаний и этапа индивидуализации спроса.

Таким образом мы видим, что при изучении вопросов размещения промышленности все больше внимания уделяется взаимодействию в рамках трехмерного пространства, измерениями которого являются: предприятие, территория, хозяйственная си-

стема, дополняемая иногда четвертым измерениям – системой управления. По мнению П. Диккена и А. Мальберга [8], предприятия являются не только юридическими лицами, располагающими собственностью, но также и организациями с проницаемыми и разнообразно переплетающимися границами и связями, проявляющимися в сетевых (корпоративных и межорганизационных) потоках. Диккен и Мальберг [8] показывают, что хозяйства территорий включены в организационное пространство фирм либо как места выполнения фирмами отдельных функций, либо через отношения «поставщик – покупатель» с другими фирмами, действующими в этих местах.

В исследованиях зарубежных ученых все большую роль приобретает изучение организационных аспектов, вопросов взаимодействия на конкретной территории не только фирм между собой, но и с другими акторами, прежде всего, с отраслями-смежниками и научно-исследовательскими институтами и университетами, а также региональной администрацией (через государственные научно-исследовательские учреждения, а также, путем создания рамочных условий (специальных программ поддержки)). Следует отметить, что такое взаимодействие повышает конкурентоспособность фирм, а добиться его возможно в рамках кластерных образований (кластеров).

Мировой опыт показывает, что в условиях рынка кластеры – наиболее эффективные и гибкие структуры. В ряде развитых стран разрабатывались и реализовывались программы социально-экономического развития, в том числе программы регионального развития, главным назначением которых было выравнивание условий развития отдельных регионов и обеспечение достойного уровня жизни их населению, в том числе путем проведения кластерной политики, т.е. комплекса мер, направленных на создание новых и поддержание и развитие уже существующих кластеров. Это нашло распространение как в виде четко определенной политики, так и в виде других политических инициатив, таких как региональные стратегии или мероприятия по поддержке локальной системы производства. С появлением политических инициатив возрос, соответственно, интерес к факторам, которые влияют на успех применения кластерной политики. При разработке стратегий развития внимательно изучаются примеры успешных практик, оценивается их применимость к конкретным регионам [9]. Фокусом кластерной политики является самоукрепление

сетей акторов (в большей степени, чем отдельных компаний), а также факторы, влияющие на конкурентоспособность секторов (такие как доступность определенных компетенций, технологий и финансов). Кластерная политика осуществляется через сеть, в которой поддержка политики не централизована, а распределена среди различных общественных и частных агентов, которые координируются в рамках общих стратегических целей.

Особый интерес представляет опыт применения региональных программ в Федеративной Республике Германия. Для этой страны характерна четырехуровневая система поддержки территорий: наднациональный (Европейский Союз), национальный (федеральное правительство), региональный (федеральные земли), локальный (коммуны) [10]. Поддержка кластеров на уровне ЕС (взаимодействия между наукой и экономикой конкретных территорий) является важным инструментом инновационного развития, сохранения и укрепления конкурентоспособности и экономического роста [11]. Для мобилизации потенциала регионов и улучшения их хозяйственного климата в Германии разработаны и действуют различные целевые программы по развитию территорий (InnoRegio, EXIST, InnoNet или Netzwerkmanagement-Ost (NEMO) [12]. Причем следует отметить, что есть программы (например, InnoRegio), которые предназначены, в основном, для новых федеральных земель. Существуют также программы, которые разработаны по принципу «усиления сильнейших» и предназначены для старых федеральных земель (например, BioRegio и Spitzencluster-Wettbewerb [13]).

Кластерная политика, как один из элементов региональной политики, стала активно использоваться в Германии с середины 1990-х годов прошлого века для устранения дисбалансов в развитии старых и новых федеральных земель. Так, например, последствием разукрупнения и приватизации химических предприятий Восточной Германии стала практически полная утрата прежних производственных связей, что, несмотря на солидные финансовые вливания, сдерживало их развитие. Новая концепция развития была нацелена на интеграцию всего региона «химического треугольника» путем трансформации организационной структуры химических штандортов. Выделение отдельных подразделений в самостоятельные компании приводит к разделению бывшего единого химического завода, включавшего в себя несколько сегментов химического производства, на отдельные элементы, каж-

дый из которых является компонентом цепочки создания добавленной стоимости, специализированном на конкретном ее этапе. При этом, между предприятиями в рамках штандорта возникают гетерогенные связи, которые способствуют оперативным ответам на запросы дальнейшего развития.

Таким образом, наблюдается трансформация производственных площадок с вертикально-интегрированными предприятиями в химические парки с наличием множества юридически независимых фирм, но действующих на прежних местах. Идет процесс своеобразного «открытия» фирмами своих производственных площадок для других компаний. Отметим, что появле-

Крупнейшие химические центры Восточной Германии в 2010 г. (составлено автором)

ние химических парков является не возможностью ужесточения контроля действий компаний, а ответом на изменение условий окружающей среды (хозяйственной системы и социально-экономического пространства).

Первым шагом на этом пути стало создание в середине 1990-х годов химических парков, на базе которых впоследствии сформировался трансграничный химический кластер (ассоциация CeChemNet – Центральный немецкий химический треугольник, рисунок), объединяющий предприятия трех федеральных земель: Саксонии-Ангальт, Саксонии и Бранденбурга).

Химическая промышленность Восточной Германии находится в новой фазе развития (концентрации внимания на инновациях) и постепенно меняет свою специализацию с производства продукции неорганической химии и удобрений на производство пластмасс и внедрение инновационных технологий во все этапы производственного цикла. Последний стал одним из составных элементов «потоков знания» (прежде всего, за счет интенсификации связей с другими регионами через инвесторов и транснациональные компании развитых стран). Это способствовало включению рассматриваемой отрасли промышленности в глобальные цепи создания добавленной стоимости.

В заключение отметим, что с переходом в постиндустриальную эпоху (с активизацией процессов глобализации и усилением международной конкуренции) в экономико-географических исследованиях наблюдается всплеск интереса к изучению не только факторов размещения предприятий и способов их взаимодействия с социально-экономической средой, но и к изучению сетевых образований, своеобразных «сплетений» из территории, хозяйства и фирм, которые основаны на использовании преимуществ специализации и кооперации, то есть кластеров, как элементов территориальных социально-экономических систем.

В Восточной Германии, где в условиях усиливающейся международной конкуренции отдельные небольшие предприятия не могут сохранять свои позиции на рынках без сотрудничества с другими акторами, наблюдаются структурные изменения территориально-отраслевой структуры химической промышленности, представляющие собой процесс развития на определенной территории всей совокупности взаимодействующих объектов (подотраслей, отдельных предприятий, производственной и социальной инфраструктуры, их различных функциональных блоков)

вместе с их внутренними и внешними связями, то есть создаются сетевые структуры.

Литература

1. Бандман М.К. Подход и основные этапы решения задачи оптимизации формирования ТПК. // Моделирование формирования территориально-производственных комплексов. – Новосибирск: ИЭиОПП, 1971. – 100 с.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства и экономическое районирование// Социально-экономическая география: традиции и современность/Под ред. А.И.Шкириной и В.Е.Шувалова – М. – Смоленск: Ойкумена, 2009. С. 9 – 29.
3. Гранберг А.Г. Оптимизация территориальных пропорций народного хозяйства. – М.: Экономика, 1973. –248с.
4. Маергойз И. М. Территориальная структура народного хозяйства. – Новосибирск: Наука, 1986. 302 с.
5. Чистобаев А.И. Развитие экономических районов: Теория и методы исследования. – Л.: Наука, 1980. – 128 с.
6. Пилипенко И.В. Проведение кластерной политики в России. Режим доступа: http://www.biblio-globus.ru/docs/Annex_6.pdf (дата обращения: 05.03.2013 г.)
7. Massey D. Spatial Divisions of Labour: Social Structures and the Geography of Production. London, 1984.
8. Diecken R., Malberg A. Firms in Territories: A Relation Perspective// Economic Geography. 2001. №4. P. 345 – 363
9. Меньшенина И. Г., Капустина Л. М. Кластерообразование в региональной экономике: монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2008. –154 с.
10. Kiese M. Regionale Clusterpolitik in DeutschlandBestandsaufnahme und interregionaler Vergleich im Spannungsfeld von Theorie und Praxis Metropolis-Verlag, Marburg 2012. - 452 S.
11. Europäische Kommission. Auf dem Weg zu Clustern von Weltrang in der Europäische Kommission: Die Umsetzung der breit angelegten Innovationsstrategie. KOM (2008) 652. Brüssel. Режим доступа: http://ec.europa.eu/enterprise/innovation/doc/com_2008_652_de.pdf (дата обращения: 04.03.2013 г.)
12. Kiese M. Clusterkonzepte zwischen Theorie und Praxis// Werkzeuge für die Weiterentwicklung und das Managment von Clusterinitiativen und Netzwerken Verlag Werner Hülsbuch, Boizenburg, 2010. - S. 55-83
13. Der Spitzencluster-Wettbewerb - Mehr Innovation. Mehr Wachstum http://www.hightech-strategie.de/de/468.php (дата обращения: 03.03.13 г.)

УДК 911

**Davorin Bajić, Goran Trbić,
Marko Stanojević, Slobodan Gnjato**

БАЗИРУЮЩИЙСЯ НА ГИС ИНДЕКС КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОНЦЕНТРАЦИИ

GIS BASED INDEX AS A CRITERION OF SPATIAL CONCENTRATION OF THE SOCIAL-ECONOMIC FEATURES

Охарактеризованы теоретические, математические и ГИС-концепты индекса пространственной социально-экономической концентрации; раскрыт алгоритм, обеспечивающий его автоматизированное применение.

The paper devises and describes the index of spatial concentration as an estimation criterion of divergence of spatial concentration of the social-economic features at different territorial levels. While the introduction part generally describes the spatial concentration phenomenon, other parts of the paper provide a detailed account of the theoretical, mathematical, and GIS concepts of the spatial concentration index and practically describe their application. Each step of the mathematical calculus of the index has been conducted via GIS algorithm in the form of the integral Python script, which fully enables its automated application. The results presented in the paper indicate that the application of the defined index can efficiently help identify the regional differences with reference to spatial concentration of various social-economic and demographic features.

Ключевые слова: индекс пространственной концентрации, территориальная структура, ГИС

Keywords: spatial concentration index, territorial structure, GIS

Introduction

Different scientists, especially the geographers, economists, and statisticians have been focused on spatial concentration for decades. The following authors have made both theoretical and methodological contribution to the phenomenon of spatial concentration: Corrado Gini [1], Masahisa Fujita, Paul Krugman and Anthony Venables [2], Glen Ellison and Edward Glaeser [3], Filipe Campante and Quoc-Anh Do [4] etc. A large number of theories, models, and statistical measures have been created in order to explain and measure the phenomena of spatial concentration - the economic activity above all. What we may infer is that there is no universal model and a statisti-

cal pattern that can accurately account for the phenomenon of spatial concentration. The spatial distribution of different economic activities (trade, industry, tourism, etc.), demographic components and social characteristics are all conditioned by various factors, and the laws of the spatial distribution of these structures may vary whatsoever. It is quite clear that the spatial distribution of industry and tourism, for instance, does not share the identical genesis conditions, which further makes us believe that it is impossible to define a uniform model that may explain the spatial distribution of each of the activities separately. Thus, we may infer that the researches within the field of spatial concentration are still tangible for researchers of various profiles.

Many theories and models caused the rise of numerous statistical measures (indexes) and techniques that perform the accurate measurement of spatial concentration, and some of those are: *Gini Index* [1]*, index Ellison and Glaeser* [3]*, Herfindahl-Hirschman Index* [5]*, Isard index, Herfindhal index, Theil Index* [6]*,* etc. The construction procedure for making those indexes varies from the spatial measurement of regional varieties (each structural element is observed separately, which makes further comparison even more difficult – as in case of *Gini index*) to *Ellison and Glaeser indexes* (enabling relevant spatial concentration comparison for different industry branches).

This paper is about the construction of the spatial concentration index without trying to meet the terms of perfection but rather to apply on spatial concentration measurement for various social-economic and demographic features, all due to its specificity. Unlike most existing indexes, which are mostly narrow and used for the measurement of spatial concentration of some specific activities (such as the industrial spatial concentration), the index we are presenting may be used to measure the spatial concentration of a large number of social-economic features. Apart from its wide applicability, this index enables the measurement of spatial concentration of many parallel parameters (for instance, if we consider the spatial concentration of certain commercial structural elements, we do not need to use the indicator expressing the total commercial structure but we may rather use some of the demographic parameters, such as population number). Furthermore, the index provides us with the relevant comparison both among territorial units and the levels of spatial concentration of specific structural elements in case we used the same comparable parameter.

GIS technologies largely improved the development and application of the spatial analysis model. GIS analyses are performed via

analyzing the sets of digital maps, displayed in shape of layers within an object-oriented program environment. This all helps put the sets of spatial variables into the mathematical and statistical relations, which further leads towards production of new sets of spatial data. While working on the index, the starting point was to create a GIS algorithm that would enable an automated application of the index and automated generation of sets of output maps, without the difficult calculations. The GIS algorithm should help a large number of users to simply apply and test the index in question. The algorithm is provided in the form of a source code so that the implementation is rather simple and efficient.

Theoretical concept of the index

„Economists, statisticians, geographers, and others still do not share the same idea of what concentration is. The economists believe that concentration refers to the measurement of the level of nonlinearity of the economic activity distribution. The statistics describes it as the accumulation of separate observations around some chosen value – arithmetic mean (dispersion measure) for instance. In other words, it is a statistical measurement of the level of accumulation or dispersion of the elements of a certain set. In geography, the term of concentration refers to the areal or territorial concentration. The territorial concentration is the concentration of structural elements within some region, center, or part of the territory observed. The territorial concentration is caused due to nonlinearity and non-uniformity of the territorial structure"[7].

The measurement of spatial concentration identifies the regional differences on the level of spatial concentration of certain structural features. Identification of regional differences observed through the index is based on the comparison of developmental levels of a certain social-economic feature of a lower spatial rank (e.g. region, administrative-territorial units, etc.), which will further on be addressed to as „*territorial unit*", or the level of development of identical features of a higher spatial rank (e.g. state), which will further on be addressed to as „*territorial structure*". Thus, in order to analyze the diversities and to apply the index, it is necessary to clearly define the territorial units (lower rank) within the territorial structure (higher rank) and to set the interrelation among these.

Once the territorial structure has been accurately set (i.e. „*horizontal structure"*), in order to realize the index it is necessary to define

the „*vertical structure"as well.* Namely, the index is based upon the estimation of the spatial concentration of social-economic features. These features can be observed as a constituent part of certain structures, e.g. working population is a part of the total population, and certain commercial sector employees represent a structural element of the total working population, etc. In this case, social-economic features are the „*structural elements*", and the structures they belong are referred to as „*vertical structures"*.

The index we observed may be referred to as a degree measurement of spatial concentration. The degree of spatial concentration might be defined as a measurement of the development of the territorial units belonging to a horizontal structure, with reference to the level of concentration of vertical structure elements existing within those units. A higher concentration of number and size of the vertical structure elements within a territorial unit indicates a higher level of development of that territorial unit. Thus, the degree of spatial concentration refers to the concentration degree of the observed features at some area.

The essence of the spatial concentration measurement via the referential index is based upon the concentration estimation of a specific structural element within territorial units. Hereby, a connection is made between the development degree of a structural element within each territorial unit and the development degree of the same structural element within the total territorial structure. The relation between a structural element within territorial units and the same structural element within the total territorial structure is performed via the vertical structure that is used as a comparison category. The measurement of spatial concentration within territorial units is based upon the comparison of the structural element's real value and its hypothetic value, which the structural element would have if it were developed in compliance with the mean value of the same structural element at the total territorial structure level. The hypothetic value of the structural element is set via the total vertical structure parameter. For instance, if we wish to estimate the degree of industrial spatial concentration (i.e. the structural element of the total commercial structure – vertical structure) by specific territorial units via the employee number indicator, the real value would be the number of industry employees and the hypothetic value would be the number of industry employees that the observed territorial unit would have if the industry itself were developed in agreement with the average of the total territorial structure. In

this case, the hypothetic value is set by making connection between the industry employees and the total employees at both territorial unit and total territorial structure levels.

Therefore, we may infer that the index is actually a system measure that does not regard territorial units separate from one another, but it rather creates a quantitative relation between them and the total territorial structure. This fact helps compare the territorial units encompassed by the analysis. Due to its fundamental nature, the index is applicable to the spatial concentration determination for many social-economic features. It is also applicable to cases of clearly defined territorial and vertical structures. Moreover, it can be used in cases of structural elements not being a direct part of the vertical structure, only in this case it must be eminent for the vertical structure itself (e.g. the number of newborns is not an element of the population structure but it is eminent for the total population, and this way we can estimate the spatial concentration of the newborns). The usage of the uniform parameter as a comparison measure for setting the structural element's hypothetic value enables the result comparison for various structural elements (e.g. the calculation of the spatial concentration index for each commercial structural element; the comparison is attainable if the analogous categories are used).

The mathematical concept of the index

Taking into account the defined theoretical concept, the spatial concentration index (represented by the „SC_{ij}"symbol) of social-economic features may be presented via the following mathematical equations:

$$SC_{ij} = \frac{(Nq_{ij} - Mq_{ij})}{Mq_{ij}},$$

$$Mq_{ij} = Pq_j \left[\frac{\sum_{j=1}^{n} Nq_{ij}}{\sum_{j=1}^{n} Pq_j} \right], \quad j = 1,2,3 \ldots n.$$

In which:

SC_{ij} – is the coefficient of spatial concentration of the structural element „*i*" within the territorial unit "*j*";

Nq_{ij} – is the absolute value of the structural element „*i*" within territorial unit "*j*";

Mq_{ij} – is the hypothetical value representing the value of the structural element „*i*" within the territorial unit "*j*", which the structural element would have if it were developed in proportion with its portion in the vertical structure of the total territorial structure.;

Pq_j – is the comparative value expressed via the absolute volume, reflecting the total vertical structure value or the value within which the structural element is imminent;

i – is the structural element;

j – is the territorial unit.

The SC_{ij} index is the ratio between the structural element values within the territorial unit opposite to the value of the same structural element within the total territorial structure hat is in proportion with the vertical structure. Basically, the coefficient indicates the „surplus" or „shortage" of the structural element within the territorial unit in relation to the mean value of the structural element at the total territorial structure level.

The coefficient values range from -1 (when there is no structural element „*i*" within the territorial unit „*j*") to 0 (when the ratio/size of the structural element „*i*" within the territorial unit „*j*" matches the average at the total territorial structure level); furthermore, it ranges from 0 to $\sum_{j=1}^{n} Pq_j : \sum_{j=1}^{n} Nq_{ij} - 1$, but now the coefficient value 1 indicates that the value of the given structural element is the double worth within the observed territorial unit in comparison with the average of the same structural element within the total territorial structure. Maximum coefficient value ($\sum_{j=1}^{n} Pq_j : \sum_{j=1}^{n} Nq_{ij} - 1$) is of a theoretical relevance and it may appear if the observed structural element is concentrated only within one territorial unit (i.e. the element is not present in all other territorial units within the territorial structure). As the coefficient values outgrow 0, the given territorial unit has a larger „surplus "with the observed structural element; i.e. the spatial concentration is bigger. If we consider the negative coefficient values, then the situation is vice versa; i.e. the spatial concentration is smaller.

GIS concept of the index

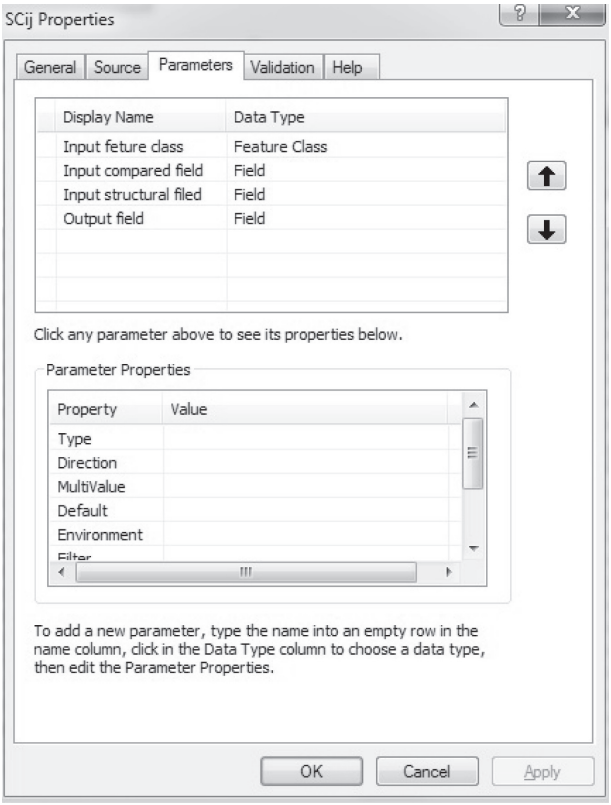
In order to enable the automated application of the spatial concentration index, a GIS algorithm was created that largely simplified the process of calculations and map visualization of the results obtained. The algorithm was generated in the form of a script (*Source Code 1*) by using the objective-oriented *Python* program and the „*arcpy"module* within ArcGIS (10.1) environment.

Source Code 1: GIS algorithm of the spatial concentration index (Python – ArcGIS script)

```
import arcpy
inputFC = arcpy.GetParameterAsText(0) # Input feature class
compareField = arcpy.GetParameterAsText(1) # Input compared field
structuralField = arcpy.GetParameterAsText(2) # Input structural field
outField = arcpy.GetParameterAsText(3) # Output field
rows = arcpy.SearchCursor(inputFC)
row = rows.next()
totalCompare = 0
totalStructural = 0
recordsCounted = 0
while row:
totalCompare += row.getValue(compareField)
totalStructural += row.getValue(structuralField)
recordsCounted += 1
row = rows.next()
arcpy.AddField_management(inputFC, outField, "DOUBLE") #Create field
rows = arcpy.UpdateCursor(inputFC)
for row in rows: #Expression
stan = row.getValue(compareField)
priv = row.getValue(structuralField)
if stan <> 0:
result = (float(priv) - \
(float(stan) * (float(sum([totalStructural])) / \
float(sum([totalCompare])))))) / \
(float(stan) * (float(sum([totalStructural])) / \
float(sum([totalCompare]))))
elif stan == 0:
result = -2 #No Data
row.setValue(outField, result)
rows.updateRow(row)
del row, rows
```

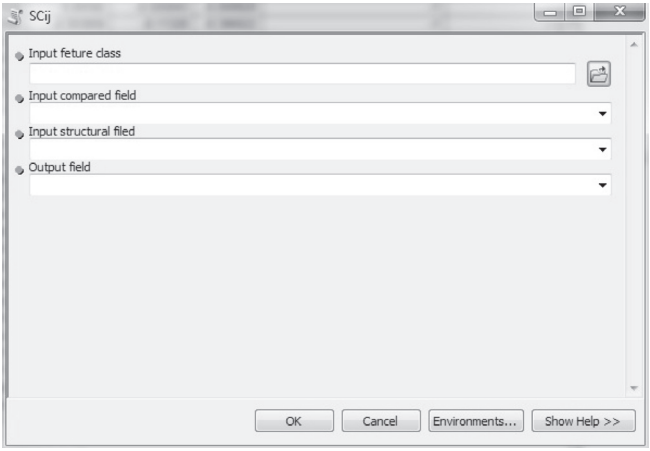
As the *Python* script in *ArcGIS* application has been introduced and parametericized, a GIS tool is obtained the usage of which automatically updates the table of attributes comprising the results of

the spatial concentration index calculation. Parameterization of the script upon its introduction into the *ArcGIS* application refers to defining four parameters (*Picture 1*): the first parameter – the vector layer containing the input indicators (the structural element value and the compared field value – *Input feature class*); the second parameter – an attribute in the vector layer referring to the compared field value (*Input compared field*); the third parameter – an attribute in the vector layer referring to the structural element value (*Input structural field*); and the fourth parameter – the name of the column (attribute) locating the results (*Output field*). In the feature defining field all parameters should be defined as either *Input* or *Required.*



Picture 1: Defining parameters in the ArcGIS application

The set off of the imported script initiates the tool for calculating the spatial concentration index and the window opens in which parameter name should be inserted (*Picture 2*). Once the parameter name has been entered into the adequate field and the „OK"option has been chosen, we initiate the executive command that carries out the given algorithm. The result of the algorithm performance is a new column in the table of attributes of the chosen vector layer, to which the name has been given, which was earlier entered as the parameter name was defined. The results are shown as previously described within the *Mathematical concept of the index* subchapter. Furthermore, if there are no comparative data for some of the territorial units, those territorial units are automatically attributed the -2 value.



Picture 2: The appearance of the window for setting off the tool created in ArcGIS

Instances of the index application

This chapter displays, without any deep analysis, the results of calculating the spatial concentration index on the example of Republic of Srpska. For the purpose of the paper, the approaches to result analysis are given priority and not the analysis and conclusions themselves.

The spatial concentration index was calculated for the chosen social-economic features (structural elements - Nq_{ij}) such as: total number of newborns, total number of unemployed population, total number of employed population, the number of employees within the branch of „electrical current, gas, and water production and supply-

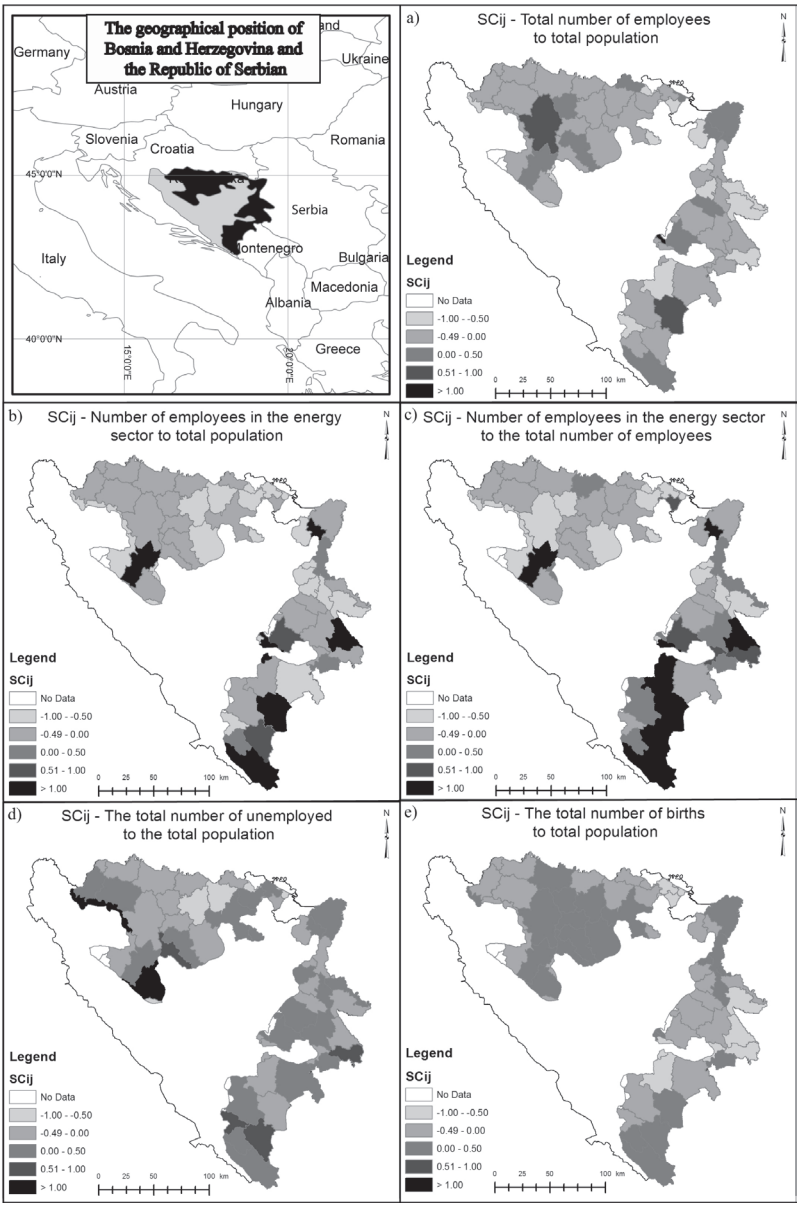


Figure 1: Republic of Srpska - Examples of application of spatial concentration index

ing“. The total population and total employees were used as comparative categories (total structure - Pq_j). All the data analyzed referred to the year of 2011 [8]. The feature selection was performed according to the exemplary criterion and the level of data availability. Furthermore, the features were chosen that may authentically illustrate the application of the spatial concentration index.

Republic of Srpska is an entity within the Bosnia and Herzegovina political structure with its own administration-territorial, political, economic, and national competences. The administrative-territorial structure of Republic of Srpska is made up of 62 territorial units (municipalities). The spatial concentration index calculations were made at the municipality level and the municipalities were observed as *territorial units,* whereas Republic of Srpska was observed as a *total territorial structure.*

The following cartograms indicate the results of the spatial concentration index calculations for the chosen features (*Figure 1)*.

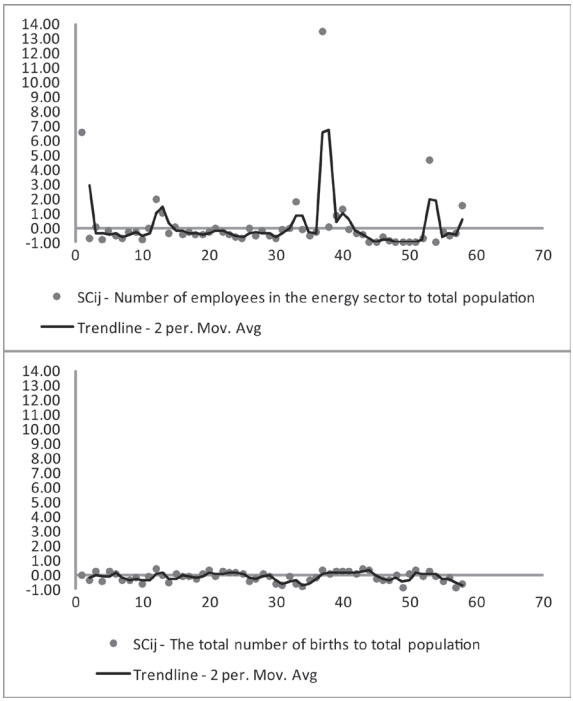


Figure 2: Republic of Srpska- Selected examples of distribution index SCij

The results indicate certain variability with reference to the spatial concentration of the analyzed features. If we take 0 as a barycentric value of the index (i.e. the level of development of structural elements is in compliance with the mean value of the total territorial structure), then we might infer that, depending on the features analyzed, there are certain deviations from the barycentric value. The larger the deviations from the barycentric value, the stronger the spatial concentration of a given structural element within the observed territorial structure. In case the results slightly deviate from the barycentric value, we may infer that the given structural element within the observed territorial structure is not a strong spatial concentration feature. Then we can talk about the equally developed analyzed structural element within the total observed space (the total territorial structure), i.e. we may call this the *spatial dispersion* as opposite to the idea of spatial concentration.

As we cast a look at the cartograms (*Figure 1*) and individual instances of the index distribution (*Figure 2*) we might see a significant difference between the spatial distribution of the energetic sector working population and the total newborns. The number of energetic sector employees largely deviates from the barycentric value (with reference to the total employees and total population figures), which further indicates the strong *spatial concentration* of this structural element. On the other hand, the number of the newborns (with reference to the total population) only slightly deviates from the barycentric value, which imposes a dispersive nature of this element within the observed territorial structure. Similar relations might be identified for other features as well.

Without any detailed result analysis, it is crucial to say that the observation of the *spatial distribution* of the results (*Figure 1*) also indicates the regional disparity between the analyzed features spatial concentration. It is possible to estimate the regional differentiation according to the spatial concentration parameters by using the methods of spatial and statistical analyses (e.g. cluster analyses) and taking the spatial concentration index as the input variable. The estimation of the regional differentiation according to the given parameters is one of the fundamental assumptions of regional planning.

Conclusion

The created spatial concentration index resulted from a perennial author's work on the issues of spatial concentration of social-

economic features in Republic of Srpska (Bosnia and Herzegovina). Taking into account the existing indexes provided in the paper introduction, we sought a model that would most efficiently help measure the spatial concentration and authentically describe the real situation. We believe that the index described – with reference to its theoretical and mathematical form – depicts the concentration as a spatial phenomenon in a most simple manner. The advantage of the index is that its usage allows different comparable categories (parameters of total vertical structure) according to which the parameters of the observed structural elements are set into relations. The usage of various comparable categories helps find the modality that would best present the spatial concentration of the analyzed structural element.

One more advantage of the index is its mathematical form that was fully implemented into the GIS algorithm by creating a GIS tool for automatic application. The GIS-based automatic application of the index brings some conveniences, such as:

-An efficient manner of putting one structural element into a relation with several comparable categories;

-It is possible to calculate the spatial concentration index for several structural elements within a short time;

-It is flexible with regard to using different comparable categories and structural elements and automated as well, all of which enables the testing and checking of the index;

-It efficiently visualizes the results obtained in the shape of a cartogram.

Planning the development and spatial organization of the social-economic structures is based on the identification of their spatial features. One of the most relevant spatial features of the social-economic structures is the spatial concentration of their structural elements. The application of the index may help accurately estimate the spatial features of the social-economic structures. Furthermore, the aforementioned facts indicate the reality that the index devised may be applied onto different studies and projects engaged in the development planning and spatial organization of the social-economic structures.

BIBLIOGRAPHY

1. Gini, C. (1921). Measurement of inequality of incomes. Economic Journal, Vol. 31, No. 121, 124–126.

2. Fujita, M., Krugman, P., Venables A. J. (1999). The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade. Cambridge, MIT Press.

3. Ellison, G. and Glaeser, E. (1997). Geographic concentration in u.s. manufacturing industries: A dartboard approach. The Journal of Political Economy, Vol.105, No.5, 889-927.
4. Campante, R., Quoc-Anh Do (2009). A Centered Index of Spatial Concentration: Axiomatic Approach with an Application to Population and Capital Cities. HKS Faculty Research Working Papers RWP09-005.
5. Goschin, Z., Constantin, D., Roman, M., Ileanu, B. (2009). Specialisation and Concentration Patterns in the Romanian Economy. Journal of Applied Quantitative Methods, Vol. 4, No.1, 95-111.
6. Combes, P.P., Mayer, T., Thisse, J.F. (2008). Economic Geography. Princeton University Press, New Jersey.
7. Грчић, М., (1987). Анализа просторне организације индустрије региона Београд. Економски институт, Београд.
8. Institute of Statistics, Republic of Srpska. Statistical Yearbook of Republika Srpska 2012. Banja Luka, 2012. http://www2.rzs.rs.ba/static/uploads/bilteni/godisnjak/2012/ StatistickiGodisnjak_2012_WEB.pdf
9. Egan, K., Anderton, D., and Weber, E. (1998). Relative spatial concentration among minorities: Addressing errors in measurement. Social Forces, Vol.76, No.3, 1115-1121.
10. Brulhart, M. (2001). Evolving geographical concentration of European manufacturing industries. Weltwirtschaftiches Archives, vol. 137, No.2.

УДК 911.3:312

А. Д. Бадов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ СКФО И ПРОБЛЕМЫ ТЕРРОРИЗМА И ЭКСТРЕМИЗМА

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF NORTH CAUCASUS FEDERAL DISTRICT AND CHALLENGES TERRORISM AND EXTREMISM

Рассмотрены проблемы терроризма и экстремизма в регионах СКФО во взаимосвязи с уровнем социально-экономического развития северокавказских республик.

Considered the problem of terrorism and extremism in the North Caucasus Federal District regions in relation to the level of socio-economic development.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, республики СКФО, Северная Осетия.

Keywords: terrorism, extremism, Republic of North Caucasus Federal District, North Ossetia.

Как уже отмечалось неоднократно, в регионах СКФО сложилась тяжелая социально-экономическая ситуация. Северо-Кавказские республики оказались наиболее пострадавшими в ходе перестройки и перехода к рыночным отношениям. Кроме того, свои последствия имели две Чеченские войны, межнациональные конфликты, наплыв беженцев и вынужденных переселенцев, терроризм.

Одной из наиболее пострадавших в этот период оказалась Северная Осетия. Осетино-ингушский и грузино-осетинский конфликты, война в Южной Осетии, наплыв вынужденных мигрантов крайне негативно сказались на экономическом развитии республики. Экономические реформы привели к остановке и закрытию многих предприятий. Особенно пострадали предприятия военно-промышленного комплекса, машиностроительные производства. На грани коллапса долгое время находился ранее процветавший туризм. Часть земель сельскохозяйственного назначения не использовалась из-за опасности вооруженного нападения. В республике продолжительное время существовала реальная опасность похищения людей. Возникла необходимость существенного отвлечения людей и материально-технических средств на меры предосторожности.

Эти и другие факторы привели к существенному падению промышленного и сельскохозяйственного производства, снижению валового регионального продукта. По душевому показателю ВРП все регионы СКФО находятся в конце рангового списка [1]. Стоит отметить, что рейтинг регионов отражает не только уровень экономического развития, но и существенный диспаритет цен между продукцией промышленности и сельского хозяйства. Возглавляют рейтинг нефтегазовые и экспортно-ориентированные регионы (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО), Москва и Санкт-Петербург, а также промышленные гиганты типа Красноярского края и Татарстана. В конце рейтинга – аграрные и депрессивные регионы, в том числе и республики СКФО.

Экономическая несостоятельнось регионов, несмотря на существенные дотации, приводит к бедности населения. Часто именно от бедности и безысходности люди вступают в преступные формирования, бандгруппы. Отсюда – рост преступности, терроризм и экстремизм.

Небольшой объем статьи не позволяет исследовать преступность в полной мере, поэтому мы ограничимся рассмотре-

нием терроризма – явления, получившего на Северном Кавказе весьма широкое распространение.

Географическое изучение проблемы терроризма в России актуально тем, что это явление все более и более увеличивается в масштабах, охватывая все новые и новые регионы, принимая самые разнообразные формы. Изучение терроризма средствами географии особо актуально для Северной Осетии, региона, где весьма часто случаются террористические коллизии.

По далеко не полным данным, за 1992–2012 гг. на территории России было совершено более 200 наиболее известных террористических актов. География произведенных терактов в России довольно обширна. Однако, практически все они были совершены в Европейской части России (за исключением единичных случаев в Красноярском крае и Комсомольске-на-Амуре). В целом (за исключением, разумеется, Москвы), тенденция такова: с удалением от Чеченской Республики число терактов уменьшается. Из общего числа терактов 20,8% пришлось на территорию Чеченской Республики, 21,8% – Республику Дагестан, 11,8% – Республику Ингушетия, 10,9% – Республику Северная Осетия-Алания, 10,4% – Москву. Таким образом, на территории пяти субъектов Российской Федерации было совершено ¾ всех террористических актов. По масштабам и трагичности терактов к этой пятерке приближается Ставропольский край. Как видно, практически все эти регионы, за исключением Москвы, сосредоточены в Северо-Кавказском федеральном округе и имеют границы с Чеченской Республикой. На регионы Северо-Кавказского ФО пришлось 78,6% всех терактов (табл. 1).

По нашим данным, максимальное число терактов было совершено в 2004 и 2005 гг. На эти же годы приходятся самые масштабные из них. В 2006 г. наблюдалось снижение числа терактов. Пик терактов приходится на летние месяцы (38% от общего числа), особенно на июль и август. Меньше всего терактов совершалось осенью [2].

В терактах погибло более 3,3 тыс. чел., из них 25% – в Дагестане, 22,4% – в Чеченской Республике, 16,7% – в Москве, 16,1% – на территории Северной Осетии, 8,1% – в Ставропольском крае и 5,1% – в Ингушетии. Таким образом, на шесть субъектов РФ пришлось 94,3% убитых в террористических актах. Было ранено более 6 тыс. чел., из них 23,5% – в Республике Северная Осетия-Алания, 10,9% – в Чеченской Республике, 15% – в Ставропольском крае, 13,9% – в Москве, 9,5% – в Республике Дагестан, 7,2% –

в Ростовской области. На шесть субъектов РФ пришлось 80% раненых в террористических актах.

Таблица 1. Теракты в России за 1992-2012 гг.

Регионы	Кол-во терактов, ед.	Число убитых, ед.	Число раненых, чел.	Доля терактов, %	Доля убитых, %	Доля раненых, %
Чечня	44	733	663	20,8	22,4	10,9
Северная Осетия	23	526	1434	10,9	16,1	23,5
Кабардино-Балкария	8	27	190	3,8	0,8	3,1
Ингушетия	25	168	307	11,8	5,1	5,0
Дагестан	46	815	579	21,8	25,0	9,5
Ставропольский край	16	263	915	7,6	8,1	15,0
Карачаево-Черкесия	1	2	–	0,5	0,1	–
Краснодарский край	3	6	7	1,4	0,2	0,1
Москва	22	544	845	10,4	16,7	13,9
Другие	23	181	1332	11,0	5,5	19,0
Всего	221	3280	6157	100	100	100

В Северной Осетии теракты происходили практически регулярно. Особенно часто и с наибольшими потерями в 1999, 2003, 2004 и 2006 гг. Пик терактов в Чеченской Республике пришелся на 2000–2004 гг. С 2003 г. началось «перемещение» террористических атак в Дагестан, Ингушетию и Кабардино-Балкарию.

Исходя из числа терактов и их регулярности, регионы России можно подразделить на следующие группы: 1) Регионы с терроризмом экстремальной интенсивности, значительным числом убитых и раненых (Чеченская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия-Алания, г. Москва, Ставропольский край). В Чечне, Дагестане, Северной Осетии и Москве теракты в обозреваемый период происходили практически ежегодно. В Ингушетии регулярно теракты стали интенсивно проявляться с 2002 г. В Ставропольском крае теракты совершались нерегулярно, однако, их последствия весьма трагичны (в этом ряду – захват Буденновска, взрывы на электричках и на рынках). 2) Регионы с терроризмом высокой интенсивности

(Кабардино-Балкарская Республика, Московская и Воронежская области). 3) Регионы с терроризмом низкой интенсивности (Республика Татарстан, Самарская область, Карачаево-Черкесская Республика). 4) Регионы с терроризмом эпизодического характера (Ростовская, Астраханская, Архангельская, Кировская и Саратовская области, Республика Башкортостан, Республика Коми, Красноярский край).

Таблица 2. Распределение террористических атак в России по годам

Годы	Теракты, ед.	Убитых, чел.	Раненых, чел.
1992	1	-	-
1993	3	3	–
1994	3	12	13
1995	3	184	400
1996	4	237	15
1997	3	10	47
1998	1	-	18
1999	18	459	1515
2000	14	166	213
2001	17	44	298
2002	10	404	238
2003	16	551	683
2004	21	729	1242
2005	24	81	171
2006	26	33	81
2007	5	16	129
2008	3	14	20
2009	3	53	232
2010	25	112	556
2011	11	53	181
2012	6	36	105
Всего	221	3280	6157

Анализ судебных дел над исполнителями терактов показывает, что далеко не всегда бывают правомочны ссылки на чеченский терроризм. Теракты во Владикавказе, Краснодаре, Архангельске, Нальчике, Назрани, Махачкале, Армавире, Московской области, ряд терактов в Москве были совершены не чеченскими боевиками и даже не по их заказу. Во многих терактах были повинны ингушский и карачаевский джамааты, славянские террористические группировки и другие организации. Часто теракты совершали одиночки.

В ноябре 2012 г. в Пятигорске провел совещание по проблемам экстремистских проявлений секретарь Совбеза Н. Патрушев. На совещании были отмечены следующие моменты:

1. Ситуацию на Кавказе сегодня сложно назвать спокойной. И дело не только в бандподполье, лидеров и членов которого регулярно уничтожают во время контртеррористических операций. И не в смертниках, взрывающих себя на постах ДПС и в домах мусульманских духовных лидеров.

2. Несмотря на активное противодействие и пропагандистскую работу со стороны властей, на место уже ликвидированных приходят все новые и новые молодые адепты терроризма. Тотальная безработица, клановость, казнокрадство, коррупция – все это отравляет жизнь некогда гостеприимного региона не меньше, чем бандитские вылазки. Кроме того, все чаще стали возникать и межнациональные конфликты, которые перекинулись даже на относительно благополучный в межэтническом отношении Ставропольский край. По словам Патрушева, за последние годы был выработан ряд дополнительных мер по противодействию возникновения очагов межнациональной напряженности и терроризма, вербовочной деятельности и расширения пособнической базы бандподполья.

3. Вместе с тем, многие проблемы Кавказа пока еще далеки от окончательного решения. Как оказалось, местные власти до сих пор крайне медленно и неохотно ведут борьбу с пресловутой клановостью, которая неразрывно связана с коррупцией. И действительно, как с ней бороться, если, например, глава местной администрации, федеральный судья и прокурор – родственники. Естественно, что никто из них друг друга увольнять и, тем более, «сажать» не будет.

4. Еще один негативный момент – то, что уровень безработицы на Кавказе продолжает оставаться самым высоким в стра-

не, что само по себе толкает людей на поиск любого заработка, в том числе криминального.

5. Как признаются в правоохранительных органах округа – они не сумели пока радикально переломить ситуацию в борьбе с преступлениями экономического характера. И их доля в общем объеме преступности остается значительной. В то же время даже в федеральных министерствах признают, что в этом году не удалось существенно снизить масштабы хищений и нецелевого расходования бюджетных денег.

6. Серьезную озабоченность вызывает состояние антитеррористической защищенности объектов энергетики, гидротехнических сооружений и транспортной инфраструктуры, охраны образовательных и медицинских учреждений, торговых центров.

7. Решению этих проблем был посвящен и один из первых указов Владимира Путина на посту президента «Об обеспечении межнационального согласия». Кроме того, глава государства поручил до 1 декабря разработать и утвердить Стратегию государственной национальной политики, а также выработать комплекс мер, направленных на предупреждение межнациональных конфликтов [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. За последние два десятилетия произошли существенные изменения в террористической деятельности и отношении к ней. Один из важнейших моментов – психологическое привыкание населения к террористическим актам. Еще недавно любой акт воспринимался как экстраординарное событие; в настоящее время, как правило, – как обыденное явление. При этом, наблюдается переход от одиночного терроризма к созданию террористических групп, крупных террористических организаций, разветвленной сети международного терроризма. Существенно выросло число террористических актов. Так, например, в 1994 г. в России было совершено 18 терактов, а в 2002 г. – 360. Таким образом, прирост составил 2000%. Масштабность и жестокость терактов также значительно увеличилась; от одиночных взрывов терроризм перешел к крупным и крупнейшим акциям; захватываются больницы, школы и т.п. – чего раньше не могло быть в принципе. От обычного стрелкового оружия и бомб терроризм в мире переходит к оружию массового уничтожения; значительно улучшается его финансовое обеспечение; по сути, он переходит в стадию цивилизационной войны; под его знамена становятся уже целые народы.

Литература

1. Рейтинг социально-экономического положения субъектов РФ». Итоги 2011 года». Риа Новости. 2012 г.
2. Бадов А.Д. География преступности в России в постсоветский период. Владикавказ: СОГУ, 2009. 333 с.
3. Российская газета, №5925 (252).

УДК 911.3

А. Г. Бадмаев

КАЧЕСТВО НАСЕЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСПЕХА ГОСУДАРСТВА

QUALITY OF THE POPULATION AS A FACTOR OF ECONOMIC SUCCESS OF THE STATE

Показано, что качество населения играет важнейшую роль в социально-экономическом развитии территории.

It is shown that the quality of the population plays a vital role in the socio-economic development of the territory.

Ключевые слова: качество населения

Keywords: quality of the population

Перед автором как географом, более или менее полно изучающим пространство и его социально-экономические закономерности во времени, всегда вставал вопрос: а так ли важны для развития территории (любого ранга) обширные пространства, несметные природные ресурсы и даже выгодное экономико-географическое положение (ЭГП) (разного уровня)? Да, важны, но всё же, из триединой структуры «территория», «население» и «хозяйство» мы склонны выставить на первый план население, а точнее качество населения.

Категория «качество населения» достаточно прочно утвердилась в понятийном аппарате общественных наук, но ее трактовка неоднозначна и многопланова. В.П. Максаковский выделяет три главные, агрегированные части этого понятия: 1) здоровье населения; 2) образовательный уровень населения; 3) квалификационный и профессиональный уровень населения. [1; с. 113]. Пассионарность этносов, по нашему мнению, также является элементом качества населения и служит одной из основных фак-

торов выбора экономического и политического курса государства. Для того, чтобы понять и изучить, что именно влияет на качество населения приходится выходить за рамки географической науки. Природу трудолюбия, ума или чистоплотности человека и социума могут объяснить этнология, этнография, генетика, культурология, психология, социология и философия. Приходится осознавать, что «не место красит человека, а человек – место». Иначе говоря, не природная среда влияет на население, а скорее, население, исходя из уровня своего качественного развития, влияет на природу, создавая антропогенный ландшафт. В некоторых случаях человек меняет исходную территорию жизнедеятельности до неузнаваемости: насыпает острова, прорывает каналы, возводит плотины и дамбы, осушает участки моря и т.п.

Качество населения – это особый ресурс (создающий или разрушающий), влияющий на развитие той или иной территории. При прочих равных экономико-географических условиях качество населения играет решающую роль в хозяйственном развитии территории. Хочу также отметить, что и выгодное географическое положение не является гарантией экономического успеха страны. Подтверждением служат «стратегические точки» планеты: Панамский канал (Панама), Гибралтарский пролив (Испания, Марокко, Гибралтар (Вел.), Суэцкий канал (Египет), проливы Босфор и Дарданеллы (Турция), Баб-эль-Мандебский пролив (Йемен, Эритрея, Джибути), Ормузский пролив (Оман, Иран) и Малаккский пролив (Сингапур, Малайзия, Индонезия); страны, через которые или возле которых пролегают эти водные артерии, находятся на разных уровнях развития. Не способно стать определяющим фактором для социально-экономического развития страны и наличие крупных залежей минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. Приведу пример, подтверждающий этот тезис.

Япония, не имеющая сколько-нибудь серьёзных минерально-сырьевых ресурсов и ограниченная по площади, является одной из самых развитых стран мира по разным показателям: ВВП на душу населения, высокий индекс развития человеческого потенциала, высокий уровень занятости и т.п. В 1960-70 гг. Япония не умела делать качественные автомобили, в СССР делали лучше, но буквально за 20 лет Япония вырвалась в мировые лидеры. Многие фундаментальные и прикладные научные достижения СССР воплотили в жизнь именно японцы. Япония, являющаяся примером экономического развития, может гордиться потрясающим

трудолюбием населения, его традиционно сложившейся культурой и особенностями воспитания, высоким уровнем образования. Здесь – фанатичная привязанность к Родине, инвестиции в образование и здравоохранение, преданность работодателю (многие работники всю жизнь работают на одну компанию), непродолжительные отпуска (от 6 до 14 дней), грамотное внедрение в производство новых технологий, упор на научно-техническое развитие. Показательно, что после цунами в марте 2011 года в пострадавших районах не зафиксировано случаев мародёрства. Как видим, ум, целеустремлённость и единство народа в осуществлении национальной идеи являются вектором экономического роста.

Завершая, хочу привести цитату: «…россияне не видят возможности повторения японского «экономического чуда» в России. Те составляющие (трудолюбие и старательность – прим. авт.), на которых, по их мнению, базируется благосостояние Японии, отсутствуют в нашей стране…» [2].

Литература

1. Максаковский В.П. Географическая картина мира: В 2 кн.: Кн. I: Общая характеристика мира. – М.: Дрофа, 2003.
2. URL: http://www.fom.ru (фонд «Общественное мнение»)

УДК 911.3.30 (477)

Н. А. Барановский

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ УКРАИНЫ

THE ROLE OF SOCIAL GEOGRAPHY IN OVERCOMING THE PROBLEMS OF UKRAINE'S RURAL TERRITORIES DEVELOPMENT

Раскрыты главные особенности трансформации сельского сектора Украины в постсоветский период ее развития, обоснована целесообразность усиления роли географической науки в изучении современных проблем села, определены основные задачи общественной географии в решении проблем развития сельских территорий Украины.

The main peculiarities of transformation of the rural sector of Ukraine in the post-soviet period of its development are described,the reasonability for increase of geography role in modern village problems study is proved, the main tasks of social geography in solving the problems of Ukraine's rural territories development are defined.

Ключевые слова: общественная география, сельская территория, региональное развитие, депрессивные территории, региональная политика.

Keywords: social geography, rural territory, regional development, depressed area, regional policy.

Перспективы развития общественной географии, как и любой другой науки, во многом зависят от того, насколько результаты ее исследований находят отражение в общественной практике. Среди прикладных направлений этой науки, имеющих отношение к решению различных проблем регионального развития, особое место занимает исследование сельских территорий.

В советский период географическому изучению агропромышленного комплекса в Украине уделялось значительное внимание, что определялось, прежде всего, высоким уровнем его развития по сравнению с другими республиками СССР. Фундаментальные труды по данной проблематике были опубликованы Н.Д. Пистуном, Г.В. Балабановым, М.М. Паламарчуком, В.П. Нагирной, Р. А. Языниной. В конце 70-х годов появились работы, посвященные изучению не столько аграрной сферы, сколько сельского населения и расселения, сельской социальной инфраструктуры (Г.Н. Рогожин, В.В. Завгородний, А.И. Доценко), которые базировались на классических трудах С.А. Ковалева. Вместе с тем, сельские территории в тот период не стали самостоятельным объектом научного анализа.

В постсоветский период в развитии как аграрной сферы, так и сельских территорий Украины произошли радикальные изменения, связанные с пересмотром концептуальных основ аграрной политики, реформированием форм собственности, земельных отношений. Уже в конце 90-х годов отчетливо проявились недостатки советской аграрной политики, в первую очередь практика отождествления сельского хозяйства и сельских территорий (агроцентризм). Ошибочность концептуальных положений прежней аграрной политики вместе со многими просчетами проведения постсоветских реформ в сельском хозяйстве, желанием внедрить рыночные отношение в нерыночную экономику привели ко многим плачевным последствиям. За 90-е годы производство сель-

скохозяйственной продукции в Украине сократилось почти в два раза, были ликвидированы колхозы как основная форма организации жизни на селе. Но наиболее губительными для сельских сообществ оказались не производственные, а социальные последствия реформирования аграрной сферы. Они проявились в увеличении безработицы, бедности сельского населения, сокращении объектов социальной инфраструктуры, общей деградации сельской местности и формирования значительных по размерам зон сельской депрессивности.

Положительная динамика производства сельскохозяйственной продукции в начале XXI в., с одной стороны, коснулась только отдельных территорий и носит избирательный характер, с другой – мало влияет на общее состояние сельских территорий. Не способствует возрождению последних и увеличение в производстве сельскохозяйственной продукции и в землепользовании удельного веса крупных агрохолдингов. Во-первых, они ориентированы на внешние рынки и специализируются на производстве наиболее рентабельных культур, во-вторых – мало используют местные трудовые ресурсы, в-третьих, если и оказывают, то минимальную поддержку сельским сообществам, у которых арендуют землю. Поляризация сельского пространства Украины, в основе которой, как и в России [1], лежат природно-географические факторы и близость крупных городов, проявляется в совместном существовании относительно небольшого числа благополучных районов и значительного количества сельских депрессивных территорий[2]. Даже краткое описание существующих особенностей трансформации аграрного сектора и сельских территорий Украины свидетельствует о необходимости их глубокого пространственно-временного анализа.

Выше уже упоминалось о том, что социально-экономическая география имеет значительный опыт изучения различных аспектов развития сельского сектора. По большому счету предмет исследования остается прежним, но он существенно изменился и поэтому нужны новые подходы к изучению как аграрного сектора, так и сельских территорий. Несмотря на реальную потребность в подобных исследованиях, в последние годы, к сожалению, географическое изучение сельского сектора в Украине существенно сократилось.Складывается впечатление, что географы самоустранились от научного анализа трансформационных преобразований в сельских регионах, от поиска механизмов их стимулиро-

вания, разработки возможных сценариев развития разных типов сельских территорий. Освободившуюся нишу все активнее осваивают представители аграрной экономики, которые в своих исследованиях опираются на концепцию многофункциональности села [3]. Последняя базируется на системной сущности сельских территорий и уже практически трансформировалась в концепцию сельского развития.

Нет сомнения в том, что общественная география, имеющая значительный опыт исследования разных аспектов развития сельского сектора, может и должна занять свое надлежащее место в изучении проблем сельских территорий, в поиске путей решения наиболее острых проблем современного села.

Главными задачами общественной географии в изучении сельских территорий и решении их проблем являются:

- оценка отраслевых, территориальных, функциональных, институциональных и управленческих трансформаций в развитии сельского сектора в постсоветский период;
- анализ факторов, определяющих региональную дифференциацию производства сельскохозяйственной продукции и жизненной среды сельского населения;
- проведение районирования сельских территорий по показателям социально-экономического развития и особенностям реформирования аграрного сектора;
- установление перечня сельских депрессивных территорий и определение причин их формирования;
- разработка предложений по диверсификации сельской экономики за счет развития в сельской местности неаграрных видов деятельности;
- обоснование концептуальных положений новых направлений региональной политики относительно перспектив развития сельских территорий;
- разработка возможных сценариев развития разных типов сельских районов с целью поиска наиболее рациональных направлений использования их территории и обеспечения достойных условий жизни сельских сообществ.

Перечисленные выше задачи являются наиболее важными и такими, которые, как говорится, лежат на поверхности. Фактически же исследовательское поле общественной географии в изучении сельских территорий значительно шире. Очень важно, чтобы результаты географических исследований нашли практическое применение, например, при разработке концептуальных положений новой аграрной политики, формировании стратегий

социально-экономического развития регионов Украины, усовершенствовании государственных программ развития украинского села на среднесрочною и отдаленную перспективы, разработке программ преодоления депрессивности сельских территорий.

Литература

1. Нефедова Т.Г. Социальная география сельского хозяйства / Т.Г. Нефедова // Региональные исследования. – 2006. – №4 (10). – С. 3-22.

2. Барановський М.О. Наукові засади суспільно-географічного вивчення сільських депресивних територій України: монографія / М.О. Барановський. – Ніжин: ПП Лисенко М.М., 2009. – 396 с.

3. Теорія, політика та практика сільського розвитку: монографія / за ред. О.М. Бородіної та І.В. Прокопи. – К.: Інститут економіки і прогнозування НАН України, 2010. – 376 с.

УДК 910

Д. С. Богатуров

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-ТУРЕЦКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ

MODERN RUSSIAN-TURKISH GEOPOLITICAL AND ECONOMIC RELATIONSHIPS

Затронуты вопросы современных геополитических и экономических взаимоотношений Российской Федерации и Турецкой Республики. Специфика и глубина политических связей и контактов определяется длительностью исторического периода дипломатических отношений.

This article investigates questions of modern geopolitical and economic relationships between the Russian Federation and the traditional state of the Islamic world located next to its southern boundaries. Characteristics and profundity of political connections and contacts are defined by duration of the historical period of diplomatic relations.

Ключевые слова: геополитические и экономические взаимоотношения

Keywords: geopolitical and economic relationships

Основная задача настоящей статьи заключается в компенсации пробела, существующего в географических знаниях о государствах исламского мира и их взаимоотношениях с Россий-

ской Федерацией (РФ). Выбор Турции в данном контексте представляется наиболее репрезентативным примером. Отношения двух государств отличаются полным спектром контактов и имеют многовековую историю, но в пределах данной статьи будет обозреваться только постсоветский временной период.

Геополитические взаимоотношения. В силу своего регионального положения, существующих размеров и конфигурации территории Турецкая Республика гораздо в большей мере (в сравнении с Россией) выстраивает свои отношения с учетом соседства с другими государствами. Принимая во внимание количество соседствующих субъектов на карте мира, историю и характер взаимоотношений, *геополитическое положение турецкого государства можно оценить как одно из самых сложных в современном мире*. Традиционно, в XX веке, турецкая внешняя политика была направлена на поиск компромиссов и занималась вопросами посредничества.

В XXI веке Турция продолжает проводить многовекторный внешнеполитический курс, политику «ноль проблем с соседями», что позволяет регулировать территориальные претензии и противоречия со всеми государствами Ближнего Востока. Исходя из позиции турецкого МИДа, можно констатировать, что их государство «оценивает отношения между странами не в объективе многочисленных комплексных проблем, а с точки зрения возможностей и инициатив, развивающих дружбу и сотрудничество, основанных на беспроигрышном принципе» [1].

В таких условиях на российско-турецкие отношения влияет целый набор факторов: исторических, географических и дипломатических, обусловленных наличием взаимных обязательств с третьими странами. Отношения между Москвой и Анкарой, отличающиеся высоким экономическим потенциалом, во многом определяются объективной политической конкуренцией и разногласиями. На российско-турецкие отношения накладывает отпечаток и соседство Турции с государствами Южного Кавказа, и с государствами Ближнего Востока, особое место среди которых занимает Израиль и Сирия. Большое значение могло бы играть и соседство с Грецией, так как отношения в треугольнике Турция-Греция-Россия исторически всегда имели один из самых сложных характеров. Но с учетом вхождения обоих государств в блок НАТО, роль Греции, как детерминирующего фактора в российско-турецких отношениях, представляется весьма незначительной.

Помимо исторических проблем с соседними государствами, сдерживающими мерами мирового сообщества по отношению к Турции уже традиционно являются курдский, кипрский и армянский факторы. Стоит, правда, отметить, что в отличие от многих европейских государств и США Россия занимает по данным историческим и территориальным проблемам достаточно нейтральную позицию. В свою очередь, турецкое правительство проявляет значительную лояльность по поводу современных конфликтов на Кавказе.

Несмотря на отсутствие прямых конфликтов между нашими странами, связанных с переделом сферы влияния в государствах постсоветского пространства и в странах Ближнего Востока, национальные интересы России и Турции не совпадают по целому ряду позиций. В случае же с сирийской проблемой несовпадение интересов способно привести к серьезному геополитическому противостоянию. Если Турция предпочла бы видеть слабое сирийское государство, не влияющее на процессы на всем Ближнем Востоке, то для России Сирия остается последним союзником в бассейне Средиземного моря. Сирия является для России тем рычагом, с помощью которого она все еще может напрямую влиять на ситуацию в данном регионе, включая и саму Турцию. Такое же положение дел складывается и в случае с Арменией и Грецией. Оба эти государства, благодаря общей культуре и сходным геополитическим интересам, «симпатичны» России, но являются давними историческими противниками Турции.

С начала нового тысячелетия Турция стала реально претендовать на роль доминирующего государства в бассейне Черного моря. Благо, что военный и экономический потенциал государства соответствует таким планам. На заре своей юности турецкое государство могло лишь претендовать на роль *проливного* государства, соединяющего два внутренних моря, но никаким образом не претендующего на контроль над их акваторией. В XXI веке ситуация изменилась – Турция превратилась в ведущего геополитического игрока в бассейне Черного и Средиземного морей. Корабельный состав ВМС Турции в 2010 году включал не менее 121 корабля, а численность личного состава варьировалась в пределах 60-75 тыс. человек [2]. Данные показатели в несколько раз превышают потенциал российского флота на Черном море.

Российско-турецкие отношения в вопросе прохода через проливы Босфор и Дарданеллы регулируются так называемой

Конвенцией Монтрё, подписанной в одноименном швейцарском городке в 1936 году группой заинтересованных государств. Основная суть положений Конвенции сводится к тому, что государства бассейна Черного моря не ограничены в проводке своих военных кораблей через проливы. В свою очередь, проход военных кораблей нечерноморских государств ограничен как их тоннажем, так и сроками пребывания в черноморской акватории. Несмотря на различные исторические перипетии и возникающие противоречия (особенно в период Второй мировой войны), данная Конвенция и в наши дни продолжает регулировать вопросы транзита российских военных и гражданских судов через проливы Босфор и Дарданеллы [3].

Трубопроводный транспорт. Россия в XXI веке утратила монополию на транзит каспийских углеводородов. Роль Турции в этом событии представляется определяющей. Добрососедские отношения с Азербайджаном и Грузией и поддержка западных государств позволили реализовать сложный и дорогостоящий проект строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (вступил в строй в 2006 году). В дальнейшем планируется увеличение транспортировки нефти по этому маршруту за счет строительства Казахстанской Каспийской системы транспортировки и прокачки нефти с месторождений на севере Каспийского моря.

В то же время Турция стремится замкнуть через свою территорию и другие перспективные направления поставки углеводородов с Востока в Европу. Речь идет о поставках как российского газа по газопроводу «Голубой поток», так и транспортировке нефти и газа из стран Персидского залива.

Строительство газопровода «Голубой поток» дает России возможность не только продавать газ на активно растущем турецком рынке, но в перспективе поставлять газ в страны Ближнего Востока (Сирия, Ливан, Израиль). Альтернативным вариантом поставок российского газа представлялся проект «Набукко». Маршрут данного гипотетического газопровода проходит через всю территорию Турции. В прогнозе «Набукко» должен заполняться газом с иранских месторождений.

В настоящее время российские интересы по поставкам газа в Южную Европу уже не замыкаются традиционными маршрутами. В декабре 2012 года положено начало строительству газопровода «Южный поток», который позволит транспортировать рос-

сийский газ через территорию Болгарии и Греции в государства Балканского полуострова и Италию соответственно.

Экономические взаимоотношения. Начиная с 90-х годов прошлого века, экономика Турецкой Республики развивается бурными темпами. Основа благополучия – это обрабатывающая промышленность и трудолюбие турецкого народа. Обладая достаточно скудным минерально-сырьевым потенциалом, Турция сделала верный выбор в пользу развития трудоёмких отраслей. На 2010 год экспорт обрабатывающих отраслей промышленности превысил показатель в 100 млрд. долларов. При этом турецкая экономика в последние годы сильно диверсифицировалась за счет таких отраслей как судостроение, автомобилестроение, химическая промышленность и производство товаров народного потребления. Если страна сохранит темпы прироста экономики и в дальнейшем, то к 2050 году её ВВП может стать первым в Европе.

С учетом своей специализации, турецкая и российская промышленность выгодно дополняют друг друга. К 2013 году торговый оборот двух стран достиг показателя 35 млрд. долларов, при этом 70% российского экспорта составляют энергоносители. Растущая потребность Турции в электроэнергии, сравнимая по своим темпам с китайской, требует, в том числе, и поставок углеводородов из России. Так в 2008 году Турция в целом импортировала минерального топлива на общую сумму 48 млрд. долларов.

То же самое можно сказать и про турецкий аграрный сектор, который нуждается в российских минеральных удобрениях. В свою очередь, РФ традиционно зависит от импортных поставок продукции легкой промышленности (одежда, текстиль, товары народного потребления).

Большое значение в отношениях двух стран играют инвестиции и совместные проекты. Планируется участие России в развитии ядерной энергетики Турции (строительство первой в Турции АЭС «Аккую»). В случае дальнейшего развития проекта от 2 до 4 тысяч россиян будут работать на строительстве данного турецкого объекта [4]. Общая же стоимость строительства атомной электростанции на побережье Средиземного моря составляет около 20 млрд. долларов. Срок окупаемости проекта составляет 15-20 лет [5].

Отдельного внимания заслуживает рынок сферы услуг. Около 150 строительных компаний из Турции работали и продолжают

работать в регионах России (строительство жилья, общественных и торгово-развлекательных комплексов). К 2009 году общий объем обязательств, гарантированных турецкими подрядчиками в России достиг рубежа 30 млрд. долларов [6, с. 200].

Начиная с 2000-х годов, около 3 млн. российских туристов ежегодно посещают курорты Малой Азии. В 2012 году наблюдался рост количества отдыхающих из России (до 3,6 млн. человек). Главным курортом для россиян остается Анталия; здесь российские туристы не только чувствуют себя в безопасности на отдыхе, но и активно приобретают земельные участки и недвижимость.

Наращиваются российско-турецкие связи и благодаря сотрудничеству отдельно взятых регионов. Одним из лидеров среди регионов РФ здесь выступает Республика Татарстан. Контакты с Турецкой Республикой осуществляются на регулярной основе и активно поддерживаются руководством Татарстана. С учетом наличия достаточно развитой и диверсифицированной промышленности в Татарстане, экономический потенциал данного региона РФ вызывает особый интерес у турецких инвесторов. Отдельного внимания заслуживает сотрудничество в химической промышленности и машиностроении. Турецкие строительные компании приняли ключевое участие в возведении объектов Казанской Универсиады.

Турецкие компании активно действуют и на территории республик Северного Кавказа. Так масштабное и финансово затратное восстановление столицы Чеченской Республики – Грозного – было доверено турецким строителям. Помимо строительства на Северном Кавказе турецкие компании вкладывают свои инвестиции в легкую, пищевую промышленность и сельское хозяйство. На территории Турции проживает внушительная диаспора выходцев с Северного Кавказа – потомков переселенцев в Османскую империю после окончания Кавказской войны. Таким образом, экономические связи с Турцией для северокавказских республик подкрепляются еще и культурно-исторической близостью населения. Кроме того, для части народов данного региона – карачаевцев, балкарцев, ногайцев и кумыков – турецкий язык является родственным по происхождению.

Итак, следует подвести некоторый итог относительно ситуации в области современных российско-турецких отношений. Несмотря на сохраняющийся, как и в советские годы, сложный характер геополитических взаимоотношений, в последние двад-

цать лет экономические, социальные и культурные контакты между Россией и Турцией вышли на абсолютно новый уровень. По своим масштабам и глубине (среди стран дальнего зарубежья) эти контакты могут сравниться только с российско-германскими отношениями (разумеется, на западном направлении).

Важно отметить, что на характер российско-турецких отношений практически не влияет такое обстоятельство, как принадлежность двух государств к разным цивилизациям (христианской и мусульманской). Для России и Турции на современном этапе развития представляется гораздо более значимым евразийский фактор: оба государства выполняют сходную задачу по сближению государств Востока и Запада. Для выполнения этой непростой миссии у каждого из них имеются существенные исторические, геополитические и экономические предпосылки и основания.

Литература

1. Посольство РФ в Турции www.turkey.mid.ru

2. Сайт о морском флоте www.blackseafleet-21.com

3. Болдырев А.В. Конвенция Монтрё в прошлом и настоящем российско-турецких отношений. Сборник Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии – М., Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2012. – С. 434-459.

4. «Эрдоган хотел бы обладать ядерным оружием», www.gazeta.ru от 04.12.2012.

5. Уразова Е.И. Перспективы сотрудничества России и Турции в атомной энергетике. Сборник Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии – М., Институт востоковедения РАН, Издательство «Крафт+», 2012. – С.459-470.

6. Турция. Справочное пособие главного управления печати и информации Республики Турция – Анкара, 2010.

УДК 911.37: 314.15

Л. П. Богданова, А. С. Щукина

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ (ИЗ ОПЫТА ТВЕРСКИХ ГЕОГРАФОВ)

SOCIO-DEMOGRAPHIC RESEARCHES FOR REGIONAL DEVELOPMENT (FROM EXPERIENCE of Tver Geographers)

Представлены некоторые аспекты социально-демографических исследований в Тверском регионе. Рассмотрены процессы измельчения и разрушения сельской

поселенческой сети. Приведены прогнозные данные изменения людности городских поселений.

Some aspects of the socio-demographic research in the Tver Region is presented in the article. The processes of grinding and destruction of the rural settlement network considered. Projected data of population change towns are analyzed.

Ключевые слова: сельское и городское население, расселение, региональная политика

Keywords: rural and urban populations, settling system, the regional policy

Для большей части географов, представляющих региональные университеты, основным объектом исследований является территория своего региона, рассматриваемая как в сопоставлении с другими регионами, так и в крупном масштабе – от городских округов и муниципальных районов до конкретных городских и сельских населенных пунктов. Коллектив кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского университета много лет проводит в своем регионе социально-демографические исследования. Многолетний опыт позволяет проводить такие исследования в режиме мониторинга, отслеживая динамику всех значимых социально-демографических показателей как на региональном, так и на муниципальном уровне. Результаты этой работы обеспечивают информационно-аналитическую базу для научно обоснованных управленческих решений в сфере региональной политики.

В программах демографического развития, которые разработаны во многих регионах России, основное внимание уделяется задачам повышения рождаемости и продолжительности жизни населения, а также мерам оптимизации миграционных процессов. Представляется, что не менее важной составной частью подобных программ должен быть раздел, посвященный оценке прогнозируемых изменений в системе расселения и научно-обоснованный набор мер в области экистической политики.

Тверской регион, находящийся между двумя столицами, позитивное и негативное влияние межстоличного положения испытывает уже в течение двух столетий. Демографические проблемы Тверской области связаны, прежде всего, с миграционными потерями, в том числе с оттоком в Москву и Санкт-Петербург, что с течением времени привело к значительным изменениям в системе сначала сельского, а потом и городского расселения, и в итоге – к сжатию экономического пространства региона. По-

ложительное сальдо миграции по области в целом наблюдается с 1970-х гг., но компенсирующая роль миграции незначительна. Так, за последние 12 лет население области сократилось на 191,4 тыс. чел., естественная убыль составила 207,7 тыс. чел, миграционный прирост – 16,4 тыс. чел., коэффициент замещения естественной убыли миграционным приростом – 7,9%. Если городские поселения за этот период получили за счет миграции, по данным текущей статистики, почти 29,5 тыс. чел., то село потеряло в миграционном обмене 8,3 тыс. чел. Представляется, что потери села сильно занижены. Данные полевых исследований и материалы переписи населения 2010г. показали, что значительная часть прибывших в сельскую местность там регистрируется, но не живет. При этом главной демографической проблемой сельской местности остается высокая естественная убыль.

Миграционный отток и высокая естественная убыль на протяжении длительного времени обусловливают разрушительные процессы в сети СНП, самой многочисленной среди регионов РФ: только за последний межпереписной период число СНП без постоянного населения в Тверской области увеличилось с 1418 до 1745, что составляет 18,3% от их общего числа – 9532 по переписи 2010 г. Если доля СНП без населения отражает результат длительных разрушительных процессов, то оценить ближайшие перспективы дальнейшего сжатия сельской поселенческой сети позволяет показатель доли СНП людностью до 10 чел.

Таблица 1. Группировка муниципальных районов Тверской области по потенциалу разрушения сети СНП

Доля СНП людностью 1-10 чел., %	Доля СНП без постоянного населения, %				Всего
	менее 10,0	10,0 – 20,0	20,0 – 30,0	более 30,0	
менее 30,0	2	1	1	-	4
30,0 – 40,0	2	6	4	2	14
40,0 – 50,0	-	12	3	1	16
Более 50,0	-	-	2	-	2
Всего	4	19	10	3	36

Следует отметить, что даже в лучшем по состоянию сети СНП Конаковском районе суммарная доля СНП без населения и

с числом жителей до 10 чел. составляет 33,2%, тогда как в 10 муниципальных районах Тверской области доля этих двух групп превышает 2/3 от общего числа СНП.

Географический рисунок структурных изменений сельской поселенческой сети позволяет выделить, прежде всего, относительно устойчивую юго-восточную часть области и наиболее проблемную западную периферию региона.

Таблица 2. Изменение структуры сети СНП Андреапольского и Лихославльского районов за последний межпереписной период

Годы переписей	Всего СНП	в том числе				
		без населения	с числом жителей, чел.			
			1 - 10	11 - 50	51 - 100	более 100
Андреапольский район						
2002	250	65	100	61	10	14
2010	250	85	102	37	13	13
Лихославльский район						
2002	246	25	76	99	20	26
2010	246	26	74	98	21	27

Мелкоселенность является характерной чертой не только сельского, но и городского расселения Тверской области: из 23 городов 7 имеют менее 10 тыс. жителей, из 28 ПГТ 3/4 – менее 5 тыс. жителей.

Для определения перспектив развития конкретных городских поселений выполнен прогноз численности населения, исходя из тенденций естественного и миграционного движения за 2000-2010 гг. Данный прогноз можно назвать инерционно-оптимистическим, так как в его основу были заложены положительные тенденции, наблюдавшиеся с начала 2000 гг., прежде всего, повышение рождаемости и ожидаемой продолжительности жизни, но даже такой прогноз показывает дальнейшее измельчение сети городских поселений.

Еще в 1990-е гг. Тверская область среди других регионов выделялась числом средних городов, которых было 4. За последнее десятилетие из числа средних выбыли Кимры и Торжок, по прогнозным расчетам в категорию малых городов перейдет также Вышний Волочек – город с населением 52,3 тыс. чел., естественной убылью в начале 2000-х гг. до 1100 чел. в год, в начале

2010-х гг. до 700 чел. и не очень привлекательный для мигрантов. Еще сложнее складывается ситуация в городских поселениях, где естественное и миграционное движение имеют отрицательное значение. Так, население Осташкова сократилось с 1989г. почти на 1/3 (с 26,6 тыс.чел. до 18,1 тыс.чел.); при сохранении тенденций последнего десятилетия к 2025 г. город будет иметь лишь 14,1 тыс. жителей.

Таблица 3. Людность малых городских поселений Тверской области (по данным переписи 2010 г.)

	Городские населенные пункты		в том числе			
			города		поселки городского типа	
	единиц	численность населения, чел.	единиц	численность населения, чел.	единиц	численность населения, чел.
Все городские Поселения	51	1011406	23	891806	28	119600
До 3000	12	24890	-	-	12	24890
3000-4999	9	36674	1	3772	8	32902
5000-9999	12	85358	6	46135	6	39223
10000-19999	8	105990	6	83405	2	22585
20000-49999	7	240536	7	240536	-	-

Процессы поляризации и сжатия социально-экономического пространства Тверского региона определяются объективными механизмами демографического и экономического развития, более сильным воздействием внешних факторов по сравнению с внутренними. В этих условиях программы регионального развития должны предусматривать не только модернизационные сценарии для примосковских районов области, но и варианты развития периферийных территорий, просчитанные по всей цепочке «население – жизнедеятельность – расселение».

Таблица 4. Прогнозная людность малых городских поселений Тверской области на 2025 г.

	Городские населенные пункты		в том числе			
			города		поселки городского типа	
	единиц	численность населения, чел.	единиц	численность населения, чел.	единиц	численность населения, чел.
Все городские поселения	51	836066	23	730854	28	105212
До 3000	15	27242	1	2916	14	24326
3000-4999	8	32196	1	4369	7	27827
5000-9999	11	72328	6	41854	5	30474
10000-19999	9	115819	7	93234	2	22585
20000-49999	5	202855	5	202855	-	-

В условиях дальнейшего сокращения демографического потенциала особое значение приобретает продуманная экистическая политика: необходимо четко представлять, что мы не только хотим, но и что мы реально можем сохранить в новых демографических и экономических условиях на территории Тверской области. От правильности оценки ситуации и выбора опорных территорий зависит эффективность мер региональной политики.

УДК 911.9

М.А. Бугаев

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬ ПРИ ПЕРЕРАБОТКЕ И РЕКУЛЬТИВАЦИИ ОТХОДОВ ГОРНОДОБЫЧИ (на примере хвостохранилища АНОФ – 2)

SPATIAL PLANNING OF LAND FOR RECYCLING AND RECLAMATION MINING WASTE

Рассмотрены проблемы и возможности использования отходов горнодобычи на примере переработки намывных песков хвостохранилища апатито-нефелиновой

обогатительной фабрики. Дана оценка воздействию хвостохранилища на экосистему оз. Имандра и прилегающие территории; рассмотрены варианты дальнейшей рекультивации земель.

This article deals with the problem and possibilities of mining waste on the example of processing of alluvial sands waste storage apatite-nepheline processing plant. The estimation of the impact of waste storage on the ecosystem of Lake Imandra and locations. Consider options for further reclamation of land under waste storage.

Ключевые слова: пространственное планирование, комплексное использование руд, хвостохранилище, рекультивация, намывные пески.

Keywords: spatial planning, complex use of ore, waste storage, reclamation, alluvial sands.

Длительная добыча полезных ископаемых и особенности технологических схем, применяемых на большинстве горнорудных предприятий в России, при которых велика доля отходов производства, ставят весьма актуальным вопрос о комплексном использовании руд и дальнейшей рекультивации земель, занятых хвостохранилищами. Данное направление злободневно для большинства горнорудных производств в нашей стране, так как из-за многолетнего складирования отходов в хвостохранилищах, они превратились в техногенные месторождения, порой превосходящие по своим запасам естественные. Переработка вторичных продуктов позволит решить многие экологические и экономические проблемы, связанные с воздействием оказываемых ими на окружающую среду и расходами на их консервирование.

Компания ОАО «Апатит» в течение длительного периода времени разрабатывает схему наиболее экономичной переработки отходов производства (с целью комплексного использования апатито-нефелиновых руд и получения сфенового, эгиринового и титаномагнетитового концентратов как при попутном производстве апатитового концентрата непосредственно из руд, так и намывных песков хвостохранилища апатито-нефелиновой обогатительной фабрики (АНОФ)–2, расположенной в 10 км от г. Апатиты Мурманской области).

В процессе изучения комплекса обогащения апатито-нефелиновых руд АНОФ - 2 были проведены изыскания по следующим направлениям:

1. Оценка воздействия хвостохранилища на экосистему оз. Имандра и прилегающие территории.

2. Рассмотрение экономических условий, при которых будет выгодно использование хвостохранилища АНОФ-2 в качестве источника минерального сырья.

3. Возможность усовершенствования производственно-технологической цепочки по выпуску нефелинового концентрата.

4. Анализ возможности рекультивации территории, занятой хвостохранилищем.

Промышленное освоение единственных в мире по своим запасам апатито-нефелиновых месторождений на берегах оз. Имандра было начато в 1929 г. с введением в строй Апатитового рудника, а в 1931 г. первой апатито-нефелиновой обогатительной фабрики (АНОФ - 1). Именно с этого времени в восточную часть оз. Имандры через реку Белую начали поступать (без очистки) сточные воды, что приводило к существенному ущербу для экосистемы данных водоемов. В 1963 г. была пущена в эксплуатацию вторая апатито-нефелиновая обогатительная фабрика (АНОФ - 2), мощность которой в 1978 г. достигала 15 млн. т концентрата в год. Одновременно со строительством АНОФ - 2 был сооружен отстойник-накопитель в губе Белой оз. Имандра, было изменено направление русла р. Белой. Крупная фракция апатито-нефелиновых отходов осаждалась, а осветленная часть стоков с высоким содержанием мелкодисперсных взвесей (менее 0,2 мкм) сбрасывалась в губу Белая.

Загрязнение озера интенсивно продолжалось и в конце 1970-х гг. достигло максимума – ежегодно сбрасывалось 240 млн. $м^3$ отходов. Прозрачность вод в губе Белая в этот период составляла всего 0,5-1,0 м. К 1970-м гг. на прилегающей акватории оз. Имандра сформировалась техногенная залежь апатито-нефелиновых пород высотой до 8 м. В 1978 г. ввод первой очереди комплекса с использованием в технологическом процессе частично оборотного водоснабжения позволил снизить объем сброса сточных вод, а к концу 1980 г. обогатители перешли на 80%-ный водооборот. Анализ динамики поступления сточных вод до 1999 г. показывает максимум нагрузки – в 1983 - 1987 гг., незначительную стабилизацию и постепенное снижение в 1990-е годы. Нагрузка от хозяйственно-бытовых стоков на озеро по фосфору ориентировочно оценивается в 500 т в год [1; с. 68].

Начиная с 2000-х годов экологическая ситуация стала улучшаться за счет применения менее водоемких технологий и мало токсичных реагентов. В данный момент на АНОФ - 2 действует

90%-ный водооборот, что позволяет существенно уменьшить уровень загрязнения токсичными веществами акватории оз. Имандра, а применение специальных флокулянтов – уменьшить мутность воды. К настоящему времени хвостохранилище АНОФ - 2 приравнено министерством природных ресурсов РФ к техногенному месторождению редкоземельных металлов с объемом в 476 млн. $м^3$. Однако разработка данного месторождения имеет ряд трудностей (табл.).

Таблица. Возможность переработки намывных песков

Преимущества	Недостатки
Большее содержание: Al_2O_3, TiO_2, Nb_2O_5, V_2O_5 по сравнению с современными рудами связанное с разработкой в период с 1960 по 1990-е гг. более богатых руд.	Изменение химического состава намывных песков под действием внешних факторов.
Близость к производственным мощностям АНОФ - 2 (7 км).	Неравномерность залегания богатых руд.
Упрощение технологического цикла: отсутствие дробления и измельчения.	Сложный флотационный цикл.

В ОАО «Апатит» рассматривается возможность создания фабрики по производству глинозема для дальнейшего выпуска глиноземного цемента. Также планируется переработка намывных песков, с целью получения титаномагнетитового, сфенового и эгиринового концентратов, как источников для производства титана, ванадия и редкоземельных металлов. Сложность заключается в том, что выпуск как цемента, так и глинозема требует значительного количества известняка, ближайшие месторождения которого расположены в Ленинградской области. Применение азотно-кислотного способа позволяет получать те же продукты, что и при спекании с известняком (глинозем, соду, поташ). Данная схема позволяет использовать известняк непосредственно только при производстве глиноземного цемента, где его затраты составляют около 400 кг при производстве 1 т (расход глинозема составляет 550 кг, остальные 50 кг приходятся на добавки) и обходиться без него при производстве глинозема. Широкие возможности есть и у сернисто-кислотной схемы переработки нефелинового концентрата, но ее внедрение требует дополнительных опытно-исследовательских изысканий.

Создание собственного предприятия по выпуску цемента позволит решить проблему с его нехваткой в Мурманской области, связанной с реализацией ряда крупных горнорудных проектов на ее территории и строительством Кольской АЭС– 2. Данный проект является наиболее актуальным, поскольку при производстве цемента наибольшую часть издержек составляют транспортные затраты. Подсчитано, что при нахождении завода по изготовлению цемента на расстоянии более 700 км от рынка сбыта, его производство становится малорентабельным. Дополнительный выпуск титаномагнетитового, сфенового и эгиринового концентратов позволит увеличить коэффициент комплексности до 0,9, вместо 0,5 существующего на данный момент. Данные нововведения позволят уменьшить долю отходов производства и начать постепенную переработку хвостохранилища [2; с. 134].

Хвостохранилище АНОФ-2 состоит из двух участков, один из которых занимает акваторию оз. Сейдозеро, второй (действующий в настоящее время) занимает часть губы Белой оз. Имандра, ограниченной специальной дамбой высотой 57 м. Общая площадь составляет 8,4 км^2. Для предотвращения пыления горизонтальных участков и дорог в летнее время применяется раствор битумной эмульсии (ЭБК-3) и лигносульфонат, а также ведутся работы по биологической рекультивации – откосы дамб засеяны многолетними травами (волосенец песчаный). Минералогический состав обоих участков хвостохранилища АНОФ -2 практически одинаков. Все минералы в хорошей сохранности, физических изменений визуально не наблюдается, исключение составляет ильменит, переходящий в магнитную фракцию.

Если рассматривать перспективы переработки хвостохранилища АНОФ - 2, то наибольшие сложности связаны с процессом флотации, который требует применения сложных реагентов. Однако опытные работы, проведенные химическим и горным институтами КНЦ РАН, а также центральной лабораторией ОАО «Апатит», говорят о возможности данного процесса. Переработка намывных песков позволила бы провести дальнейшую глубокую фитомелиорацию с созданием угодий, по продуктивности не уступающих ненарушенным. Создание на территории, занимаемой хвостохранилищами, растительного покрова, имеющего постоянный характер, требует комплекса мероприятий: горнотехнической и биологической рекультиваций. Под горнотехнической рекультивацией подразумевается цикл работ, направленных на выров-

нивания поверхности, укладки плодородных пород для создания растительного слоя, мелиоративные работы [3; с. 84].

Второй этап восстановления нарушенных земель – биологическая рекультивация – имеет цель создания угодий, по продуктивности не уступающих ненарушенным. Согласно экологической концепции ОАО «Апатит», биологическая рекультивация хвостохранилища должна преследовать, прежде всего, цель формирования рельефа, близкого к окружающему, ликвидации источников эрозии земель и загрязнения воздушной и почвенной среды. Наиболее благоприятными вариантами рекультивации являются санитарно-гигиенический и ландшафтный, с выбором наиболее оптимального видового состава. Сходный тип рекультивации, проводимый в районе г. Норильска, показал, что наиболее пригодным видом растений в северных районах является ива шерстистая.

Для ускорения процесса самовосстановления данной территории необходима её подкормка зольными элементами, одним из источников которого является вермикулит, месторождения которого расположены в п. Ена Ковдорского района, в 200 км от г. Апатиты. Есть и второе направление рекультивации территории, занятой хвостохранилищем, а именно – возможность восстановления прежней акватории губы Белой оз. Имандра; но данный проект более затратный из-за более сложной технологии очистки воды и илов.

Подводя итог, хочу ещё раз отметить, что хвостохранилище АНОФ - 2 оказывает неблагоприятное воздействие на экосистему оз. Имандра; это связано, прежде всего, с накоплением соединений фосфора и фтора в Большой Имандре. Вследствие аэротехногенного переноса значительных масс твердых частиц – снижена прозрачность воды. Однако применение 80%-ого водооборотного цикла (в настоящий момент 90%-ого) и постройка специальной заградительной дамбы позволило бы существенно уменьшить антропогенную нагрузку на экосистему оз. Имандра. Переработка хвостохранилища и дальнейшая рекультивация территории, занятой им, была бы наиболее экологически значимым решением данной проблемы.

Переработка хвостохранилища АНОФ - 2 становится экономически рентабельной в случае применения новых схем флотации: азотнокислотного или сернокислотного способов, так как они не требуют применения известняка, месторождения которого

отсутствуют в Мурманской области. Использование азотнокислотной схемы планировалось на АНОФ - 2, но из-за финансовых трудностей (данная схема внедрялась в производство в конце 1980-х годов) не была реализована. Однако испытания на небольших объемах нефелинового концентрата показали положительный результат.

Если рассматривать сернокислотный способ, то его внедрение в производство выгодно в том плане, что в 60 км от г. Апатиты располагается предприятие ОАО «Североникель» (г. Мончегорск) по производству серной кислоты. Применение обоих способов флотации позволяет добиться практически безотходного производства.

Создание завода по производству глиноземного цемента на базе АНОФ - 2 становится экономически рентабельным при применении в производстве глинозема схем флотации, не требующих известняка, который, в свою очередь, может быть использован при строительстве Кольской АЭС-2 и реализации ряда горнорудных проектов на территории Мурманской области.

Анализ возможности рекультивации территории, занятой хвостохранилищем показал, что наиболее вероятным представляется реализация двух проектов:

1). Восстановление прежней акватории губы Белой оз. Имандра.

2). Создание на территории, занятой хвостохранилищем, устойчивого ландшафтного сообщества.

Из двух вариантов рекультивации наиболее оптимальным является ландшафтный тип (2 проект), который способствует созданию на данной территории лесных сообществ, сходных с естественными. Его реализация требует меньшего финансирования (по сравнению с первым проектом).

Возможная переработка намывных песков хвостохранилища АНОФ - 2 с дальнейшей рекультивацией, могла бы стать опытно-технологической базой для дальнейшего повторного использования отходов производства на хвостохранилищах АНОФ - 1 и АНОФ - 3, а также при условии применения новых схем флотаций для схожих объектов на Ковдорском ГОКе.

Литература

1. Моисеенко Т.И. Антропогенные модификации экосистемы озера Имандры. Изд-во: «Наука», М. – 2002 г. 476 с.

2. Калинников В.Т. Комплексная переработка апатито-нефелиновых руд: состояние и перспективы. Изд-во: КНЦ РАН, Апатиты – 1999 г. 232 с.

3. Месяц С.П. Закрепление поверхности складирования отходов обогащения фосфатного сырья. Изд-во: Механобр, Л – 1984 г. 176 с.

УДК 910.1

И. Н. Волкова

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВА ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

TO THE QUESTION OF ACTUAL STUDYING OF REPRODUCTION OF NATURAL RESOURCES IN NEW SOCIAL AND ECONOMIC CONDITIONS

Рассмотрены проблемы, возникшие в общественной географии в последние десятилетия в связи с прекращением изучения вопросов воспроизводства природных ресурсов. Поставлены задачи возрождения таких исследований на новом этапе развития науки и общества.

The problems which have arisen in public geography in the last decades in connection with the termination of studying of questions of reproduction of natural resources are considered. Problems of revival of such researches at a new stage of development of science and society are set.

Ключевые слова. Воспроизводство природных ресурсов, реструктуризация экономики региона, замещение природных ресурсов и природного капитала иными видами капитала.

Keywords. Reproduction of natural resources, economy restructuring region, replacement of natural resources and natural capital other types of the capital.

Воспроизводство природных ресурсов в регионе призвано обеспечивать поддержание (воспроизводство) условий жизнеобеспечения населения и условий хозяйствования, которые базируются, в частности, на этих природных ресурсах.

С позиций долговременного функционирования хозяйственного комплекса региона, а также жизнеобеспечения населения, очень важно, чтобы природноресурсный базис хозяйства региона непосредственно воспроизводился в рамках сохранения сложившейся структуры хозяйства, либо замещался аналогичным по

значению для региона материальным или нематериальным богатством. Наличие суммарного богатства на конкретной обитаемой и освоенной территории позволяет продолжать социальное и экономическое развитие региона даже в случае полного исчерпания природных ресурсов.

Как показали наши исследования, в последние два десятилетия в нашей стране именно в регионах с наибольшей долей сырьевых отраслей в структуре экономики произошло наименьшее относительное воспроизводство основных промышленных фондов, максимальный прирост износа жилого фонда и основного фонда транспорта и связи. Это свидетельствует, по нашему мнению, о тенденции «проедания» природного капитала ресурсообеспеченных регионов и отсутствия их замещения иными формами суммарного богатства (общего регионального капитала), пропорционального изъятию природных ресурсов.

О воспроизводстве или замещении ныне используемого природного ресурса в случае его исчерпания или возможной экономической невостребованности следует заботиться как о превентивной «подушке безопасности» для освоенного и обжитого региона. В принципе, такую роль призван выполнять т.н. Стабилизационный фонд, а также другие аналогичные фонды. Если для страны в целом такая ситуация пока может рассматриваться как один из вариантов будущего развития, то на региональном и местном уровнях острые ситуации «ресурсного» происхождения часто возникали за истекшее 20-летие реформ и продолжают возникать в настоящее время, требуя адекватного разрешения.

Указанная проблема отчасти смыкается с известной проблемой реструктуризации экономики регионов. Речь идет о существенном изменении структуры хозяйства региона, призванном адаптировать сложившуюся ранее (в условиях достаточной обеспеченности региона природными ресурсами и их экономической «востребованности») структуру хозяйства к новым условиям – исчерпания, истощения или потери природными ресурсами прежнего экономического значения. Указанные процессы широко известны, прежде всего, для территорий угольных бассейнов и для отдельных месторождений полезных ископаемых, расположенных дисперсно, вне полосы основного расселения.

Что касается районов угледобычи в староосвоенных районах основной полосы заселения, то здесь можно отметить следу-

ющее. В Тульской области сокращение добычи угля происходило постепенно с 1968г (год максимума добычи угля в этом районе) вплоть до начала 90-х годов, после чего произошел резкий обвал добычи, связанный с общероссийским кризисом в промышленности.

Еще в 70-е годы XX в. для территории тульской части Подмосковного угольного бассейна была разработана Схема районной планировки, где предусматривался обширный комплекс мероприятий по снижению негативных последствий от закрытия шахт и свертывания добычи бурых углей. Однако тяжелые социальные последствия закрытия шахт в Тульской области не удалось полностью предотвратить. Связано это было не только с просчетами в планировавшихся мерах по реструктуризации промышленности и созданию новых мест приложения труда для высвобождающихся трудовых ресурсов шахтерских городов и поселков, но и с тем, что часть территории области оказалась накрытой «Чернобыльским следом» и была объявлена «неперспективной» для расселения. Сказались и общероссийские последствия реформ, усложнившие и без того тяжелую ситуацию в данном регионе. Неудачи в перестройке структуры занятости в Подмосковном угольном бассейне связывают также и с тем, что не была перепрофилирована в необходимом масштабе база по подготовке специалистов как среднего, так и высшего специального образования, хотя область имеет богатый опыт в этой сфере деятельности. Часть уволенных шахтеров не пожелала менять свою престижную и некогда хорошо оплачиваемую специальность на предложенные по разнарядке рабочие места в Тульской области. Близость к столичному региону способствовала оттоку кадров из этого региона в Москву и Московскую область.

Тяжелая социальная и экономическая ситуация сложилась в результате реструктуризации угольной промышленности и в Кизеловском угольном бассейне Пермской области. Удаленность от Перми и других крупных полифункциональных центров региона, более быстрое, чем в Тульской области, «свертывание» угольной промышленности, менее пригодная для сельского хозяйства по климатическим и почвенным показателям окружающая территория привели здесь к еще более катастрофическим социальным последствиям. Это тем более печально, что, по мнению ряда специалистов, столь высокие темпы закрытия шахт района не

были экономически оправданы, а кизеловские угли и сегодня могли бы быть востребованы не только и не столько как топливные ресурсы, но в основном как сырье для химической промышленности Пермской области.

Сказанное относится и к лесопромышленным регионам. Для них исключительно важное значение имеют разработка и внедрение в практику механизма использования части рентного дохода от лесопользования непосредственно в интересах региона и проживающего в нем населения. Особенно актуально это для регионов, расположенных вблизи полосы основного расселения страны (Архангельская, Вологодская Кировская, Костромская области, Пермский край и др.), где истощение данного вида воспроизводимого природного ресурса уже сегодня сопряжено с очень острыми социальными и экологическими последствиями для местного населения. Вложения непосредственно в искусственное или естественное (поддерживаемое человеком) воспроизводство лесных ресурсов дают отдачу в лучшем случае через 20 - 30 лет; однако за последние десятилетия эти процессы были повсеместно сведены к минимуму. Лишь только начиная с 2010 г. в МПР и природноресурсных Агентствах страны начали разрабатываться государственные Программы воспроизводства природных ресурсов РФ сроком на 2010-2020 гг., и то по очень небольшому перечню основных показателей. Что получится на выходе из этих Программ, пока не ясно. Ясно другое – географические особенности «от места к месту» в них опять не нашли отражения.

Таким образом, смягчение социально - экономического положения в ресурсных регионах основной полосы расселения требует поиска и научного обоснования более эффективных направлений инвестирования современных региональных рентных доходов от текущего ресурсопользования (капитализации региональной части природно-ресурсной ренты). Это могут быть, в частности, вложения в программы опережающей (превентивной) переориентации специальных средних и высших учебных заведений и переквалификации невостребованных специалистов, программы развития ресурсозамещающих отраслей хозяйства, строительство инфраструктурных объектов, прежде всего – дорог, и другие направления использования рентных доходов от ресурсопользования в интересах современного населения и будущих поколений. Как показали наши последние исследования

в Донбассе (Украина, Луганская область), проведенная там реструктуризация угольной промышленности под давлением МВФ в период 1996-2003 гг. также привела к серьезным социальным проблемам. Однако они оказались менее тяжелыми, сглаженными по сравнению с аналогичными проблемами российских угольных бассейнов, за счет гораздо более густой сети расселения и относительно лучших почвенно-климатических условий. Однако и этих последствий в Донбассе могло бы не быть, если бы до реструктуризации или в течение ее была проведена адекватная реструктуризация межселенной транспортной сети, которая была бы способна обеспечить возросшие потребности населения в вынужденных трудовых миграциях внутри региона. Однако ничего подобного запланировано (и осуществлено) здесь не было, что привело, в итоге, к массовым миграциям населения за пределы региона, в том числе в Россию.

Обычно реструктуризация производится после угасания предыдущего типа хозяйства, в порядке помощи данному региону как депрессивному, – как вариант развития хозяйства, связанный с преодолением уже возникших негативных тенденций в развитии экономики региона.

Однако очевидно, что более целесообразно введение превентивных, заблаговременных мер, обеспечивающих вложение части прибыли от современного использования природного богатства региона в его будущее благосостояние и развитие. Это может быть осуществлено в виде вложений в материальный и иные виды капитала, что создает условия для более гибкой, последовательной и постепенной трансформации структуры хозяйства региона, чем это происходит в рамках «авральных» мер реструктуризации. То есть предлагается введение и развитие долговременной превентивной региональной политики вместо постреструктуризации.

В этой связи изучение географических проблем воспроизводства (в широком смысле) регионального природного капитала, на наш взгляд, предполагают последовательное решение следующих задач:

А) выявить, сколько природных ресурсов разного типа и вида имеется (находится) в настоящий момент на территории того или иного региона (оценка количества и качества в физической, натуральной форме);

Б) оценить, могут ли они в принципе быть выражены в стоимостной форме;

В) определить, какая часть этих ресурсов в данном регионе фактически самовоспроизводится, какая часть – воспроизводится искусственно или может быть воспроизведена обоими способами в принципе (но реально НЕ воспроизводится по тем или иным причинам);

Г) выявить, какие социально-экономические проблемы существуют в регионе или могут проявиться в будущем в случае недостаточного воспроизводства или его полного отсутствия;

Д) установить, какая часть невоспроизводимых и не воспроизводящихся (из числа в принципе воспроизводимых) ресурсов может быть возмещена региону в виде иных видов совокупного капитала (богатства) и в каких именно;

Е) решить, в каких регионах России применим такой «балансовый» подход, или же есть регионы, где истощение (вследствие недостаточного воспроизводства или неполного замещения) природно-ресурсного богатства не повлечет за собой отрицательных социальных и экономических последствий в обозримом будущем.

Таким образом, выбор подхода к воспроизводству или замещению как невозобновимых, так и возобновимых ресурсов и поддержанию на их базе устойчивого развития региона должен быть территориально дифференцирован в зависимости от степени и давности освоения региона и укорененности его населения.

УДК 911.3

И. В. Голубченко, М. С. Оборин

ГЕОРЕЛЯТИВИСТИКА: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И ПРИМЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

GEORELATIVISTICS: GENERAL APPROACHES AND APPLICATION

Рассмотрены основные особенности изучения отношений между географическими объектами. Определена необходимость развития георелятивистики как на-

учного направления. Представлены разные свойства отношений между различными объектами.

The article discusses the main features of studying the relationship between geographic features. The necessity of georelativistics as research direction. Presents various properties of relations between different objects.

Ключевые слова: связи, компоненты, отношения, система, георелятивистика, свойства отношений.

Keywords: communications, components, relations, system, georelativistics, properties of relations.

Территориальная организация объектов (природных, общественных, природно-антропогенных) является одним из основных вопросов географии, но она изучается, по нашему мнению, с повышенным вниманием к одним аспектам и недостаточным – к другим. Примером такого «перекоса» является соотношение числа публикаций, относящихся к двум важнейшим аспектам анализа организации территории: изучение компонентов и изучение отношений этих компонентов. Соотношение будет явно в пользу первого вопроса – при том, что второй представляется не менее важным. Причины такого положения дел во многом объективны. Это, в частности, сложность отношений между географическими объектами. Кроме того, общественно-географические отношения почти не находят отражения в таком важном источнике информации как госстатистика (при всей ее разветвленности и обилии фиксируемых показателей).

Это объясняет ситуацию с относительно слабой изученностью географических отношений, но не отменяет наличие проблемы и необходимость эту проблему решать. Специалисты в разных областях науки и практики уже достаточно давно приступили к исследованию вопросов отношений (релятивистики), включая геологию (например, соотношение осадочных и материнских горных пород, имеющихся в разных местах), биологию (соотношение одноуровневых таксонов в разных систематических группах), химию (типы химических связей), физику (виды взаимодействия в природе), информатику (общая классификация отношений для экспертных систем), экономику (отношения государственной и частной собственности и др.), социологию (взаимная оценка представителей разных социальных страт), историю (соотношение периодов развития территории), психология (межличностные отношения) и т.д. География как интегральное знание имеет

большие возможности по изучению отношений, т.к. она изучает объекты природные, социально-экономические, технические, природно-техногенные. Использование имеющихся наработок с учетом географической специфики и опыта должно способствовать прогрессу георелятивистики.

В общем понимании отношение можно трактовать как возможность сопряженного рассмотрения двух и более объектов, что выражается в определении и изучении потенциальных или существующих связей, взаимного влияния объектов друг на друга, потоков вещества, энергии либо информации между ними.

Наиболее очевиден такой вид отношений в географии, как географическое положение. Близкорасположенные города обычно рано или поздно оказываются связаны транспортными линиями некоторой мощности (пропускной способности), по которым направляются потоки людей, товаров, энергии, информации. Города оказываются в сложных взаимоотношениях: помимо топологических (географическое положение) это могут быть иерархические (при явных различиях в размерах), генетические (если один породил другой в смысле информационном или миграционном), причинно-следственные, функциональные (разделение труда и выполняемых функций, в т.ч. при групповом расселении) и т.д.

Географические отношения в среднем менее стабильны по сравнению с объектами на территории. Это показали, например, изменения в территориальной организации России, произошедшие после распада СССР. В подавляющем большинстве случаев объекты – предприятия, населенные пункты и т.п. – остались на месте, исчезали и появлялись лишь немногие. В то же время отношения, реализующие их связи, проходящие по линиям связей потоки изменялись, зачастую, кардинально. Это привело, в частности, к размыванию границ общепринятой до конца 1980-х гг. сетки экономических районов Госплана, составленной на основе старых связей между регионами. Хаотичность процесса формирования новой картины связей (особенно сложной в первое десятилетия независимости России) до сих пор не позволяет наметить даже примерные экономические районы нового времени, которые стали бы общепринятым вариантом районирования.

Отношения могут отличаться различными свойствами. Покажем описание свойств отношений на конкретном примере. Обособлять отдельное элементарное отношение для подробного разбора мы здесь не будем – оставим такую задачу для других

публикаций. Укажем два основных варианта возможного анализа: изучение отношений одного, центрального объекта, по принципу средового подхода (объект – среда); изучение отношений объектов как равноправных участников взаимодействия (самый простой случай – бинарные отношения, т.е. между двумя объектами). По сути аналогичным является изучение отношений внутри объекта. Для удобства описания назовем данный подход объект-объектным.

Покажем один из возможных вариантов рассмотрения объект-объектных отношений на примерах двух пар однородных образований: городских агломераций и курортно-рекреационных комплексов (табл.). Уфимская (УА) и Стерлитамакская (СА) агломерации располагаются в Башкирии, а Центральный (ЦКРК) и Юго-Восточный (ЮВКРК) курортно-рекреационные комплексы – в Пермском крае.

Сопоставление двух пар объектов по отношениям

Отношения	УА и СА	ЦКРК и ЮВКРК
Типы:		
1. Сущностные		
– иерархические	УА выше по уровню	ЦКРК выше по уровню
–функциональные	СА донор, УА реципиент (по р.Белая); сложные социально-экономические отношения	ЦКРК является ядром (основной или донор) курортной рекреации региона, а ЮВКРК (ведомый или реципиент) окраинного типа. Основная функция данных территорий – повышение качества здоровья и восстановления жизненных сил (отдых)
2. Пространственные		
–иерархические	одноуровневые	одноуровневые
– географическое положение	Смежность; УА севернее, ниже по реке	ЦКРК ближе к Перми (пермская агломерация); ЮВКРК транзитный
3. Временные		
–стадийность процессов	УА опережает (более раннее проникновение инноваций)	Развитие ЦКРК превосходит динамику ЮВКРК за счет более быстрого проникновения информационных и материальных ресурсов

– возраст	УА старше по центру, но ровесник СА по формированию как агломерации	ЮВКРК старше по возникновению курортного лечения, но как системный район курортной и оздоровительной реабилитации ЦКРК стал формироваться первым
Свойства:		
1. Сущностные		
– многообъектность	Бинарные, n-арные	Преобладают n-арные
– характер объектов	Однотипные, пространственные, крупные (межрег. значение)	Однотипные, сущностные, крупные (межрегиональное значение)
– составность	Сложные	Сложные
– степень выраженности	Тесные	Средней степени
– очевидность	Преобладают явные	Значительны скрытые
– значимость	Преобладают значимые	Преобладают значимые
– непосредст-венность	Преобладают прямые	Представлены как прямые, так и косвенные
– знак действия	Отталкивание в поле расселения, притяжение в транспортной системе	Отталкивание в поле конкуренции
– проблемность	Характерны проблемы в некоторых отношениях (бюджет и пр.)	Характерны косвенные конкурентные отношения за потенциального клиента
2. Пространственные		
– реализованность	Высокая степень (транспортные связи, потоки вещества, энергии, информации, людей)	Средняя или низкая степень (движение потов энерго-вещественных и информационных продолжительные)
– направленность	Преобладают двунаправленные	Преобладают двунаправленные (движение отдыхающих, посещение исторических мест или концертов), а иногда представлены однонаправленные потоки

– протяженность	Внутрирегиональные (120 км)	Внутрирегиональные (200 км)
3. Временные		
– длительность	Преобладают долгосрочные	Преобладают долгосрочные и среднесрочные отношения, которые определяются территориальной спецификой развития данного вида деятельности
– стабильность	Преобладают постоянные (например, иерархические)	Ярко выражена сезонность

Вывод: представленная схема описания отношений объектов позволяет определять степень организованности состоящей из них системы (группы). В нашем случае можно заключить, что пара агломераций связана более тесными отношениями и отличается от пары курортно-рекреационных комплексов более высоким уровнем организованности. Все это связано с тем, что агломерация имеет более высокий уровень сложности, а курортно-рекреационный комплекс представляет собой отраслевую систему, которая может быть компонентом городской агломерации.

Георелятивистика представляется перспективным направлением, которое может помочь в решении задач структурного и системного анализа, представить традиционные и новые объекты географии в ином свете, сформулировать актуальные проблемы географической науки и находить пути их решения.

УДК 911.3

**Б. О. Гомбоев, А. Н. Гладинов, Ц. Д. Гончиков,
Л. В. Хышектуева, Е. Б. Болхосоева, Ч. Б. Урбанова,
Л. Г. Хамаева, С. Р. Хальбаева, Э. М. Зомонова,
А. Б. Гомбоев**

СТРАТЕГИЯ СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ

BALANCED REGIONAL DEVELOPMENT STRATEGY IN ENVIRONMENTAL RESTRICTIONS

Рассмотрены общие вопросы сбалансированного регионального развития. Предложены стратегические положения данного развития в условиях экологических

ограничений на основе выявления полифункциональной иерархии природопользования как в целом на территории региона, так и в рамках образующих его территориальных производственно-ресурсных структур. Показаны основные методологические подходы к определению сбалансированного регионального развития.

The general issues of balanced regional development, including its natural, economic and social elements are considered. Strategic positions of the balanced development of the region in conditions of environmental constraints based on the identification of the multifunctional hierarchy of Nature-use as a whole in the region, and within the framework of its productive-resource structures are proposed. The basic methodological approaches to the definition of balanced regional development are shown

Ключевые слова: региональное развитие, территориальные производственно-ресурсные структуры, полифункциональная иерархия природопользования, концепция общей экономической ценности, DPSIR-анализ.

Keywords: regional development, territorial productive-resource structures, multifunctional hierarchy of Nature-use, the concept of total economic value, DPSIR-analysis.

Проблемы регионального развития в настоящее время приобретают новые грани, обусловленные воздействием и взаимодействием различных факторов, таких как глобализация, модернизация социально-экономических процессов, глобальное изменение климата и др. В этих условиях опыт, накопленный в социально-экономической географии в исследовании и решении этих проблем, имеет фундаментальное значение.

Стратегической целью любого регионального развития должно быть достижение баланса его природных, хозяйственных и социальных элементов, который дает оптимальный эколого-социально-экономический эффект. Сбалансированное региональное развитие понимается нами как процесс, обеспеченный комплексом природных, экономических и социальных факторов и условий, как внешних, так и внутрирегиональных, формирующих интегрированное эколого-социально-экономическое развитие на мезоуровне, трансформацию данных факторов и условий и создание механизма регулирования этой трансформацией для сохранения и создания благоприятной окружающей природной среды, повышения уровня экономического развития территории и качества жизни населения. Это согласуется с тем, что региональное развитие можно определить как формирование и развитие в регионе территориальных социально-экономических структур с устойчивым приростом экономического, социального и экологического качеств регионального развития [1, 2].

Усиление внимания к данному направлению происходит в настоящее время и в связи с процессами глобализации в мировой экономике, которые имеют разнонаправленный вектор в разных частях мира, сглаживая и усиливая межстрановые и внутристрановые различия. Следующая общемировая тенденция в развитии исследований по рассматриваемой тематике заключается в интегрировании различных аспектов регионального развития, включая его природные, экономические и социальные составляющие.

Региональное развитие, как более общая категория, реализуется через формирование и развитие территориальных социально-экономических систем [3], частным случаем которых являются территориальные производственно-ресурсные структуры, понимаемые нами как цельные территориальные образования, объединяющие их природные, хозяйственные и социальные элементы и которые непосредственно вовлечены в материальное производство. Исследованию этих структур уделяется значительное внимание в теориях отечественных и зарубежных ученых, занятых исследованием территориальной организации хозяйства и общества: теория регионального роста и развития; теория кумулятивного роста; новые теории регионального роста; теории новых форм территориальной организации производства и др.

Масштабность задачи изучения трансформации многомерного природного и экономического пространства и оценки эффективности мер регионального регулирования такова, что она требует активных междисциплинарных исследований. Это делает необходимым адаптацию отечественного и зарубежного опыта к выявлению и оценке изменений территориальных производственно-ресурсных структур на исследуемых территориях, в условиях которых значимым фактором сбалансированного развития выступает сохранение и реализация ресурсного потенциала территориальных образований.

Многообразие форм данных структур (ТПК, промышленные узлы, кластеры и т.д.) определяют и множество подходов к их изучению. В современных условиях развитие этих подходов может осуществляться на основе интегрированного рассмотрения природных, хозяйственных и социальных элементов этих структур в условиях глобализации, развития рыночных отношений, учета экосистемных функций территорий и цикличности как фундаментального свойства природных и общественных процессов.

Основные методологические подходы к определению сбалансированного развития в регионах с особыми экологическими условиями базируются на общих основаниях изучения объекта современной социально-экономической географии с более углубленным вниманием к проблемам природопользования, которое определяется как процесс, включающий не только использование природных благ, но и характер, масштабы и последствия воздействия человека на природу [4]. Такое понимание природопользования позволяет выдвинуть положение о его полифункциональной иерархии, в рамках которой: выявляются функции территорий в области природопользования (как часть более широкого спектра функций), – средообразующие, природоохранные, потребительские и др., включая сакральные; определяются приоритеты природопользования на основе оценки и ранжирования указанных функций; устанавливаются пределы развития каждой из функций с целью достижения баланса в их развитии [5]. Удобным, хотя все еще детально не разработанным инструментом для оценки функций территорий в области природопользования является концепция общей экономической ценности [6], которая является слагаемой двух агрегированных показателей: стоимости использования (потребительской стоимости) и стоимости неиспользования. Следующим интегральным инструментом для построения основ сбалансированного регионального развития с учетом экологических ограничений является DPSIR-анализ, концепция которого принята Европейским агентством по окружающей среде [7]. Основная концептуальная структура анализа DPSIR построена на логике ведущего метода «Driving forces – Pressures – States – Impacts – Responses (движущие силы – давление – состояние – воздействие – ответная реакция)», при котором формируется общая схема организации информации о состоянии окружающей среды. Эта схема предполагает причинно-следственную связь между взаимодействующими компонентами социальной, экономической и экологической систем.

Исследование формирования и функционирования территориальных производственно-ресурсных структур для достижения сбалансированного регионального развития в специфических условиях различных территорий позволит получить как научные, так и прикладные результаты [8]:

- совершенствование теоретико-методологического аппарата исследования регионального развития полифункциональной структуры «Природа-Хозяйство-Население»;

- комплексную оценку и анализ природных, экономических и социальных оснований формирования и развития производственно-ресурсных структур на исследуемых территориях;

- разработку региональной парадигмы сбалансированного развития рассматриваемых районов, обеспеченной программным обоснованием, учитывающим природную и хозяйственную цикличность.

Возможные области применения результатов исследований по рассматриваемому направлению весьма обширны. Основными из них могут быть следующие:

- учет выявленных оснований развития территориальных производственно-ресурсных структур в программах и планах социально-экономического развития и сохранения природной среды в исследуемых районах;

- комплексная эколого-социально-экономическая экспертиза проектов формирования и размещения объектов территориальных производственно-ресурсных структур на рассматриваемых территориях;

- учет результатов исследований при формировании политики сбалансированного развития рассмотренных районов.

Литература

1. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков. Том III. Территориальные социально-экономические структуры (Моногр. Кол. автор. Под ред. П.Я. Бакланова и М.Т. Романова. – Владивосток: Дальнаука, 2012.-364 с.).

2. Бакланов П.Я. Географические факторы в региональном развитии // Географические факторы регионального развития Азиатской России. Материалы научно-практической конференции. 18-19 апреля 2013 г., Владивосток. С. 8-10.

3. Бакланов П.Я. Территориальные социально-экономические системы – основной объект современной социально-экономической географии // Географические факторы регионального развития Азиатской России. Материалы научно-практической конференции. 18-19 апреля 2013 г., Владивосток. С. 10-14.

4. Михайлов Ю.П. Географические грани процесса природопользования // География и природные ресурсы. 1980. № 3. С. 159-164.

5. Гомбоев Б.О. Полифункциональная иерархия территориальной организации природопользования в регионе // Теория социально-экономической географии: синтез современных знаний. Сборник научных статей. Смоленск, 2006. С. 67-73.

6. Экономическая оценка биоразнообразия. Под ред. С.Н. Бобылева, А.А. Тишкова. М., 1999.-112 с.
7. Зомонова Э.М., Зандакова А.Б. Методы анализа в концептуальной структуре DPSIR // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование (политология, экономика, право). № 3, 2011. С. 52-61.
8. Гомбоев Б.О. Полифункциональная иерархия природопользования и территориальные производственно-ресурсные структуры в районах Внутренней Азии: методологические аспекты исследования их формирования и развития // Географические факторы регионального развития Азиатской России. Материалы научно-практической конференции. 18-19 апреля 2013 г., Владивосток. С. 39-42.

УДК 338:91

Н. В. Гонтарь

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА: НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ СЛЕДСТВИЯ

REGIONAL STATE POLICY: MAIN TRENDS AND AFTEREFFECT FOR THE REGIONS

Охарактеризованы современные особенности, направления и следствия государственной региональной политики в контексте общих принципов, определяющих роль государства в развитии страны и формировании территориальных процессов.

The article briefly describes the general characteristics of modern features, trends and effects of regional policy in the context of the general principles governing the role of the state in the development of the country and the formation of territorial processes.

Ключевые слова: региональная политика, депрессивные территории, выравнивание развития.

Keywords: regional policy, depressed areas, the alignment of development.

В условиях быстрых и глубоких социокультурных и экономических изменений на глобальном и национальном уровнях социально-экономическая география России характеризуется столь же активным поиском новых путей развития теории, формированием новых подходов к традиционным объектам исследования и поиском новых возможностей практического приложения теоретических наработок.

Новый этап развития науки пока не стал периодом оформления синтеза новых и прежних идей. В числе вопросов, которые

вызывают во многом полярные взгляды, – региональная политика и, конкретнее, – вопрос о формах и масштабах включения государства в территориальные процессы. О многообразии подходов ведущих географов-обществоведов в полной мере свидетельствуют обширные издания последних лет [1-3 и ряд других]. Вместе с тем, ряд аспектов данной проблематики освещены сравнительно мало, что делает актуальным последующий анализ.

Организация государственной региональной политики. Государственная региональная политика является проекцией деятельности государства и его роли в динамике организма страны в целом. Некоторые из таких общих принципов деятельности государства описаны ниже.

1. Государство является **одним из субъектов**, влияющих на территориальные процессы.

2. Государственный аппарат **не производит и не имеет собственных экономических ресурсов.** Ресурсы государства являются частью ресурсов, созданных экономическими субъектами и изъятых государством посредством налогообложения и иных инструментов. Деятельность государства состоит не в производстве, а в перераспределении созданного в экономике.

3. Поступление ресурсов в распоряжение государства **обеспечивается аппаратом принуждения** и не является добровольным актом. В этом состоит коренное **отличие государства от рынка**, где имеет место добровольный обмен благами, максимизирующий полезность для каждого участника обмена (исключая случаи мошенничества, которое является видом насилия и не является экономическими актом).

4. Расширение сферы ведения государства обеспечивается повышением налогов и расширением аппарата управления (что также требует налогов).

5. Четкие **критерии отнесения сфер к подлежащим государственному регулированию и управлению отсутствуют**, собственно, как и исчисляемая стоимость услуг, которые государство берется обеспечивать. Это делает возможным **обоснование изъятия любого количества ресурсов** государством для выполнения его функций.

6. Государство использует ресурсы для развития инфраструктуры, социальной поддержки, внедрения инноваций, однако государственные ресурсы предварительно были изъяты у экономических субъектов, которые, **как следствие, не смогли ис-**

пользовать их для развития инфраструктуры, социальной поддержки, внедрения инноваций. **Использование государственных ресурсов возможно только за счет не-использования их самими экономическими субъектами**.

7. Следует избегать трактовки «западных» экономик как в полной мере «рыночных» в силу масштабной реализации в них всех форм государственного регулирования. На Западе отсутствует в явной форме единый народнохозяйственный план, который из советского опыта воспринимается как демаркатор экономики на рыночную и нерыночную. Однако **отсутствие единого плана еще не делает экономику рыночной**.

8. Озвученные выше механизмы вносят искажение в свободное добровольное взаимодействие территориально локализованных рыночных субъектов, уменьшая для них полезность обменов и искажая показатели эффективности экономики, включая её территориальную организацию.

9. В силу взаимообусловленности экономической и социальной сфер общества, государственное искажение естественных (максимально эффективных для конкретного Человека) территориальных экономических пропорций затрагивает территориальную организацию общества в целом.

Опираясь на данные принципы, попробуем проанализировать некоторые проблемы региональной политики, упоминаемые в экономико-географических исследованиях.

Современные черты российской региональной политики. По сравнению с советским периодом произошла качественная трансформация региональной политики государства: ранее таковая охватывала всю территорию страны и выражалась в организации ТПК, промышленном строительстве, возведении городов. Сегодня государственная региональная политика не имеет сопоставимых по масштабу территориальных следствий. Данная трансформация связана с масштабом государственного перераспределения: если ранее в ведении государства находились все ресурсы страны, то теперь, как об этом говорит А.Г. Дружинин, «возросла многополюсность территориальной организации российского общества, полисубъектность её «управляющей компоненты», формируемой не только генерируемыми «вертикалью власти» директивами, но и стратегиями крупных корпораций, интересами и «поведением» миллионов хозяйствующих субъектов, собственников» [1, с. 64]. Сама региональная политика выхоло-

щена, разработка региональных стратегий является не руководством к действию, а условием получения федеральных средств.

В пользу активной государственной региональной политики приводится довод о том, что «число стран, реально проводящих региональную политику, растет, как и средства, затрачиваемые на нее» [4, с.6] Однако предельным примером здесь является квазигосударственное устройство ЕС, где непрекращающийся кризис зоны евро указывает на факт непрочности и деструктивности (с точки зрения сохранения территориального и институционального единства) стимулирования за чужой счет (в случае еврозоны Германия фактически явилась донором евро, тогда как доходы южных соседей оказались несоразмерны их вкладу в экономику еврозоны). При этом один из сценариев распада зоны евро предполагал выход из нее именно Германии.

В целом по поводу возможных направлений региональной политики в упомянутых выше источниках можно встретить анализ всего спектра подходов: стимулирование развития приоритетных территорий, поддержка депрессивных, и – выравнивание уровней социально-экономического развития.

Стимулирование развития приоритетных территорий. Обширный спектр мер государственного стимулирования, по сути, обеспечивается сокращением налогового бремени (ослаблением государственного принуждения) для данных территорий, и – направлением «государственных» ресурсов. Первый круг мер выглядит как **действие государства,** но на самом деле это – **уменьшение вмешательства** государства. О втором круге мер говорится, что: «Усиление политических воздействий, а также увеличение дотаций и бюджетных отчислений в базовые регионы позволит сохранить единое экономическое пространство страны и сгладить неравенство между регионами» [1, с. 75]. Однако, перераспределяемые ресурсы – не «государственные», они ранее были изъяты у регионов же, причем, как ни парадоксально, – и у регионов, которые затем «стимулируются».

Наконец, определение приоритетных территорий неизбежно является одновременным «определением» своего рода «второсортных» регионов. Предполагается, что последние «подтянутся» затем в своем развитии, следуя за регионами-«локомотивами», но доказательные измерения такого рода воздействий отсутствуют.

Стимулирование «локомотивов» избирает, также, в качестве таковых регионы с уже имеющимися заделами, то есть, – относительно более успешные, стимулирование которых в отсутствие последующего синергетического эффекта лишь усилит разрыв показателей.

Поддержка депрессивных территорий по формальным признакам выглядит противоположной предыдущей политике. Здесь к финансовому стимулированию добавляется государственное инвестирование в тех сферах, которые государство традиционно позиционирует как «неподъемные» для бизнеса в силу их масштабности и длинных сроков окупаемости. Государство монополизировало данные сферы, удерживая над ними жесткий контроль (дороги, порты, магистральная инфраструктура, социальная защита, образование, здравоохранение).

О депрессивных территориях принято говорить в терминах «деградация», «исключение из развития», где соответствующие определения имеют однозначно отрицательную коннотацию и «призывают» к действию государства по исправлению ситуации. Отражение данного подхода – суждение о том, что если не поддерживать в местах, представляющихся сегодня неперспективными, достойный уровень жизни, неизбежно их запустение, массовый исход населения, деградация человеческого потенциала [5]. Однако понадобятся ли ресурсы (инфраструктура использования которых будет сохраняться) впоследствии; ведь технологии не стоят на месте? Когда именно они понадобятся? Действительно ли поддержание в течение этого периода неэффективных производств и сохранение на территории не занятого продуктивным трудом населения окупится последующим использованием соответствующих ресурсов? Учтем, что к издержкам сохранения доступа надо прибавить упущенную выгоду (не частную, а общестрановую!) от занятия населения (которое здесь подвержено угрозе деградации) производительным трудом на других производствах (и на других территориях, где ощущается дефицит труда). Перемещение населения туда, где оно могло бы иметь источник доходов, способно сделать ненужным механизм перераспределения.

Для России вопрос поддержания регионов имеет геополитическое значение в силу присутствия на границах Сибири населения Китая в пропорции 9:1 к российскому. Однако Россия в этом отношении не уникальна («стоящее на границах Канады» американское население соотносится с канадским как 9,5:1) и, кроме

того, стимулирование в геополитических интересах должно как-то осмыслить приведенный Л.А. Безруковым факт того, что разница между финансовыми потоками, уходящими из Сибири в центр и поступающими оттуда в виде трансфертов, достигает десятикратной величины [6] (вложение же «утекающих» в Центр доходов на месте, полагаем, было бы весомым фактором сохранения как рабочих мест, так и населения в целом).

Вопрос определения регионов стимулирования, потребности в инфраструктуре и масштабов соответствующих проектов решается так же произвольно, как и в ситуации регионов-лидеров.

Наконец, имеются и примеры того, что подлинный бенефициар политики стимулирования депрессивных территорий – сам государственный аппарат: пока есть депрессивные территории, нужен и аппарат, который будет распределять пособия. Как следствие, возникает ситуация, о которой упоминает Э.Л. Файбусович: в депрессивных районах, где почти не осталось производственных отраслей, «собственные доходы формируются из налогов, поступающих от доходов физических лиц, получающих регулярную заработную плату в бюджетных организациях, в том числе достаточно высокую в сфере управления» [1].

В целом, стимулирование как лидеров, так и аутсайдеров можно приветствовать только если предполагать наличие, наряду с ресурсами лидирующих и отстающих регионов, неких «государственных» ресурсов, «дополняющих» региональные. Понимание того, что стимулирующие ресурсы государства изначально изымаются и у лидеров, и у аутсайдеров, позволяет по-новому взглянуть на логику «стимулирования». Сочетание целей стимулирования лидеров и помощи аутсайдерам закономерно синтезировалось в идее «регионального выравнивания».

Выравнивание уровня социально-экономического развития. По сути, территории не могут быть равны ни по своему потенциалу, ни по актуальным показателям. Крайне привлекательная (особенно для менее успешных территорий) цель выравнивания принципиально не достижима, но её сохранение является постоянно действующим аргументом существования государственного аппарата, занятого сбором и беспрерывным перераспределением средств в целях «выравнивания».

Интересен тезис о том, что государственная интервенция в решении региональных проблем предполагает, что «власти и население согласны на понижение эффективности экономики за

счет перераспределения части средств» [4, с. 6]. Однако эффективность – это то, что обеспечивает прибыль субъектов экономики, изымаемую государством и формирующую государственные ресурсы «выравнивания». То есть, в пределе максимальное выравнивание будет максимально снижать эффективность экономики и лишать государство ресурсов (не желания!) реализации «выравнивания».

Важно также, что финансовые вливания не решают проблему укоренения населения на территории, без чего невозможно её долгосрочное развитие, но привлекают «временщиков» (что показал лавинообразный отток населения в 1990-е гг. с «северов» после прекращения дотаций из Центра).

Идея «выравнивания» сочетается с набором определений того, что оно призвано устранить: «диспропорциональность», «сверхконцентрация», «гиперцентрализация», «межрегиональные контрасты», «межрегиональный диспаритет» [1-3]. Сами определения не дают ответа на вопрос о том, что есть «сверх-» или «гипер-», «дис-(паритетность/баланс/пропорциональность)». Как говорит об этом С.С. Артоболевский, «понятие «чрезмерные» никак не параметризировано» [4, с. 6], что делает государственное перераспределение произвольным и зависимым от групп интересов.

Однако сам вопрос имеет под собой объективную почву в ощущении несправедливости и противоестественности концентрации финансовых дивидендов от работы сибирских или уральских, или волжских заводов в столицах, что создает там «пузыри» цен. Эта (совершенно искусственная) сверхконцентрация имеет корни в институциональном поле (наиболее яркий пример – перевод «Сибнефти» с её миллиардными отчислениями в бюджет из Омска в Санкт-Петербург), а вовсе не в свойствах российских пространств. Именно решения государства и в интересах государства в немалой мере создают в экономике те угрожающие контрасты, которые государство затем принимается «выравнивать» (собирая налоги для их перераспределения посредством чиновничьего корпуса).

Выводы. Активная региональная политика государства, основываясь на изъятии средств из экономики, оказывает неоднозначное влияние на региональное развитие. Кроме того, государство в значительной мере способствует формированию территориальных диспропорций. В совокупности данные факты требуют

выработки новых подходов к региональной политике государства и поиска действенных механизмов региональной политики, максимально избавленной от современных её недостатков.

Литература

1. Пространство современной России: возможности и барьеры развития (размышления географов-обществоведов) / Отв. ред. А.Г. Дружинин, В.А. Колосов, В.Е. Шувалов. Москва: Изд-во «Вузовская книга», 2012. 336 с.

2. Теория социально-экономической географии: спектр современных взглядов / Ред. и сост. А.Г. Дружинин и В.Е. Шувалов. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2010. – 166 с.

3. Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. 476 с.

4. Артоболевский С.С. Идеология региональной политики // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. С.5-7.

5. Клюев Н. Н. Территориальная справедливость: критерии, принципы обеспечения, опыт оценки //география и природные ресурсы, 2011, № 1

6. Безруков Л.А. Сибирский холод и экономика России // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). – 2011. – Т. 3. – № 1. – С. 104–115.

УДК 911

А. Г. Дружинин

ЕВРАЗИЙСКАЯ ПОЛИЗАВИСИМАЯ ПЕРИФЕРИЯ: ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ[1]

POLI-DEPENDIENTE PERIFERIA OF EURASIA: THE BASIS OF RESEARCH CONCEPT

Предложено понятие «полизависимая периферия», охарактеризованы факторы и следствия полизависимости территории, реализован подход к идентификации полизависимой периферии Евразии на различных иерархических уровнях.

Developed the concept of the poli-dependiente periferia, characterized factors and consequences of poli-dependence of the territory, implemented a approach to the identification of poli-dependiente periferia of Eurasia at different hierarchical levels.

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект 12-06-00034-а.)

Ключевые слова: полизависимая периферия, Евразия
Keywords:, poli-dependiente periferia, Eurasia

Подобно тому как (согласно Ф. Броделю) «история мира – не один, а множество потоков» [1], глобальное геопространство – не одно, а совокупность разноуровневых территориальных общественных систем с имманентными им центро-периферийными отношениями. Осмысление объективного и универсального характера данных отношений происходит в науке уже почти два столетия, обретя завершённую теоретическую конструкцию в предложенной И. Валерстайном матрице «ядро-полупериферия-периферия» [2]. Став признанной, классической и достаточно адекватно отражая общественно-географические реалии, данная «тринарная» модель дифференциации пространственного развития выступает ныне неотъемлемой составляющей исследовательского инструментария. Ситуация эта характерна и для России [3], где с начала 1990-х гг. (в условиях стремительного укоренения рыночных отношений и имманентного им неравного обмена, «создателя неравенства в мире» [1, с. 29]) центро-периферийные эффекты проявили себя рельефно и масштабно.

В архитектонике современного глобализирующегося (и, одновременно, фрагментирующегося, усложняющего свою пространственную организацию) мира рост центро-периферийных градиентов сопровождается углублением взаимозависимости территорий на всех иерархических уровнях. Эффект **полизависимого развития** присущ, разумеется, и общественно-географическим таксонам «центра», и территориям «полупериферии», однако в наибольшей мере он существенен именно в ситуации социально-экономической периферии. Массовое по своим проявлениям несоответствие административно-политических и хозяйственных, селитебных, этнокультурных рубежей, интернационализация экономики, масштабные миграции, неравномерное развитие отдельных территорий (включая появление новых «центров силы») порождают, при этом, многочисленные ситуации одновременной зависимости тех или иных конкретных стран, регионов и локалитетов периферийного типа от нескольких (зачастую конкурирующих, в том числе в геополитическом, геоэкономическом и геокультурном отношении) центров. Подобная ***полизависимость периферии*** (обусловленность различных аспектов общественного воспроизводства на её территории взаимодействием как ми-

нимум с двумя урбанистическими центрами, регионами, государствами, метарегиональными группировками, пространственно локализованными суперэтническими целостностями) всё более заметна на постсоветском пространстве, а также иных, тяготеющих к нему территориях Евразии, которая (в ипостаси социально-экономико-культурного феномена и ментального конструкта) – ныне многомерна. На «фундаменте» Евразии – Российской Империи, Евразии – СССР (но во многом – и вне прямой связи с ними) формируется, как это видится автору, новая, многополюсная Евразия, своего рода **«Мега-Евразия».** Её интегрирует уже не только (и не столько) единое государство (группировка, союз государств), сколько альтернативные, конкурентные современной российской геополитике и геоэкономике экспансии [4]; причём, корректно установить географические границы подобной «промежуточной», многофакторной и полицентрической субстанции крайне сложно.

«Европа, – акцентирует С. Хантингтон, – заканчивается там, где заканчивается западное христианство и начинаются ислам и православие» [5, с. 244]. Соглашаясь с подобным подходом и рассматривая его в качестве базового при идентификации западного лимитрофа «евразийского пространства» (всё более выступающего объектом активнейшей геоэкономической, геополитической и геокультурной конкуренции, «размывающей» и расширяющей его привычные сознанию границы), отметим, что территории, опоясываемые католико-протестантской Европой, арабскими государствами, этнокультурными комплексами Индостана и регионами Китая (с преобладанием ханьцев), по своим важнейшим экономико-демографическим показателям (при их сопоставлении с современными мировыми странами-лидерами) вполне обоснованно могут быть классифицированы как периферия с «вкраплениями» полупериферии. Наиболее значимые из подобных «центральных зон» периферии – Московская агломерация (локализующая ВВП порядка 750 млрд. долл. США) и турецкий регион Мармара, включающий Стамбул (450 млрд.), – тем не менее, и экономически, и демографически существенно уступают как сети метрополий Западной Европы, так триаде ведущих китайских мегалополисов (это – дельта реки Янцзы, реки Чжуцзян и район Пекин-Бохайвань). В этом отношении уместна постановка вопроса о преимущественной периферийности основной массы государств «евразийского пространства» (в его геокультурном

и геоэкономическом понимании), равно как и о наличии своего рода «**евразийской полизависимой периферии**», фрагментированной, полиэтнической, с многоукладной экономикой, протянувшейся широкой полосой от Балкан до Дальнего Востока, причём, всё боле расширяющей своё присутствие, в том числе и на территории Российской Федерации.

«Евразийское пространство», разумеется, разнородно; его «внутреннее» центро-периферийное структурирование, равно как и соответствующая типология регионов, государств, иерархия урбанистических сетей, – тематика приоритетная, сложная, требующая самостоятельного детализированного исследования. Тем не менее, в сопоставлении с традиционным и новыми внешними по отношению к данному метарегиону «центрами силы», вся группировка 29 де-факто «евразийских» государств (включая ряд «непризнанных») периферийна и, в этой связи, в условиях складывающегося многополюсного мира – в существенной мере полизависима. Занимая почти 27 млн км² территории, она обеспечивает (по данным 2012 года) лишь 6,9 трлн. долл. США ВВП (что в 2,2 раза меньше, чем с странах ЕС, и 1,8 раза уступает аналогичному показателю по Китаю). Её среднестатистическая «экономическая плотность» (ВВП на площадь территории), при этом, в 14 раз ниже, чем у Евросоюза (в том числе в 35 раз – в соизмерении с его экономическим лидером – Германией) и в 5 раз меньше показателя Китайской Республики. Средняя же площадь населения «евразийской периферии» (26 чел/км²) в 5,4 раза уступает Китаю и в 4,5 – ЕС.

В формате собственно «евразийского пространства» также идентифицируема «своя» полизависимая периферия («периферия прериферии»), «полюс» которой чётко смещён в метарегион Центральной Азии; прочие же ареалы – распространены достаточно широко, в том числе и в пределах Российской Федерации. Концентрация социально-экономического потенциала в федеральных столицах и региональных метрополиях нашей страны (активизировавшаяся в последние два десятилетия) корреспондирует с «расползанием» российской периферии (по оценке Т.Г. Нефёдовой, к внешней периферии можно отнести 70 % территории страны, к внутренней – ещё около 15 % [6, с. 29]). На этом фоне множатся проявления полизависимости, причём, в ряде приграничных регионов Юга России, Сибири и Дальнего Востока периферийные территории обретают выраженные признаки

зависимости, в том числе от иных государств и от локализованных преимущественно за пределами РФ этноконфессиональных систем. Располагая обширнейшим приграничьем и выстраивая и поддерживая множество векторов геоэкономического и геополитического взаимодействия (соприкасаясь с крупными группировками стран «различными частями своего тела» [7, с. 83]), Российская Федерация в одних геоситуациях выступает, при этом, в качестве «периферии», в иных – «полупериферии», в некоторых – выполняет и «центральную» миссию.

Полимасштабность евразийской полизависимой периферии хорошо иллюстрируема и результатами исследований по отдельным российским регионам, равно как и конкретным сельским административным районам. Так, к примеру, на территориях с интенсивным «этническим замещением» (юг Калмыкии, восток Ставропольского края и др.) эффекты полизависимости инициированы возрастающей полиэтничностью, ориентацией этнических страт территориальной общности на различные урбанистические центры (в частности, в Черноземельском районе Республики Калмыкия для калмыцкого населения функции региональной метрополии выполняет г. Элиста, в то время как для выходцев из сопредельных республик Северного Кавказа – Махачкала и Грозный). Всё в возрастающей мере практически полизависимы (уже преимущественно по геоэкономическим причинам) трансграничные территории, специализирующиеся на логистике, различного рода «челночном» бизнесе, а также ареалы, привлекательные для зарубежных инвестиций. Существенное влияние на эскалацию полизависимости оказывает конфессиональная динамика и рост этнического самосознания. Весомым фактором, безусловно, является и собственно территориальная политика Российской Федерации (на страновом и региональном уровнях), пространственное «поведение» её ведущих корпораций.

Полизависимость для любой территории – это и проблемная ситуация, и, одновременно, дополнительный ресурс; на всех таксономических уровнях полизависимая периферия обладает существенным потенциалом конфликтогенности, предрасположена к различного рода политическим и этнокультурным «разломам» и, в то же время, заключает в себе существенные коммуникационные возможности, выступая в качестве латентного (но весьма приоритетного) компонента столь необходимой для постсоветской Евразии пространственной социально-экономической

интеграции. Понимание превалирования периферийных типологических черт в динамике «евразийского пространства», равно как и инвентаризация, делимитация и типология полизависимых территорий, их полимасштабный анализ – приоритетны для российской общественной географии и, при этом, создают необходимую концептуальную основу для формирования внятной и сбалансированной геостратегии России в сложном для неё, полном вызовов и угроз контексте XXI столетия.

Литература

1. Бродель Ф. Предисловие // Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. М. 2007.

2. Валерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб. 2001.

3. Грицай 0. В., Иоффе Г. В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991.

4. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. 2009. 288 с.

5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во «АСТ», 2003. 608 с.

6. Нефёдова Т.Г. Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5.

7. Региональное развитие: опыт России и Европейского союза / Отв. Ред. А.Г. Гранберг. М. 2000.

УДК 911:32

А. Б. Елацков

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РАЙОНА

SOME FEATURES OF A GEOPOLITICAL REGION

Рассмотрены некоторые содержательные особенности геополитического района. Предложены понятия нормативно-реляционного типа района и интроспективного географического положения.

A geopolitical region are considered as form of rule-relational region. The concept of «introspective geographical location» is introduced.

Ключевые слова: политическая география, районирование, географическое положение.

Keywords: political geography, zoning, geographical location.

Геопространство – многогранное единство ряда планетарных сфер [1]. Своей материальной (а в некоторых интерпретациях и идеальной) содержательностью геопространство отличается от территории. Вряд ли можно согласиться с мнением, что их отличие состоит лишь в мерности. Именно в геопространстве мы можем выделять различные районы и ареалы по определенным признакам, объективным или субъективным. Территория же (как и геотория) лишь выделяет в геопространстве определенную часть. Любой объект или таксон (район, ареал) обладает территорией, но сама территория безразлична к своему содержанию. Как отмечает Ю.Н.Гладкий, она “служит лишь общим фоном расположения материально-вещественных объектов и, строго говоря, – «пуста» с точки зрения модельных построений…” [2]. Признаками районирования или зонирования геопространства могут быть не только конкретные геообразования, но и отношения (например, расстояние от государственной границы или побережья).

Именно последний аспект особо важен для выделения геополитического района. Здесь возникает и определенная сложность. Дело в том, что геополитический район отражает не только внутренние объективные особенности территориальных систем, но и геополитические отношения (ГПО) и интересы субъектов. В этом смысле район выделяется не только по связям в территориальной системе, но и по связям (отношениям) с геополитическим субъектом. Получается довольно сложная матрица взаимно пересекающихся районов разного содержания. Отметим, что одни и те же объективные признаки в разных районах могут вступать в ГПО разного типа и значения в зависимости от геополитического контекста. Поэтому районирование может быть «двухслойным»: на первом слое отражаются объективные параметры геопространства, потенциально могущие участвовать в ГПО (но это еще не геополитическое районирование в чистом виде, а скорее – географическое). На втором – эти признаки уже как сторона ГПО с соответствующей политической оценкой. Не случайно И.М.Маергойз отмечал, что «политико-географический район, в отличие от экономического, более подвижен, его рубежи весьма условны» [3].

Далее определим место описанного района в классической типологии географических районов. В принципе, это не должно вызвать особых проблем, поскольку теория районирования без остатка разбивает всё множество возможных районов на определенные классы, часто дихотомические. Основными типами пред-

ставляются узловой и однородный районы. Для примера возьмем наиболее четко выделяемый тип геополитического района – административно-территориальную единицу или территорию государства. И сразу сталкиваемся с проблемой: на типизацию данного вида районов имеются прямо противоположные точки зрения. Одни авторы по понятным причинам относят его к узловым, другие – к однородным или смешанным районам. Попробуем предложить наше решение проблемы [4].

Узловой и однородный районы – это идеальные типы, редко встречающиеся в действительности в абсолютно чистом виде. Большинство реальных районов представляется их сочетанием в разных пропорциях. А так как понятие территории мы рассматриваем как свободное от содержательных аспектов, то, следовательно, она лишена и районообразующих признаков. При этом она выступает базисом для выделения районов. Вырисовывается некая абстрактная шкала по наличию признаков районирования: «территория – район». Добавив типологию, получим две оси, пересекающиеся в «нулевой» точке – на понятии территории: «территория – узловой район» и «территория – однородный район». Такая система координат позволяет рассматривать различные сочетания и выраженность двух идеальных типов районов.

Такой подход хорошо работает в естественной и социально-экономической отраслях географии. Однако в нашем случае его оказывается недостаточно. Территория государства, например, однородна по суверенитету и одновременно имеет явно «узловой» характер. При этом узловые связи распространяются на пустынные необитаемые части страны лишь условно. Проблемы возникают и в иных случаях, когда «прикладные» районы приходится выводить за пределы вроде бы «сквозной» типологии. Поэтому следует, на наш взгляд, выделить третий тип районов, преобразуя двухмерную систему логических координат в трехмерную. Особенность района третьего типа в том, что он не может быть выделен только лишь по итогам исследования местности. Ключевое значение здесь имеют отношения, часто нематериальные, точек районируемого геопространства с некоторой внешней для них данностью (смысловой, материальной или любой другой), которая играет роль своеобразного нормирующего «ключа». Этот идеальный тип определяет третью ось: «территория – нормативно-реляционный район».

Политико-географические и геополитические районы в действительности обладают признаками всех трех идеальных типов. Районообразующими для них являются геополитические отношения. Но если данная типология является «сквозной», то должна быть применима и к другим отраслям географии. И это действительно имеет место. Как примеры можно привести, например, часовые пояса, двигаемые «росчерком пера», или вернакулярные районы. И даже зоны города в его генеральном плане его развития. В естественной географии этот вопрос не так очевиден. Однако и здесь можно найти соответствия. Например, зона затопления при возможном подъеме уровня Каспия на 1 м или зоны исторических наводнений в Санкт-Петербурге. Сюда же отнесем и ряд сравнительно-сопоставительных районов.

В заключение обсудим еще один спорный вопрос. Как известно, одной из важнейших характеристик района является его географическое положение. Оно обычно определяется как совокупность отношений к данностям, лежащим вне района. В политической географии этого оказывается явно недостаточно. Требуется оценка положения и относительно данностей, лежащих внутри района. Простой пример. Если страна имеет крупный приграничный ареал расселения некоторого этноса, который живет и в соседнем государстве, то ее внешняя политика по отношению к последнему будет несколько иной, нежели в случае, если этот внутренний ареал расположен на другом краю или в центре страны.

Положение относительно внутренних данностей невозможно назвать «внутренним», так как это обычно означает отношение внутреннего объекта (элемента) к включающему его внешнему. Мы предлагаем именовать такое положение «интроспективным» (от лат. «смотреть внутрь») [5]. На самом деле такой подход давно используется в разных географических исследованиях, но специально почти не описывается. И опять же, интроспективное географическое положение оказывается важным не только для политической географии. Можно привести яркие примеры из, например, биогеографии: стации переживания в ареале обитания и ленточные ареалы произрастания вдоль рек. К такому типу можно отнести и отношение лингвистического ареала к его диалектному центру.

Литература

1. Каледин Н.В. Политическая география. СПб., 1996.

2. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб., 2010.

3. Маергойз И.М. Некоторые вопросы политико-географического изучения капиталистических стран // Вопросы эконом. и полит. географии заруб. стран / Под ред. В.В.Вольского, И.М.Маергойза. М., 1971.

4. Елацков А.Б. Территория и район в географической матрице пространственности // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 3 (в печати).

5. Елацков А.Б. Политическое геопространство как объект исследования. II. Географические отношения и виды геоположений // Вестн. СПб. ун-та. Сер.7: геология, география. 2013. Вып. 1.

УДК 911.6

А. С. Зиновьев, Л. В. Ярошевская

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЦЕННОСТНО-ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В ЛИТВЕ

TERRITORIAL DIFFERENTIATION OF VALUE-IDEOLOGICAL ORIENTATIONS OF THE ELECTORAL PREFERENCES IN LITHUANIA

В работе выявлены устойчивые тенденции в массовом избирательном поведении на выборах в Литве. Построена пространственная типология ценностно-идеологической ориентации на уровне избирательных округов на выборах в Сейм Литовской республики.

The paper identifies stable trends in mass voting behavior in elections in Lithuania. Spatial typology of value-ideological orientations at the level of constituencies for elections to the Seimas of the Lithuanian Republic was built.

Ключевые слова: ценностно-идеологическая ориентация, экологический подход, соотношение партийно-политических сил, Литва.

Keywords: value-ideological orientation, environmental approach, ratio of party-political forces, Lithuania.

Распад Советского Союза привел к появлению на политической карте мира 15 новых независимых государств, в которых мгновенно запустился процесс глубоких системных преобразований.

Постсоветские страны Балтии представляют для исследователей особый интерес. Эти страны позже других вошли в состав СССР, в период между двумя мировыми войнами имели опыт собственной государственности; они никогда не входили в СНГ (ни как участники, ни как ассоциированные члены), а сразу пошли по пути евроатлантической интеграции в ЕС и НАТО.

Трансформация партийно-политической системы является одним из ключевых индикаторов изменений в социально-политической сфере жизни общества. Формирование современной партийно-политической структуры в странах Балтии, впрочем, как и во всех постсоветских государствах, охватывает достаточно небольшой период времени. В отличие от стран Западной Европы, где, по мнению политологов С. Липсета и С. Роккана, структура социальных расколов, имеющих явное отражение в партийно-политической структуре любого государства, «заморозилась» в первой четверти XX в. [1]. Речь идет о таких расколах, имеющих территориальное выражение, как конфликт между центром и периферией, церковью и государством, городом и селом, собственниками и рабочими [2]. Все они находят свое отражение в ценностно-идеологической ориентации общественных настроений, выражающихся в поддержке тех или иных политических сил, что регулярно подвергается калькуляции посредством выборов в различные органы государственной власти.

В рамках данного исследования нами была предпринята попытка определить территориальную дифференциацию ценностно-идеологической ориентации электоральных предпочтений в одной из стран Балтии – Литве. Для этого мы попытались выяснить устойчивость соотношения основных партийно-политических сил в различных частях страны. Изучение электоральных процессов в Литве влечет за собой определенные сложности, связанные с использованием различного деления страны на избирательные округа в зависимости от типа выборов. С одной стороны, президентские выборы, а также общегосударственные референдумы проводятся в разрезе административно-территориального деления по 60 муниципалитетам. С другой стороны, на парламентских выборах используется смешанная избирательная система, которая подразумевает выбор 70 депутатов Сейма Литвы по пропорциональной системе и 71 депутата по мажоритарной системе. Данный вид выборов проводится по 71 избирательному округу.

Исходными данными исследования послужила электоральная статистика по избирательным округам на выборах в Сейм Литовской республики за период с 2004 по 2012 гг. [3]. Авторами намеренно был выбран временной отрезок после 1 мая 2004 г., когда Литва вступила в Европейский Союз, что ознаменовало новый этап в функционировании территориально-политической системы Литвы.

Для подробного анализа нами были отобраны те электоральные альтернативы, которые по итогам хотя бы одной из трех избирательных кампаний попали в Сейм, набрав более 5 процентов голосов избирателей по пропорциональной системе.

Основным, применяемым в нашем исследовании, методом является корреляционный анализ, часто используемый в рамках экологического подхода в электоральной географии. Исходные данные сформировали матрицы, по которым были рассчитаны линейные коэффициенты корреляции Пирсона при уровне значимости $\alpha = 0{,}001$ (0,1%) или доверительной вероятности 99,9% для каждых выборов.

Во-первых, наличие значимой корреляционной зависимости между двумя пространственными распределениями электоральных альтернатив говорит о наличии и характере связи между ними и их территориальных различиях. Во-вторых, положительная значимая корреляция между парой электоральных распределений показывает возможность того, что избиратели одной и той же территориальной единицы могли отдать свои голоса как одной, так и другой из альтернатив. Можно сделать вывод, что данные избирательные альтернативы «питаются» одним и тем же электоратом. А в рамках нескольких избирательных кампаний можно говорить о последовательном перетекании электората. Напротив, отрицательная значимая корреляция между парой электоральных распределений говорит о территориальном несовпадении зон поддержки данных альтернатив. Это говорит о невозможности перехода электората между этой парой альтернатив.

В результате анализа квадратных матриц корреляции взаимных зависимостей пространственных распределений электоральных альтернатив, практически вся их совокупность четко делится на три группы (таблица).

Следует отметить, что ряд электоральных альтернатив – Избирательная акция поляков Литвы и Союз крестьян и новой демократии, – не были включены ни в одну из групп, так как у со-

ответствующих им пространственных распределений отсутствует явная связь с какой-либо из групп, что затрудняет однозначное определение их идеологической окраски; партии Национального возрождения и Путь мужества, оказавшиеся в первой и третьей группе соответственно, но имеющие, при этом, значимую положительную корреляционную связь между собой, были выведены за пределы дальнейшего анализа по причине их ценностно-идеологической невыраженности. Пример такой партии – Партия национального возрождения (создана накануне выборов в Сейм 2008 г.), избирательный список которой составили известные в стране телеведущие, актеры и шоумены с лозунгом «Мы не в состоянии победить кризис, но с нами хотя бы будет весело». Довольно скоро эта партия прекратила свое существование, сначала распалась фракция в парламенте, а затем сама партия объединилась с Союзом либералов и центра, что соответствует противоположенному идеологическому полюсу нашей группировки.

Таблица. Группировка электоральных альтернатив на выборах в Сейм Литовской республики (2004-2012 гг.)

Группа 1	Группа 2	Группа 3
Литовская социал-демократическая партия 2004, 2008, 2012 Партия национального возрождения 2008	Партия труда 2004, 2008, 2012 Порядок и справедливость 2004, 2008, 2012	Союз Отечества - Литовские христианские демократы 2004, 2008, 2012 Союз либералов и центра 2004, 2008, 2012 Движение либералов Литовской Республики 2008, 20012 Путь мужества 2012.

Такое деление электоральных альтернатив не является случайным. Проанализировав программные и предвыборные документы указанных политических партий, мы определили, что в первую группу вошли пространственные распределения идеологически «левых» альтернатив, во вторую – центристские альтернативы, в третью – «правых».

Как можно заметить из состава групп, выбор избирателей имеет вполне определенный устойчивый характер, в основе которого стоит четкий ценностно-идеологический раскол как во времени, так и в пространстве. Действительно, наличие или отсутствие значимой корреляционной зависимости между альтер-

нативами говорит не только о характере связи между их электоратами, о возможности его перетекания от одной альтернативы к другой или об ее отсутствии, но и о существовании устойчивой пространственной структуры в выборе избирателей.

На следующем этапе исследования для изучения типов соотношения партийно-политических сил использовались треугольные диаграммы, составленные по трем избирательным кампаниям, где каждая из осей соответствует одному из трех идеологических полюсов, а координаты каждой точки соответствуют долям голосов, полученных в каждом избирательном округе тремя выделенными группами партий. Внутригородские избирательные округа крупнейших литовских городов Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Паневежиса и Шауляя были объединены, и в дальнейшем каждый город анализировался по всем избирательным округам, расположенным на его территории.

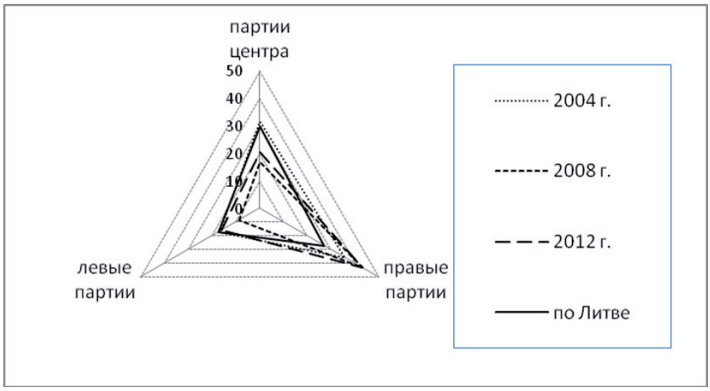


Рис.1 Соотношение партийно-политических сил в г. Вильнюс (составлено по [3])

Для оценки стабильности соотношения сил между тремя группами партий в округах на диаграммы дополнительно были нанесены результаты средней по стране доли голосов, полученные каждой из них.

На диаграммах был выделен тип избирательных округов, где абсолютное большинство голосов получено правыми партиями (например, рис. 1). В отдельный тип были включены избирательные округа, где доминируют левые и центристские партии. Избирательные округа с большинством голосов за центристские партии составили третий тип.

Также существуют избирательные округа, которые не показали однозначной поддержки ни одного из трех идеологических полюсов. Такие округа проявляются в двух вариантах: когда во всех трех избирательных кампаниях ни левые, ни правые, ни центристы не получали высокой поддержки и когда от выборов к выборам значительно меняется уровень поддержки трех идеологических альтернатив.

Четвертый тип был обозначен как тип невыраженной поддержки основных идеологических полюсов, так как к нему относятся избирательные округа, где поддержка левых, правых и центристских партий крайне мала. Такое распределение электоральной поддержки, как правило, компенсируется высокой долей голосования за иную партию.

Пятый тип представляет собой избирательные округа с нестабильными электоральными предпочтениями. На диаграммах характерных для данного типа отмечаются частые флуктуации электоральной поддержки разных по идеологии групп партий.

В соответствии с вышеперечисленными типами соотношения партийно-политических сил, была составлена следующая картосхема (рис. 2).

К правому типу относятся избирательные округа Вильнюса, Каунаса и Каунасского района, Клайпеды и прилегающих к ней территорий Клайпедского района, курортных городов Паланги и Неринги. Столица Литвы, как и второй, и третий по численности города страны, являются своеобразными центрами инноваций. Таким образом, поддержка правых партий сосредоточена в крупнейших и наиболее экономически развитых центрах Литвы с высокообразованным и полиэтничным населением.

К левоцентристскому типу относятся в основном периферийные территории с невысоким уровнем социально-экономического развития.

Избирательные округа центристского типа в целом дисперсно расположены по территории страны; особый интерес среди них может представлять Тяльшайский район – малая родина Роландаса Паксаса, лидера партии «Порядок и справедливость».

Избирательные округа, отнесенные нами к невыраженному типу, совпадают с компактным расселением польского меньшинства, где традиционно высока поддержка Избирательной акции поляков Литвы.

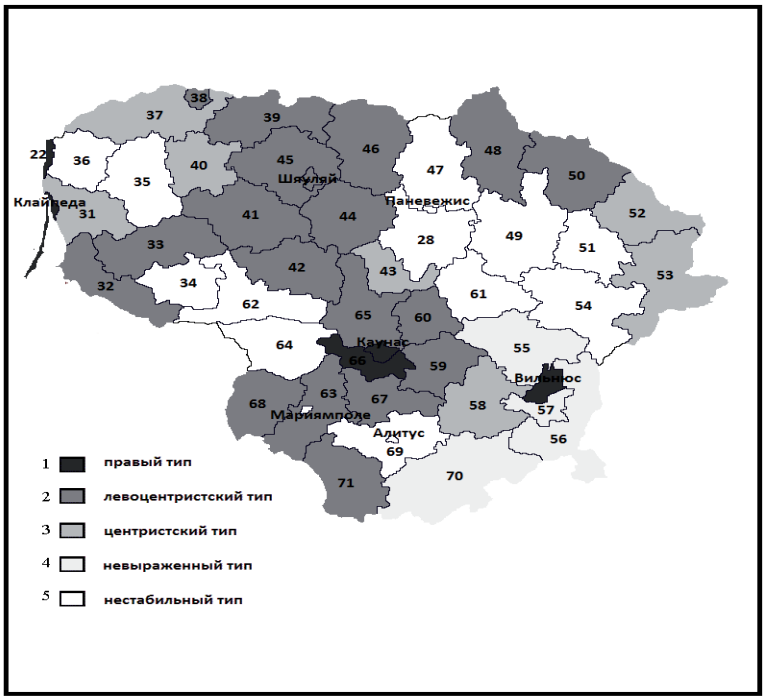


Рис. 2 Пространственная типология ценностно-идеологической ориентации избирателей Литвы

В избирательных округах, проявивших нестабильные идеологические установки, помимо постоянной смены победившей партии от выборов к выборам, в частности, отмечается высокая поддержка неидеологических популистских партий (Партия возрождения Литвы, Путь мужества).

Таким образом, нам удалось выделить пять основных типов ценностно-идеологической ориентации избирателей Литвы, обоснование которых является важной задачей для дальнейшего изучения современной территориально-политической системы Литвы.

Составленная нами типология ценностно-идеологической ориентации избирателей показала наличие в Литве зон, на территории которых формируются целостные политико-культурные «среды» голосования. Рискнем предположить, что таким образом

проявляются различные виды политической культуры литовцев. Последнее положение нуждается в дополнительной проверке.

Литература

1. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990.

2. Липсет С., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4.

3. http://www.vrk.lt - Центральная избирательная комиссия Литовской республики.

УДК 796.5
ББК 75.8 (235.55)

А. И. Зырянов

НОВОЕ В РЕКРЕАЦИОННОЙ ГЕОГРАФИИ

TENDENCIES OF RECREATIONAL GEOGRAPHY

Проанализированы диссертационные географические исследования России и Казахстана по туристско-рекреационной тематике. Выявлены современные научные интересы в рекреационной географии и географии туризма.

Analyzed geographical dissertation research of Russia and Kazakhstan on tourism and recreation topics. Identified current research interests in the recreational geography and tourism geography.

Ключевые слова: рекреационная география, география туризма, территориальная организация туризма, туристский ресурсный потенциал, виды туризма.

Keywords: recreational geography, geography of tourism, territorial organization of tourism, tourism resource potential, kinds of tourism.

Работы, нацеленные на изучение туризма и отдыха, возможно, являются наиболее частыми диссертационными продуктами современной российской географии. Это позволяет кратким анализом диссертаций, защищенных в течение нескольких лет, представить палитру научных интересов и актуальных проблем в этой сфере. Рассмотрим диссертации российских и казахстанских специалистов преимущественно по специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география».

Невозможно выразить достижения той или иной диссертационной работы в нескольких строках. Принесем за это извинения авторам. Поставим для себя задачу лишь беглого взгляда на проблематику диссертационных работ и их научные акценты для понимания современных научных интересов.

Классический экономико-географический подход – **изучение территориальной организации деятельности** – характерен для многих работ, среди которых можно выделить исследования Л.Ю.Мажар, А.Н.Дунца, А.В.Бредихина, А.В.Митрофановой и С.Э.Мышлявцевой.

Докторская диссертация Л.Ю.Мажар (Смоленск) о территориальных туристско-рекреационных системах создана на принципах преемственности с классическими работами научной школы В.С.Преображенского и на понимании современных тенденций в туризме. Один из акцентов сделан на обосновании объекта изучения рекреационной географии и географии туризма, что особенно важно при современной шаткости системы научного знания в этой области. Это теоретическая работа, где автор не ограничивается территориально и по отраслевому признаку, а развивает методологические основы науки.

Две следующие докторские работы связаны с направлением, которое можно назвать «Физическая география и территориальная организация туризма».

А.Н.Дунец (Барнаул) сконцентрировался на принципах формирования перспективной территориальной организации трансграничного горного региона. Автор рассмотрел туристско-рекреационное пространство Алтая. В его работе интересны трактовки роли гор в современном обществе, положения о специфике развития туризма и рекреации в связи с ландшафтной дифференциацией, высказывания о географической специфике Алтае-Саянского региона, выводы о социально-экономической ситуации в горных районах мира, понимание опорного туристско-рекреационного каркаса и разработка принципов туристского проектирования.

А.В.Бредихин (Москва) раскрыл значение геоморфологического фактора для развития рекреации и туризма. На материалах многих районов мира, на примерах различных типов рекреационных занятий и туристского профиля выявлена зависимость туристско-рекреационных процессов от характера рельефа территории, показана важность учета геоморфологии для проекти-

рования туристской инфраструктуры, разработаны подходы и методики планировки туристских территорий. Разработана теория рекреационно-геоморфологических систем.

Далее отметим направления исследований в виде кандидатских диссертаций.

А.В.Митрофанова (Калининград) пионерно применила кластерный подход к анализу туризма на материале Калининградской области, смоделировала структуру кластера, провела территориальное зонирование региона по приоритетности инвестиций в туристскую отрасль.

С.Э.Мышлявцева (Пермь), рассмотрев территориальную организацию туризма в нескольких регионах Урала, впервые обратила внимание на ее маршрутный характер, показав этим отличие туристской отрасли от других сфер хозяйства. Ее положения основываются на изучении активных видов туризма, хотя имеют более широкое значение для всей системы туризма.

В направлении **на стыке географии и турбизнеса** создали работы У.Т.Кошкимбаева и О.Н.Синкина.

У.Т.Кошкимбаева (Алма-Ата, Казахстан) исследовала туризм как фактор развития сельской местности, предложила и разработала идею развития регионов Южного Казахстана через стимулирование и развитие энотуризма (винного туризма), постаралась привлечь внимание бизнес-сообщества и управленцев к виноградарству и виноделию в этом географическом поясе.

О.Н.Синкина (Москва) изучила историю формирования и современное состояние тематических парков мира, предложив эту деятельность как одно из перспективных направлений развития российской туристско-рекреационной сферы, поскольку на формирование тематических парков нацелен почти весь российский туристский девелопмент.

Разработка методик и **оценка туристского ресурсного потенциала** конкретных регионов являлись направлением работ С.А.Шабалиной, С.В.Лазаревской и В.П.Расковалова.

С.А.Шабалина (Казань) по собственной методике провела оценку потенциала туристских ресурсов Татарстана в разрезе муниципальных районов и осуществила туристское районирование республики.

С.В.Лазаревская (Чита) создала базу данных туристского ресурсного потенциала Читинской области, разработала технологию информационно-аналитического обеспечения турист-

ского развития региона, продвинув своей работой туристско-кадастровое направление.

В.П.Расковалов (Пермь) исследовал ресурсный потенциал природно-ориентированного туризма в Пермском крае, создал методику расчета, провел количественную оценку, при этом, выявив ряд перспективных муниципальных районов, на которые традиционно туристские предприятия обращали незначительное внимание.

На отдельных видах туризма, их географических аспектах сконцентрировали внимание Н.А.Мозгунов, Э.А.Батоцыренов, В.Н.Каледин.

Н.А.Мозгунов (Москва) изучил виды современной сельской рекреации и предложил модели развития сельского туризма в регионах Центральной России как территории, которая может служить районом-предвестником этой перспективной деятельности для страны.

Э.А.Батоцыренов (Улан-Уде) посвятил работу исследованию активного туризма в республике Бурятия, дал оригинальное определение понятия активного туризма, разработал методику расчета потенциала региона в отношении активного туризма, поднял вопросы готовности местного населения к этой деятельности в регионе.

В.Н.Каледин (Санкт-Петербург) провел анализ въездного туризма в Индии, исследовал его эволюцию, территориальную организацию, как административную, так и международную. Автор, анализируя программы, маршруты, туристские центры, осуществил туристское районирование страны.

Т.В.Казенина и К.С.Козырева работали в направлении, которое можно назвать «**население региона и туризм»**.

Т.В.Казенина (Киров) изучала международный выездной туризм России как фактор социально-экономического благополучия населения и показала на разных территориальных уровнях точность и полноценность этого показателя.

К.С.Козырева (Чита) рассмотрела уровни экономической доступности туристских услуг для населения региона на примере Забайкальского края, показала действие фактора статусности туристских объектов в мировом туристском движении и препятствование распространенной туристской технологии развитию регионального туризма.

Теме **международного взаимодействия в туризме и международных туристских потоков** посвящены работы О.Г.Ступиной и А.Е.Борисенковой

О.Г.Ступина (Москва) рассмотрела международную экономическую интеграцию в туристской сфере как современное распространенное явление, проанализировала многочисленные интеграционные группировки стран в мировой туристской системе, проведя их классификации и оценки.

А.Е.Борисенкова (Москва) исследовала международные туристские потоки рекреационного характера в странах Европейского союза. Автор разработала показатели вовлеченности территории в международный туризм и обосновала оригинальные типологии европейских стран и их регионов.

В традициях **комплексного анализа территории** представлены работы Ю.И.Смоляковой и А.Ю.Подвалова, которые непосредственно подходят в качестве научных основ для разработок региональных концепций и программ развития туризма в регионах.

А.Ю.Подвалов (Джамбул, Казахстан) рассмотрел эволюцию и перспективы развития туризма в Джамбульской (Жамбыльской) области Казахстана, обратив особое внимание на индустрию туризма.

Ю.И.Смолякова (Краснодар) исследовала ресурсы, структуру, уровень развития и перспективы туризма в Адыгее, сделав акцент на выявление факторов, препятствующих развитию регионального туризма.

Теме **туризма на особо охраняемых территориях** посвящены работы И.Ж.Цыреновой и Е.Н.Киприной.

И.Ж.Цыренова (Москва) рассмотрела перспективы развития туризма в национальных парках Байкальского региона, определила туристские возможности и необходимые особенности туристской технологии каждого из парков на принципах взаимодополнения.

Е.Н.Киприна (Тюмень) обратила внимание на природный парк как специфическую форму ООПТ, ориентированную на рекреацию, провела «плотное» физико-географическое исследование природного парка «Кондинские озера» в Ханты-Мансийском автономном округе с точки зрения его вовлеченности в рекреационную деятельность.

Культурный ландшафт и туристский образ территории являлся направлением исследований И.Б.Соболь (Барнаул). Автор изучала геокультурную дифференциацию Алтайского края, провела туристское районирование на основе культурных ландшафтов, предложила выстроить на этих принципах брендинг и легендирование туристских районов.

Активный туризм, **маршрутное планирование и безопасность** являлись направлением исследований А.Ю.Королева и С.Б.Мичурина.

А.Ю.Королев (Пермь) разработал технологию проектирования активных маршрутов в горах. Автор изучал логику разработки туристских путешествий, предложил модели эталонных маршрутов, обосновал принципы туристского районирования горных территорий.

С.Б.Мичурин (Пермь) разработал классификацию активных путешествий с учетом опасностей и классифицировал водные маршруты в регионах России, предложил систему территориальной организации обеспечения безопасности на активных маршрутах в Пермском крае.

Если считать, что по диссертационным работам можно определять векторы всей науки, то можно сделать следующие выводы о туристско-рекреационном научном направлении. Нетрудно заметить, что тематика внутреннего туризма намного популярнее тематики международного, ресурсное направление сильно преобладает над туристским бизнесом, гуманитарные аспекты в туризме изучаются редко, а комплексные работы на стыке физической географии и социально-экономической географии широко представлены. Все больше появляется работ по конкретным видам туризма, а также связанных с маршрутными технологиями и туроперейтингом. Внутренний и въездной туризм считается предпочтительнее для изучения, чем выездной. Типы объектов исследований разнообразны. Это территориальные туристско-рекреационные системы, кластеры, население региона, географическое пространство в разных ракурсах, культурный ландшафт, конкретные топографические объекты (национальный парк, страна, республика), туристские маршруты и многое другое. Отметим и то, что термин «рекреация» встречается в диссертационных работах гораздо реже, чем термин «туризм». Понятие «рекреация» употребляется в основном в сочетании с туризмом

и почти исключительно в работах докторского уровня. Кандидатские диссертации в основном оперируют понятием «туризм».

Такой общий взгляд на тематику и задачи диссертационных исследований позволяет сказать, что туризм (особенно в пределах научной специальности «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география») в рассматриваемые нами годы (2007 – 2012) изучается активно, разнопланово и результативно.

УДК 316.334.55 (470.344)

Н. А. Казаков, У. В. Юманова, Е. Н. Житова

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ УСТОЙЧИВОСТЬ СЕЛЬСКИХ ОБЩЕСТВ ЧУВАШИИ[1]

SOCIAL AND POLITICAL STABILITY OF RURAL SOCIETY OF CHUVASHIA

Современная социально-политическая устойчивость сельских обществ Чувашской Республики – это следствие отсутствия явно выраженных этноконфессиональных конфликтов, восприятия гендерного неравенства как естественного явления, завышения людьми своего положения в социально-экономической стратификационной структуре общества при самоидентификации (сравнительно благополучного социального самочувствия).

Modern social and political stability of rural communities of the Chuvash Republic – a consequence of the lack of explicit ethno-religious conflicts, the perception of gender inequality as a natural phenomenon, overestimate of the people their position in the socio-economic stratification structure of society with self-identification (relatively prosperous social well-being).

Ключевые слова: устойчивое развитие, устойчивость, социальная устойчивость, этно-конфессиональные конфликты, гендерное неравенство, социально-экономическая стратификация.

Keywords: sustainable development, sustainability, social sustainability, ethno-religious conflicts, gender, socio-economic stratification.

Под устойчивостью можно понимать способность социума противостоять опасным (разрушающим, гибельным) воз-

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 12-16-21603

мущающим воздействиям (по возможности предупреждать их), восстанавливать (сохранять) равновесие для продолжения движения (развития). Одно из слагаемых устойчивости социума – социально-политическая устойчивость. Она проявляется в устойчивости общества в отношении угроз межэтнических, межконфессиональных, гендерных, социальных, политических конфликтов.

В рамках исследования условий устойчивого развития сельских территорий Чувашии, с целью определить степень опасности возникновения межэтнических и межконфессиональных конфликтов в обществе, респондентам были заданы следующие вопросы: «ваше отношение к своей национальности и этнической принадлежности окружающих людей» и «как вы относитесь к представителям других религий, окружающих вас». Ответы, данные на эти вопросы, показывают, что из числа опрошенных жителей районов республики, абсолютное большинство (81,3%) обладает нормальной этнической идентичностью, при которой образ своего народа воспринимается как положительный и, при этом, присутствует уважительное отношение к этнической принадлежности других людей. Около 12,5% опрошенных безразличны как к собственной национальности, так и национальностям окружающих их людей, т.е. обладают этнической индифферентностью или амбивалентной этничностью, широко распространённой в смешанной этнической среде, которая характерна многим сельским территориям Чувашии. И только у 6,2% респондентов выявлено некритическое предпочтение своей этнической общности. В подавляющем большинстве районов Чувашии таких жителей не более 5%, но в Канашском, Вурнарском, Цивильском районах их доля существенно выше. Особенно выделяется Канашский район, в котором 40% жителей сельской местности считают как минимум, что народ, к которому они принадлежат, превосходит окружающие его народы по своей культуре.

Большинство опрошенных (95%) заявили о своей принадлежности к той или иной религиозной культуре (5% – атеисты). Но особого религиозного рвения среди респондентов не обнаружено, 87,5% из них места богослужения посещают довольно редко.

Сельские жители республики, в основном, готовы терпимо относиться к «иноверцам», если они не будут навязывать окружающим свою религию или проявлять свою религиозную принадлежность (67,5% опрошенных), а 30%-ам вообще безразлична религиозная принадлежность и культура окружающих людей. Лишь

2,6% испытывают страх перед иноверцами, и считает их изгнание необходимым. Особенно велика их доля в Вурнарском районе (около 10%). Но никто из опрошенных не заявил о стремлении к прозелитизму.

Можно заключить, что вспышка межэтнических и межконфессиональных конфликтов в сельской местности Чувашии в целом маловероятна, но исключить данную угрозу социальной устойчивости сельских обществ нельзя, особенно в Канашском и Вурнарском районах.

При исследовании устойчивости сельских обществ Чувашии в отношении гендерных конфликтов наибольшее значение имеет оценка проблем, исходящих из экономической сферы – гендерного неравенства возможностей на рынке труда.

Безработица в равной мере характерна как для мужчин, так и женщин. Однако, уровень безработицы мужчин в республике выше (8,9% против 6,3% у женщин). Безработные мужчины составляют 62,2% от числа безработных в сельской местности. Мужчины в сельской местности имеют неформальную занятость, тогда как женщины согласны работать за меньшую зарплату и на менее престижной работе, но с постоянным заработком.

Заработная плата выступает важнейшим показателем гендерного неравенства мужчин и женщин на рынке труда. Отношение заработной платы женщин к заработной плате мужчин имеет довольно устойчивое положение и колеблется на уровне 70-75%, а в некоторых отраслях еще меньше. Средняя заработная плата в социальной сфере составляет 40-60 %, в сельском хозяйстве – 57,3% от средней заработной платы по республике. Заработная плата в сельских районах республики, как правило, невысока в сравнении с городами республиканского значения. Индекс равенства возможностей при оплате труда выявил районы с гендерным дисбалансом в оплате труда: Красночетайский, Канашский, Цивильский, Аликовский, Комсомольский, Ядринский, Батыревский и Яльчикский. В этих районах индекс превышает единицу (от 1,1 до 1,9), что свидетельствует об «ущемлении» женщин при оплате труда и о том, что профессиональная сегрегация весьма значительна.

Разница заработной платы мужчин и женщин может объясняться низкой рыночной оценкой работы, которой занимаются женщины и неравным распределением мужчин и женщин по отдельным отраслям и профессиям – горизонтальной сегрегацией.

Горизонтальная сегрегация проявляется в асимметричном распределении мужчин и женщин в различных отраслях. Для измерения отраслевой сегрегации был использован индекс диссимиляции Дункана. Районные сопоставления индекса Дункана свидетельствуют о том, что гендерная отраслевая сегрегация наименее выражена в районах расположенных вблизи столицы республики (Чебоксарский, Цивильский). Остальные сельские районы имеют высокие значения индекса отраслевой сегрегации.

Развитие в рыночной экономике частного сектора привело к отвержению женского труда как невыгодной рабочей силы. Женщина является дорогостоящим и менее надежным (по сравнению с мужчиной) работником. Рынок труда разделён на два сектора: первый – новый, рыночный, "мужской", престижный и высокооплачиваемый, другой – традиционный государственный, "женский", с сохраняющимся внешне высоким статусом социальных занятий, но низкой оплатой труда.

Социально-экономическая устойчивость общества на любой территории проявляется также в особенностях его расслоения на основе распределения «жизненных возможностей» и «экономических преимуществ» страт и слоев. Исследования показывают значительную социально-экономическую стратификацию сельского населения республики. Большинство сельчан (45%) относится к группе малообеспеченных с доходами от 1 до 2 прожиточных минимумов (ПМ), балансирующих на уровне бедности. Доля бедного сельского населения на сегодняшний день составляет около 31%.

Социальное самочувствие населения проявляется в процессе самоидентификации в системе социально-экономической стратификационной структуры общества. Более половины респондентов (52%) относит себя к среднеобеспеченному классу, но при этом имеет доходы на уровне бедных. Около 3,5% населения, как правило мужчины молодого и среднего возраста, со средним или начальным профессиональным образованием, с доходами от одного до четырех ПМ, считает себя состоятельными. Незначительна группа (1,8%) преимущественно женщин среднего и старшего возраста со средним специальным или высшим образованием, относящих себя к бедному населению (наиболее образованные слои общества все чаще относят себя к малоимущим стратам). В этом выявляется основное несоответствие самооцен-

ки: доходы населения в целом на одну-две позиции ниже, чем реальный социально-экономический класс общества в общепринятой системе стратификации.

На основе индикаторов, характеризующих процессы социальной стратификации (доходов населения, уровня удовлетворенности ими, наличия разнообразных видов собственности и денежных сбережений, самоопределения в системе социально-экономической стратификации общества и др.), был рассчитан комплексный показатель уровня социальной устойчивости сельского населения региона. По этому показателю районы республики делятся на «наименее устойчивые», «среднеустойчивые» и «наиболее устойчивые». К первой категории, с низкими показателями доходов и собственности, относятся районы центральной широтной линии республики. Среднеустойчивые районы сгруппированы по центральной меридиональной линии Чувашии. Наиболее устойчивые районы находятся в центре республики.

Несмотря на проявление в сельской местности Чувашии гендерного неравенства и высочайшую долю среди сельского населения бедных и малообеспеченных, готовность вести политическую борьбу проявляют немногие. На вопрос об «отношении к волне антиправительственных выступлений, прокатившейся по стране в период и после выборов в Государственную думу и президента России», большинство респондентов (66,2%) ответили, что они не разделяют мнения выступающих против правительства (хотя треть из них считает, что действия «оппозиции» полезны обществу). Разделило мнение «оппозиционеров» 33,8% опрошенных, но лишь 6,9% респондентов готово к участию в антиправительственных действиях. В Вурнарском, Цивильском районах действия оппозиции поддержало около половины опрошенных, в Янтиковском – 60%, Канашском – 70%. Наибольшая доля желающих участвовать в антиправительственных акциях (организовывать их) зарегистрирована в Вурнарском и Кашашском муниципальных районах – 30% (20%) и 40% (20%) соответственно. Можно констатировать, что угрозы устойчивости сельских обществ со стороны политической сферы жизни в настоящее время в подавляющем числе районов республики не очень значительны. Исключение составляют Вурнарский и Канашский районы, где доля недовольных правительством и, что более важно, готовых к антиправительственным действиям – достаточно высока.

Относительная политическая, социальная устойчивость сельских обществ в республике связана с отсутствием явно выраженных этно-конфессиональных конфликтов, восприятием гендерного неравенства, как естественного явления, завышения людьми своего положения в социально-экономической стратификационной структуре общества при самоидентификации, т.е. сравнительно благополучным социальным самочувствием.

УДК 911.3

Н. В. Каледин

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГЕОГРАФИЯ: ОТ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ВЫЗОВА К ДЕЯТЕЛЬНОСТНО-ГЕОПРОСТРАНСТВЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

SOCIETAL GEOGRAPHY: METHODOLOGICAL CHALLENGE AND ACTIVITY-GEOSPATIAL PARADIGM

С позиций смены конкретно-научных и методологических парадигм в развитии общественной географии рассмотрена проблема «вызов-ответ». В качестве основного «внутреннего» вызова выделен методологический – отсутствие собственных методологических принципов, способных в рамках современной парадигмы «методологического плюрализма» обеспечить создание «сквозной», единой теоретической концепции науки и, на этой основе, решить проблему её самоидентификации. В качестве выхода предлагаются междисциплинарные методологические принципы деятельностно-геопространственного подхода, открывающего возможность разработки общественно-географической теоретической концепции геопространственной самоорганизации общества.

Methodological challenge considers as main problem of theoretical development of modern Societal Geography (Human Geography). From the standpoint of activity-geospatial approach author advance to consider «societal-geospatial attitude» as key category of Societal Geography (Human Geography) and the bases of elaboration of the theory of geospatial self-organization of society as the subject of the science.

Ключевые слова: парадигма, методологический вызов, деятельностно-геопространственный подход, общественно-геопространственное отношение, геопространственная самоорганизация общества.

Keywords: paradigm, activity-geospatial approach, societal-geospatial attitude, geospatial selforganization of society.

Оценка современных вызовов как проблемных ситуаций в развитии той или иной науки и поиск возможных ответов на них применительно к развитию общественной географии (ОГ) обычно ориентированы на потребности общественной практики и соответствие им достижений и прикладных возможностей науки. Для географов-обществоведов это наиболее актуальная и продуктивная сфера – оценка вызовов с позиций продолжающихся противоречивых по своим результатам процессов трансформации территориальной организации общества, запущенных более двадцати лет назад как внутри страны, так и в мире. Менее заметными, чем «внешние», но не менее актуальными и практически значимыми являются вызовы «внутренние», обусловленные ходом развития и современным состоянием самой ОГ как специфической области конкретно-научного познания. Остановимся на определении характера главного внутринаучного вызова, т.е. ключевой научно-познавательной проблемы и возможного ответа, то есть пути её решения, опираясь на представления о структуре научного познания и смене научных парадигм.

Ситуации «вызов-ответ» – естественные явления в развитии наук, формирующие качественно-своеобразные этапы их эволюции, характеризующиеся сменой *конкретно-научных парадигм* развития и организации знания. Каждая из них имеет тематическое и методологическое измерения, обычно взаимосвязанные. *Тематические парадигмы*, являясь конкретно-научной реакцией, ответами на крупные исторические вызовы (Великие географические открытия, промышленный переворот, научно-техническая революция, глобализация и др.), постепенно формировали представления о предметной области ОГ, обозначали новые векторы развития научного знания, преимущественно эмпирического. Однако прогресс науки определяется не только расширением пределов её предметной области, но прежде всего прогрессом и сменой *методологических парадигм*, каждая из которых представляет собой конкретно-историческую систему методологических принципов, лежащих в основе познания явлений той или иной предметной области, её теоретического осмысления и организации полученного знания. Смена методологических парадигм позволяет постоянно уточнять, теоретически углублять сложившееся знание, усиливать его практическую значимость.

В развитии отечественной ОГ смена тематических парадигм, характеризующих процесс расширения предметной области, схематично может быть представлена в следующем виде: страноведческая (в рамках политической географии 18-19 вв.), отраслевая (с конца 19 в., на начальном этапе экономической географии), районная (с 1920-х гг., позднее – региональная), с их последующим дополнением (с 1960-х гг.) парадигмами социологизации, экономизации, политизации, океанизации, гуманизации, экологизации экономической географии, наконец, новомодной «заморской» кластерной парадигмой (в первое десятилетие 21 в.). При этом большинство названных парадигм сосуществуют, модернизируются, оформились в виде отраслей ОГ и вместе составляют «тематический портрет» науки, определяют пределы её предметной области.

В плане эволюции методологических парадигм общественно-географического познания, обеспечивавших познавательными принципами развитие указанных тематических парадигм, обозначим, в порядке заявления о себе и доминирования, следующие: комплексно-описательную географо-детерминистскую, антропогеографическую, статистическую, размещенческую (реализовывавшуюся в советский период преимущественно на базе социально-экономического детерминизма), системно-структурную, территориальной организации общества. Однако последняя парадигма, достигнув наиболее высокой степени обобщения общественно-географического знания, так и не стала «сквозной», единой теоретической концепцией ОГ со специфической системой категорий и законов, адресованных общественно-географическим явлениям не только территориальным, но и развивающимся в иных природных средах – акваториальным, аэроториальным, космоториальным, комплексным геоториальным, также вошедшим благодаря НТР в сферу интересов ОГ. Она стала ведущей парадигмой, но сосуществует наряду с другими в качестве эмпирической теории территориальности. Вот почему характер сегодняшней методологической парадигмы нашей науки может быть обозначен как «методологический плюрализм и эклектизм», представленный пёстрым спектром применяемых исследователями методологических принципов – от модернизированных вариантов географического и социально-экономического детерминизма до, по меткому выражению В.А.Шупера, «бесплодных наваждений постмодер-

низма» [1, с.10], что продуцирует в науке «теоретическую нищету, в которой мы погрязли за последние десятилетия, внеся за всё это время непозволительно скромный вклад в развитие географической теории» [1, с.13].

Таким образом, оценивая характер современного вызова дальнейшему прогрессу ОГ с позиций развития общественно-географического познания, следует признать наличие в нашей науке ситуации *методологического вызова*, о котором в различной форме заявлялось на научных семинарах и конференциях (особенно в 2010 г. в Ростове-на-Дону [2] и в ряде публикаций как географов-обществоведов, так и коллег физико-географов [см., например, 1, 3, 4, 5] .

О таком вызове сигнализирует как противоречивая ситуация с названием науки (фактически их пять, до сих пор не сложился общепризнанный термин), так и отсутствие единой понятийно-терминологической системы, представлений о системе законов, специфическом методе и другие, ранее рассмотренные признаки [3]. Налицо теоретико-методологическая проблема самоидентификации науки, свидетельствующая о незавершённости процесса её теоретизации и подтверждающая *кризис традиционных методологических принципов*, их ограниченную теоретическую продуктивность. Впрочем, о кризисной ситуации в методологии и теории ОГ вопрос ставится регулярно, по крайней мере, с 1970-х гг., особенно на научных мероприятиях по теории географии [см., например, 6]. Вполне возможно, что причины растянувшейся на несколько десятилетий ситуации заключены в молодости нашей науки и её «пограничном» положении с общественными науками, которые длительное время методологически «настойчиво» подпитывали отечественных географов-обществоведов. Впрочем, методологический плюрализм наших зарубежных коллег также не способствовал появлению единой теоретической концепции human geography – западной версии ОГ, которой в большей мере соответствует термин societal geography, который в 1980-е гг. был предложен эстонскими географами-обществоведами У.И. Мересте и С.Я. Ныммик, отстаивавшими необходимость введения термина «общественная география» [7].

Каким же видится выход сегодня? Каков может быть методологический ответ ОГ на вызов времени, та новая методоло-

гическая парадигма, которая позволит преодолеть проблемную научно-познавательную ситуацию?

Очевидно, что необходима методологическая парадигма, способная организовать, субординировать сложившееся общественно-географическое знание в единую, целостную систему, показать его конкретно-научную специфику и таким образом обеспечить самоидентификацию ОГ. Это было непосильной задачей для ранее сложившихся парадигм. Но не менее очевидно и то, что если собственные внутринаучные и общенаучные методологические парадигмы, употреблявшиеся для интерпретации предмета науки, не помогают в решении проблемы ее самоидентификации, то необходимо обратиться вовне, к более высоким, общим уровням гносеологии, то есть пойти по пути междисциплинарной методологической интеграции. В частности, речь идёт о принципах методологии научного познания, основанных на диалектико-материалистическом восприятии объективной реальности.

Познавательные возможности диалектико-материалистической методологии для прогресса теории географической науки и решения проблемы её самоидентификации ещё в конце 1970-х - первой половине 1980-х годов были обозначены отечественным географом и философом Н.К. Мукитановым [5], а в дальнейшем показаны автором настоящей статьи в различных публикациях, связанных с разработкой *деятельностно-геопространственной парадигмы* как методологической основы и теоретической концепции политической географии, общественной географии и географии в целом [см., например, 3, 8, 9, 10].

Именно деятельностно-геопространственная парадигма, точнее – *деятельностно-геопространственный подход*, представляется методологическим инструментом, способным обеспечить объективное восприятие географической реальности, в том числе её общественно-географической составляющей, и их целостное концептуальное теоретическое отображение, что станет продуктивным ответом на обозначенный методологический вызов в развитии ОГ. Концентрированно главные принципы парадигмы можно представить в следующем виде (более подробно она рассмотрена в указанных публикациях автора).

В рамках деятельностно-геопространственного подхода, опирающегося на принципы диалектико-материалистического

метода познания, интегрированы преимущественно «внешние» по отношению к ОГ методологические принципы:

а) философско-гносеологического и логико-методологического (общеметодологического) уровней, обеспечивающие посредством принципа деятельности, синергетического подхода и других инструментов познания, вычленение в объективной реальности специфической предметной области ОГ и инструменты её теоретизации, б) общенаучные подходы (системный, исторический и др.),в)познавательные принципы таких крупных конкретно-научных областей познания как обществоведение и география, позволяющие конкретизировать направления теоретизации**.** Именно их интеграция позволяет ОГ обрести тот новый методологический потенциал, который открывает возможности решения проблемы теоретизации и выработки обобщающей теоретической концепции науки.

Названный подход представляет собой специфически географический метод познания, по сути – качественно новый уровень понимания традиционного географического подхода, опирающийся на принцип деятельности(субъектно-объектное взаимодействие), системный и синергетический подходы, на представления о качественном многообразии (полиструктурности) пространства. Применительно к познанию общественно-географических явлений он предстаёт в форме *общественно-геопространственного подхода,* методологическое ядро которого составляет единство синергетических представлений об *обществе* как о самоорганизующейся посредством разнообразной деятельности системе и *о геопространстве* (земном пространстве) – как специфически географическом явлении, одной из ключевых категорий и, одновременно, методологическом принципе географии. Геопространство – закономерный результат и в то же время необходимое, имманентное условие и среда, «месторазвитие»различных видов общественной деятельности, равно как и природных процессов, придающее им специфические, геопространственные (географические) формы, которые в совокупности составляют уникальный, постоянно меняющийся и практически значимый геопространственный (географический) рисунок земной действительности [подробнее о гепространстве см. 3, 11].

Это тот *специфический метод общественно-географических наук,* который служит основным познаватель-

ным инструментом в разработке общественно-географической научной картины мира и составляющих её частно-научных (отраслевых) картин. Его содержание заключается в восприятии и познании общественно-географических явлений и процессов как специфических результатов *самоорганизации общества в разнокачественных условиях геопространства.*

С позиций деятельностно-геопространственного подхода процесс самоорганизации общества в геопространстве (геопространственной самоорганизации общества) и обретения общественной деятельностью геопространственных форм происходит (реализуется) посредством установления *специфических субъектно-объектных отношений* между постоянно меняющимися характером субъектов-акторов и столь же динамичными условиями, свойствами геопространства. Именно через установление в процессе познавательного движения от конкретного к абстрактному *специфического отношения*, посредством которого объекты предметной области «обнаруживают» себя, научное познание раскрывает их сущность, закономерности возникновения и развития [8, с.82]. В процессе таких отношений осуществляется *взаимоадаптация* субъектов (их свойств, деятельности) и окружающего конкретно-исторического геопространства, в котором они локализованы. В результате формируется сложная система пространственно-временных *геоадаптационных отношений* общественно-геопространственного типа. Они разнокачественны по общественному содержанию, многообразны по геопространственной форме и составляют в совокупности общественно-геопространственную (геообщественную) реальность – *объективную* общественно-географическую картину мира, составляющую предметную область общественной географии. При этом общественно-геопространственное отношение представляется *субстанцией любого общественно-географического явления* и тем *теоретическим основанием,* которое является ключевым инструментом теоретизации науки и разработки общественно-географической *научной* картины мира. Именно общественно-геопространственное отношение служит основанием и инструментом самоидентификации, т.е. установления качественного своеобразия общественной географии как науки. Такой, «отношенческий», методологический подход к определению специфики географических наук отстаивали уже упоминавшиеся

Н.К.Мукитанов [5,с. 159] и эстонские географы-обществоведы: «…Специфический объект специфически географического исследования не вещь, а отношение, не система вещей, а система отношений…» [7, с. 17]. Кстати, расширяя подход, отметим, что наряду с общественно-геопространственными отношениями может быть выделен природно-геопространственный тип геоадаптационных отношений, представляющий интерес для теоретизации системы естественно-географических наук, также как геоадаптационных отношений – для самоидентификации географии в целом [9].

С обозначенных методологических позиций деятельностно-геопространственной парадигмы ОГ предстает как *наука о геопространственной самоорганизации общества*, субстанцией которой являются общественно-геопространственные отношения, реализующиеся в разнообразных по форме общественно-геопространственных (общественно-географических) явлениях – интересах, целях, процессах, системах и др.

С тех же позиций структура ОГ должна отражать качественное разнообразие видов деятельности общества (экономическая, социальная, политическая, духовная), «опосредованных» геопространством, и соответствующую им разнокачественность форм общественно-геопространственных отношений – экономико-геопространственных (геоэкономических),социально-геопространственных (геосоциальных), политико-геопространственных (геополитических), духовно-геопространственных (геодуховных).Они составляют предметы четырех основных функциональных (отраслевых) направлений общественно-географической науки – *экономической географии, социальной географии, политической географии, духовной географии***.** В процессе познания своих специфических предметных областей они, исходя из представления об общественно-геопространственном отношении как теоретическом основании интерпретации предметной области, формируют собственные деятельностно-геопространственные теоретические концепции как компоненты более широкой общественно-географической научной картины мира.

Разработка представлений о системе категорий и законов ОГ как необходимой составной части деятельностно-геопространственной теоретической концепции науки также должна опираться на выделенное теоретическое основание и ключевое понятие науки – *«общественно-геопространственное*

отношение». Этот вопрос требует дальнейшей специальной проработки, опыт которой применительно к политической географии был предпринят автором в рамках разработки деятельностно-геопространственной теоретической концепции этой науки как одного из направлений ОГ [8].

Сформулированные в статье соображения позволяют надеяться на то, что название «общественная география» убедительнее других отражает содержание нашей науки и что следующей методологической парадигмой развития ОГ станет деятельностно-геопространственная.

Литература

1. Шупер В.А. Вступительное слово / Проблемы географической реальности / Сборник докладов под ред. В.А. Шупера. М. 2012.С. 8-13.
2. Теория социально-экономической географии: современное состояние и проблемы развития / Под ред. А.Г.Дружинина, В.Е.Шувалова. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 2010. – С.49-56.
3. Каледин Н.В. Проблема и принципы теоретизации общественной географии / Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / Под ред. А.Г.Дружинина, В.Е.Шувалова. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону. 2010. – С.49-56.
4. Исаченко А.Г. Теория и методология географической науки. М.2004.
5. Мукитанов Н.К. От Страбона до наших дней (Эволюция географических представлений и идей). М., 1985.
6. IIIВсесоюзный симпозиум по теоретическим вопросам географии. Тезисы докладов / Под ред. В.М.Гохмана. Киев, 1977.
7. Мересте У.И., Ныммик С.Я. Современная география: вопросы теории. М. 1984.
8. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб.1996.
9. Каледин Н.В. Деятельностно-геопространственная парадигма географии / География в системе наук о Земле: современные проблемы науки и образования. Материалы международной конференции, посвящённой 165-летию Русского географического общества и 85-летию организации географического факультета в Санкт-Петербургском (Ленинградском) госуниверситете / Под ред. Т.А.Алиева, В.В.Дмитриева, Н.В.Каледина, К.В.Чистякова. СПб. 2011, С. 39-45.
10. Каледин Н.В. Методологические проблемы теоретизации в географии / Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XI международной научно-практической конференции, 26-27 июня 2012 г. М.2012. С. 351-356.
11. Каледин Н.В. Геопространство: новые возможности теоретизации в географии / Социально-экономическая география -2010: теория и практика: материалы международной научной конференции «Социально-экономическая география: фундаментальные и прикладные исследования» / под ред. А.Г.Дружинина, Г.М.Фёдорова, В.Е.Шувалова. – Калининград. 2011. С. 23-29.

УДК 911.8

С. Н. Канищев, В. В. Фесенко

РЕКРЕАЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ КАК ОТРАСЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ

A RECREATIONAL NATURE MANAGEMENT AS AN INDUSTRY OF SOCIAL-ECOLOGICAL AREA OF SOCIAL-ECONOMIC GEOGRAPHY

Рассмотрено рекреационное природопользование в контексте «единой» географии. Показана теоретическая и практическая значимость рекреационного планирования, проектирования и эксплуатации природных комплексов. Предложена отраслевая направленность рекреационного природопользования в структуре социально-экономической географии для решения проблем регионального развития.

The recreational nature management is explored in the aspect of complete «united» geography. The theoretical and practical value of recreational planning, projection and exploitation of natural complex is demonstrated. An industry orientation of recreational nature management in the structure of the social-economic geography for solving problems of the regional development is proposed.

Ключевые слова: нерасчлененная география; природная среда; рекреационное природопользование; антропогенная нагрузка; концепция рекреационного природопользования.

Keywords: unseperate geography, natural sphere, recreational nature management, anthropogenic load, conception of recreational nature management.

На протяжении всей истории, за небольшими исключениями, вузовская география была той свежей струей, которая питала и двигала вперед теорию географической науки. Ведущими идеями были и остаются идея единой (нерасчлененной) географии и идея географического комплекса [1]. По мнению Ф.Н. Милькова, география, синонимами которой являются полная, нерасчлененная или единая география, охватывает все три блока географической оболочки – природа, население, хозяйство, и, следовательно, все члены семейства географической науки объединены одним и тем же объектом исследования – земная поверхность, но разными предметами изучения. Географические идеи так же развивают

экология, геоэкология, экономика природопользования и региональная экономика, изучая состояние, развитие и функционирование территориальных природных и общественных систем, сохраняя цель географических исследований: «…отыскание связей и закономерностей, какие существуют между распространением отдельных, интересующих географа вещей, – исследование, как влияют одни группы предметов и явлений на другие и какие получаются от этого в пространстве результаты» (Л.С. Берг, 1958).

Анализируя развитие вузовской географии, Ф.Н. Мильков показал не только этапы развития географии в вузах, но и эволюцию идей «единства географических наук» - физической и экономической географии, которая прослеживается в трудах В.А. Анучина (1960), С.Н. Рязанцева (1960), Ю.Г. Саушкина (1970), К.К. Маркова (1978) и др.

Динамичное развитие географической науки в вузах в период с 50-х до начала 90-х годов прошлого столетия совпало по времени с бурным развитием народного хозяйства и научно-технической революцией. В это время открываются новые кафедры и проблемные лаборатории, усиливается специализация подготовки кадров. На перспективы развития вузовской географии в ближайшие десятилетия (по Ф.Н. Милькову) будет оказывать решающее значение такой объективный фактор как запросы практики [1].

К запросам практики в последние годы можно отнести возрастающее внимание к природным ресурсам с точки зрения использования их в рекреационных целях. Непрерывный процесс вовлечения все большего числа людей в рекреационную деятельность ведет к постоянному расширению территорий, охваченных в той или иной степени рекреацией.

Рекреационное природопользование оказывает позитивное социальное воздействие на людей, но при этом характеризуется негативными геоэкологическими последствиями для природных комплексов.

Все рекреационные ресурсы имеют определенные запасы, поэтому можно говорить об их исчерпаемости, определяемой порогом нагрузки на природную территорию, выше которого ресурсы либо существенно меняются в сторону меньшей привлекательности, либо деградируют. Чрезмерная эксплуатация рекреационных ресурсов зачастую приводит к их полному уничтожению [2].

«Туристический бум» является одной из характерных черт XXI века. Неуклонный рост количества туристов вызывает все возрастающее давление на природную среду. В настоящее время в связи с развитием процессов деградации природной среды перед рекреационным природопользованием остро стоит задача разработки и внедрения методов эффективного управления природно-ресурсным потенциалом, что позволит гибко манипулировать уровнем рекреационной нагрузки на геосистемы, сохраняя способность территорий к самовосстановлению и саморегуляции.

В целях предотвращения деградации природных объектов и сохранения комфортных условий рекреационной деятельности существует необходимость оптимизации рекреационных нагрузок на природные комплексы. В связи с этим возникает потребность обоснования предельно допустимой нагрузки на природные комплексы (не превышающей пределов их естественных восстановительных способностей) путем установления нормативов возможного рекреационного воздействия [3].

Таким образом, массовая рекреация ставит вопрос практической и научной увязки охраны природы с принципом общедоступности ценных природных комплексов. В научном плане, в первую очередь, необходимо обосновать и раскрыть рекреационную емкость природных комплексов. В практическом плане – в основе рекреационного планирования, проектирования и эксплуатации природных комплексов должны лежать научно обоснованные нормы нагрузок на природную среду.

Научно обоснованные рекомендации допустимой антропогенной нагрузки на природные комплексы водно-болотных угодий Нижней Волги при рекреационном использовании могут выступить инструментом, регулирующим рекреационное природопользование, способным обеспечить устойчивое развитие региона [4].

Нормирование рекреационных нагрузок на природные ландшафты, как необходимое условие для планирования и развития туризма в регионах, рассмотрим на примере Астраханской области, так как эта сфера экономики очень важна для развития Нижней Волги. В Астраханской области туризм – важнейший поставщик налогов. Регион в целом является полюсом притяжения для туристов, в первую очередь – рыболовов-любителей. И можно говорить о дальнейшем увеличении потока въездных туристов. Нижняя Волга – трансграничный регион, восточнее Волги проходит государственная граница с Республикой Казахстан (пересека-

ет восточную часть дельты). Приграничное положение территории само по себе увеличивает её привлекательность для туристов [5], особенно принимая во внимание тот факт, что пересечение границы для граждан России и Казахстана не представляет существенных трудностей. Государственная граница России и Казахстана – самая протяженная сухопутная граница в мире (7599 км) и важное связующее звено между двумя частями света – Европой и Азией. С российской стороны границы проживает 1 млн. казахов, с казахстанской – 4 млн. русских [6]. Все это создает базу для устойчивых миграционных потоков и развития международного туризма, в частности. Поэтому в контексте развития туристической отрасли мы должны говорить об устойчивости развития этой сферы, а данная устойчивость возможна только при сохранении и увеличении рекреационной привлекательности региона. Это, в свою очередь, реализуемо только лишь при разработке концептуальных основ сохранения ресурсной базы экологического туризма.

Проблеме разработки норм рекреационной нагрузки и внедрения их в практическую деятельность посвящён ряд научных работ, результаты которых могут способствовать разработке концепции регионального ландшафтно-рекреационного анализа. Но крупных, обобщающих работ, с обоснованной концепцией рекреационного природопользования в различных ландшафтно-географических зонах, пока нет. Так же отсутствуют нормативные документы, регламентирующие рекреационные нагрузки на зональные и азональные ландшафты.

В сложившихся условиях необходим анализ пространственно-временной дифференциации рекреационных ресурсов, рекреационного потенциала и пространственно-временных закономерностей размещения рекреантов, особенностей их взаимодействия с окружающей природной средой. Подходы к рекреационной оценке территории включают взаимосвязанное изучение основных аспектов территориальной организации отдыха и предусматривают комплексный анализ этих аспектов.

Таким образом, разработка теоретических основ нерасчлененной географии (консолидация физической и экономической географии), направленных на создание комплексных планов оптимизации природной среды при рекреационном природопользовании является, на наш взгляд, одной из актуальных задач со-

временной географической науки объединяющей три блока: природа – население - хозяйство.

Рекреационное природопользование как отрасль социально-экологического направления развития социально-экономической географии в состоянии выполнить социальный заказ и обеспечить устойчивое рекреационное развитие регионов, а также дать ответы на пять основных вопросов: что, где, когда, в каком состоянии, в каких взаимосвязях?

Литература

1. Мильков Ф.Н. Вузовская география: периоды ее развития и характерные черты как функциональной науки. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. – 304 с.

2. Розенберг Г.С. Волжский бассейн: на пути к устойчивому развитию. Тольятти: ИЭВБ РАН; Кассандра, 2009. – с. 283-291.

3. Бармин А.Н., Комаров А.И. Особенности рекреационного природопользования в северо-восточной части Волго-Ахтубинской поймы // Туризм и рекреация: инновации и ГИС-технологии. – Астрахань, 2011. – С. 69-73.

4. Канищев С.Н. [и др.]. Рекреационное природопользлвание на территории Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги: метод, рекомендации по нормированию рекреационных нагрузок и оценке состояния природных комплексов – Волгоград : ООО «Царицинская полиграфическая компания», 2012. – 120 с.

5. Евстропьева О.В. Трансграничный туризм в сопредельных регионах России и Монголии. – Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2009. – 143 с.

6. Чибилев А.А., Руднева О.С., Соколов А.А. Интеграционные процессы в Российско-казахстанском приграничье // Инновационные и интегральные процессы в регионах и странах СНГ. – М.: Медиа-ПРЕСС, 2011. - С. 108-121.

УДК 911

А. А. Козырев, А. А. Филобок

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS EVALUATION OF QUALITY OF LIFE IN THE ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY

Исследование посвящено теоретическим и методологическим проблемам оценки качества жизни. Выявлены основные модели и критерии, которые используются для оценки и характеристики качества жизни.

Research are devot to theoretical and methodological problems of an estimation of quality of life. The basic models and criteria who was us for an estimation and the characteristic of quality of life was reveal.

Ключевые слова: оценка качества жизни, объективная модель, субъективная модель, население, процесс.

Keywords: estimation of quality of life, objective model, subjective model, population, process.

Качество жизни населения, представляющее собой многокомпонентную систему, включая в себя как объективную, так и субъективную составляющие. Для его измерения используются различные индикаторы. Являясь важным объектом социально-географических исследований, до настоящего времени не существует исчерпывающего определения качества жизни, не определены четкие границы сферы его применения, отсутствует единый перечень индикаторов, которые необходимы для исследования и измерения качества жизни.

Понятие качество жизни – историческая категория, изменяющаяся в процессе эволюции социума. Оно отражает степень комфортности различных сфер жизнедеятельности человека в определенный исторический период [1]. Изучение качества жизни осуществляется на основе двух концептуальных моделей: объективной (блок официальных статистических данных) и субъективной (мнение людей на собственную жизнь), использующей социологический опрос.

Для получения объективной модели используются следующие показатели:

- индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанный «Программой развития» ООН;
- социально-экономические показатели уровня жизни населения Госкомстата РФ;
- показатели уровня жизни и потребительского бюджета Всероссийского центра уровня жизни (ВЦУЖ) при Минтруде РФ;
- показатели здоровья населения Минздравсоцразвития РФ;
- мониторинг общественного мнения ВЦИОМ;
- региональная система оценки, разработанная Ярославским отделением Академии проблем качества РФ;
- методика многоуровневой оценки, разработанная во Всесоюзном научно-исследовательском институте технической эсте-

тики (ВНИИ ТЭ) с участием специалистов других научных учреждений по заданию Минпромнауки РФ;

- межстрановая оценка, изучаемая сотрудниками Центрального экономико-математического института Российской академии наук [2, 3].

Безусловно, комплекс этих показателей для оценки качества жизни населения России представляет важную информацию, но они не всегда бывают согласованы между собой и не отражают всех сторон качества жизни.

Субъективная модель очень сложна, так как должна включать исследования «ощущаемого» качества жизни (положительные и отрицательные жизненные события, беспокойство, удовлетворенность жизнью, счастье и многое другое) [4].

В каком бы направлении ни велось исследование проблем, связанных с качеством жизни, по существу эта категория формируется не только по объективно действующим законам. Она зависит и от мнения человека о своей собственной жизни. Исследования в области качества жизни при проведении их в различных странах и регионах представляют определенный источник для выводов о значении как комплекса, так и отдельных показателей качества жизни и особенно окружающей среды.

Оценки качества жизни сложны не только из-за многомерности этого понятия. Для разных групп населения представления о качестве жизни различны, и они выявляются через субъективные оценки. В западных исследованиях сочетаются объективные (статистические) и субъективные измерения, основанные на регулярных массовых опросах населения или оценках экспертов. Такие компоненты как социальные связи, семейные ценности, политическая и социальная стабильность могут оцениваться только субъективно, так как объективных критериев не существует [5].

Государственная работа по определению и реализации заданного качества жизни ведется через законодательное введение стандартов (индексов) качества жизни, которые обычно включают три блока комплексных индикаторов.

Первый блок индикаторов качества жизни характеризует здоровье населения и демографическое благополучие, которые оцениваются по уровням рождаемости, продолжительности жизни, естественного воспроизводства. Второй блок отражает удовлетворенность населения индивидуальными условиями жизни (достаток, жилища, питание, работа и др.), а также положением

дел в государстве (справедливость власти, доступность образования и здравоохранения, безопасность существования, экологическое благополучие). Для их оценки используются социологические опросы представительных выборок. Объективным индикатором крайней неудовлетворенности служит уровень самоубийств. Третий блок индикаторов оценивает духовное состояние общества. Уровень духовности определяется по характеру, спектру и числу творческих инициатив, инновационных проектов, а также по частоте нарушений общечеловеческих нравственных заповедей: «не убий», «не укради», «почитай отца и мать своих», «не сотвори себе кумира» и др.

В строгих научных исследованиях качества жизни необходимо учитывать сложность взаимосвязей объективных и субъективных показателей. Качество жизни отдельного человека (популяции, общества) следует рассматривать в единстве объективных и субъективных показателей, которые, с одной стороны, характеризуют соответствие условий, средств, процессов и результатов его жизнедеятельности природно-заданным и социально обусловленным ценностям и потребностям, а с другой – состояние удовлетворенности человека собой, своей жизнью, степенью реализации своего потенциала в различных сферах жизнедеятельности (семейной, трудовой, общественной и др.), социальными отношениями и окружающей средой [6].

Исторически измерение КЖ проводилось двумя способами: измерением объективных условий жизни и исследованием субъективных оценок жизни. Указанное определило формирование двух концептуальных моделей оценки КЖ: объективной и субъективной. Система показателей, претендующая на роль оценки удовлетворения потребностей человека, помимо оценок экспертов и статистических показателей социально-экономического развития, должна включать и оценки самим индивидуумом своего положения.

Качество жизни – совокупность показателей общего благосостояния людей, характеризующих уровень материального потребления (уровень жизни), а также потребление непосредственно не оплачиваемых благ. Главным критерием качества жизни является самооценка удовлетворенности определенными сторонами жизни, но при субъективной оценке качества жизни потребности и интересы конкретных людей индивидуальны и отражаются в их ощущениях, личных мнениях; эти субъективные

оценки не всегда могут совпадать с результатами объективных измерений и расчетов.

Литература

1. Зубаревич Н. В. Социальное развитие регионов России: проблемы и тенденции переходного периода / Н. В. Зубаревич. - М. : Едиториал УРСС, 2003. - 264 с.

2. Доклад О развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. – М. : Весь мир, 2003. – 135 с. ; 2004. – 160 с.

3. Российская Социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. – М. : Норма-ИНФРА, 1998. – 672 с.

4. Кривоносова, Л. А. Управление качеством жизни населения / Л. А. Кривоносова ; Дальневост. акад. гос. службы. Хабаровск : Изд-во ДВАГС, 2005. – 247 с.

5. Жалнина, А.В. Экономический анализ качества жизни : монография / А.В.Жалнина, Б.И. Герасимов ; под науч. ред. д-ра экон. наук, проф. Б.И.Герасимова. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. – 144с.

6. Качество жизни [Электрон. ресурс] / Ю.В. Крупнов. - Режим доступа: http://www.kroupnov.ru/5/178_1.shtml

УДК 303.4.02

А. Н. Колонистова

ОСНОВЫ КОМПЛЕКСНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТУРИСТСКОЙ СИСТЕМЫ РЕГИОНА РОССИИ

FUNDAMENTALS OF COMPLEX SOCIO-ECONOMIC AND GEOGRAPHICAL STIDY OF THE REGION TOURIST SYSTEM OF RUSSIA

Охарактеризованы методы изучения туристской системы региона, показана их актуальность и специфика применения при комплексных социально-экономико-географических исследованиях.

The article describes the research methods to study the tourist system of region. It shows the actuality and specificity of the methods use in complex socio-economic and geographical studies.

Ключевые слова: методы исследования, типология, классификация, ретроспективный анализ, статистический метод.

Keywords: research methods, typology, classification, retrospective analysis, a statistical method.

Туристические потоки формируются под влиянием различных факторов. Отсюда возникает необходимость системного подхода в изучении въездного и выездного туризма региона; он должен осуществляться методами и подходами географической, экономической и социальной наук. Из методов, применяемых в географии, для нас наиболее важными являются: метод классификации и типологии, картографический, статистический.

Метод классификации и типологизации применялся на различных этапах формирования науки для выделения типов и видов туризма, рекреационных ресурсов и туристов. Классификация – это группировка изучаемых объектов по совокупности (классам), различающимся между собой преимущественно количественными признаками, а наблюдаемое при этом качественное различие между соседними классами отражает, как правило, динамику развития объектов или их иерархический порядок [1]. Для изучения въездного и выездного туризма метод классификации факторов играет важную роль, так как туристические потоки, их интенсивность, направленность напрямую зависят от качественных показателей.

Проблема типологии изучаемых объектов и явлений возникает при решении многих научных задач, в том числе и в туризме. Этот метод необходимо в дальнейшем использовать для типологии субъектов Российской Федерации.

Задачи развития туризма и комплексного социально-экономико-географического изучения регионов требует существенного информационного обеспечения. Для изучения особенностей туристической сферы региона картографический метод необходим при генерализации данных о туристско-рекреационных объектах, при изучении и оценке туристической нагрузки, отображении туристических потоков, объектов. Развитие ГИС-технологий позволяет создавать картографические материалы различной информационной нагрузки и специфики. Вся сложность в том, что на данном этапе развития исследований в сфере туризма возникает проблема группировки факторов, объектов, данных. Это связано с большим количеством составляющих показателей и характеристик, которые не всегда можно выразить количественными показателями, например, аттрактивность территории, психологические и мотивационные особенности туристов. Картографический метод должен сочетаться с другими методами и подходами. За-

дачами туристического картографирования (по М. Рутиньскому и А. Стецюк) [2] можно считать:

освещение закономерностей и форм территориального распространения природных и историко-культурных рекреационных ресурсов, характера туристического освоения территории и материально-технической базы туризма;

оценку современного состояния уровня использования рекреационно-туристических ресурсов, уровня туристического освоения и рекреационной нагрузки на территорию;

моделирование оптимальных вариантов развития и совершенствования территориальной организации сферы туризма на основе анализа комплекса природных и социально-экономических факторов.

Метод статистического анализа не является исконно географическим, но давно стал необходим при изучении динамики развития туризма. Для оценки сферы туризма в регионе необходим анализ таких данных как: количество туристов за несколько лет, туристических фирм, количество реализуемых путевок, уровень жизни населения, доходы населения и т.д. Данные дают необходимую информационную базу для оценки степени развития региона в плане туристско-рекреационной сферы и динамики развития; очень важен данный метод для проведения анализа и прогнозной оценки на будущее. В настоящее время статистический метод востребован в сфере прогнозирования туристических систем. Отсюда – появление такого отдельного научного направления как статистика туризма. Основные задачи и вопросы, которые можно решить с помощью этого метода, звучат следующим образом: 1) обобщение и прогнозирование тенденций развития туризма как отдельной сферы хозяйства; 2) разработка и внедрение современных методов исследования экономических и социальных процессов, происходящих в области туризма; 3) определение и выявление имеющихся резервов эффективности в сфере туризма; 4) своевременное получение достоверной информации для принятия решений и дальнейшего прогнозирования; 5) изучение уровня и структуры массовых социально-экономических явлений в туризме; 6) рассмотрение взаимосвязи массовых социально-экономических явлений и процессов; 7) анализ динамики массовых социально-экономических явлений в туризме [3].

Любые данные конкретного периода могут быть оценены положительно или отрицательно только на основе их сравнения с

аналогичными данными предшествующих периодов. Для этого используется ретроспективный анализ [4]. Целями данного метода являются: а) определение тенденций (анализ работы различных сфер и организаций, входящих в сферу туризма за различные периоды времени), б) диагностика проблем (что повлияло на работу различных элементов, входящих в туристско-рекреационную систему региона), в) факторный анализ (какие факторы в наибольшей степени влияют на эффективность работы системы).

Так как факторов, влияющих на поведение потребителя туристских услуг, много и не все можно представить в численном виде, то ретроспективный метод позволит экспертно оценить перспективы и динамику развития региона в сфере туризма. Необходимо крайне внимательно разработать критерии оценок и факторов. Особенно это касается: 1) культурных и общественно-психологических факторов; 2) личностно-поведенческих факторов. Этот метод также необходим для построения прогнозов.

В социологических методах наиболее значим метод социологического опроса или анкетирования [5]. Особенностью данного метода является непосредственное изучение личностных предпочтений каждого туриста. Генерализация получаемых данных позволяет более точно проанализировать осведомленность туристов в определенных вопросах. Например, очень трудно проанализировать степень осведомленности потенциальных туристов о рекреационных и туристических ресурсах изучаемого региона. Правда, в последнее время появляется такой новый метод как анализ интернет-ресурсов, но этот метод, к сожалению, не охватывает все слои населения и социальные группы. Недостатком анкетирования или социального опроса является то, что анкета не может охватить все желаемые и необходимые вопросы, и показатели для полноценного исследования. Для достижения наилучшего результата анкета должна включать в себя вопросы легкие для понимания, краткие ответы и небольшое количество вопросов.

Специфика выявления пространственных закономерностей формирования, функционирования туристских потоков обусловила, по мнению Нечаевой А.В., применение пространственно-временного и исторического подходов. Пространственно-временной подход необходим в исследованиях, где следует изучать данные за определенные временные периоды [6]. Этот метод вобрал в себя и математический, статистический и ретро-

спективный методы. Все эти методы возможно применять только в совокупности друг с другом; и только при этом условии возможно построить точную пространственно-временную систему туристических потоков в регионе.

Среди методов, заимствованных из других отраслей науки, в частности, экономической, существует SWOT-анализ [2].

Туристические потоки формируются под действием многих факторов; их учёт предполагает необходимость проведения комплексных социально-экономико-географических исследований.

Литература

1. География туризма: учебник / под. ред. Александровой А.Ю.- М.: КНОРУС, 2008.- 592 с.

2. vokrug-sveta.com.ua/metody-issledovaniya

3. Статистика туризма: учебник / Т.Е. Карманова, О.В. Каурова, А.Н. Малолетко. – 2-е изд.- М.: КНОРУС, 2012.- 208 с.

4. dic.academic.ru/dic.nfs/bussines/782

5. hr.prolan.ru/analysis/index.html

6. Нечаева А.В. Пространственная дифференциация выездного туризма КНР/ А.В.Нечаева, - кандид. диссертация. Санкт-Петербург, 2009.

УДК 911.3(571.621)

Т. М. Комарова

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РЕГИОНА: ОТ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОГО К ЛОКАЛЬНОМУ УРОВНЮ

SOCIO-DEMOGRAFHIC SECURITY OF THE REGION: FROM MACROREGIONAL TO LOCAL LEVEL

Социально-демографическая безопасность рассмотрена на трех территориальных уровнях: макро-, мезо- и локальном; выявлены основные факторы, влияющие на ее состояние.

This paper presents social-demography safety on different space levels: macro, mezzo- and local. We consider main factors which influence on its state.

Ключевые слова: социально-демографическая безопасность, регион

Keywords: social-demography safety, region

Социальная безопасность представляет собой совокупность взаимосвязанных систем и сама входит в системы более высокого порядка. Различают внешнюю и внутреннюю безопасность, которые, в свою очередь, имеют подсистемы «вертикального расположения» [1]. Одной из таких горизонтальных подсистем является социально-демографическая безопасность. Считается, что сокращение населения, его демографическое старение затрудняют решение экономических, социальных, геополитических и прочих задач и потому создают угрозы для национальной безопасности в целом [2]. В последние годы общественная география все чаще сталкивается с изучением междисциплинарных проблем. Одна из таких – региональная безопасность. Социальные угрозы на уровне отдельных государств, их регионов, а также на локальном уровне весьма разнообразны и имеют свою специфику, но наиболее общими и самыми болезненными являются угрозы со стороны негативных демографических тенденций. Изучение эволюционных процессов с социально-географической точки зрения позволяет понять формирование населения на определенной территории и увидеть факторы, которые в дальнейшем окажут существенное влияние на эти процессы. С точки зрения социальной географии, рассмотрение внешней социальной безопасности должно рассматриваться на следующих территориальных уровнях: глобальном, региональном и локальном. С точки зрения внутренней социальной безопасности можно рассматривать федеральный, региональный и муниципальный уровень.

Под социально-демографической безопасностью региона понимается такое состояние, при котором обеспечивается стабильность и устойчивость процессов воспроизводства населения и сокращение миграционного оттока населения [3].

Исследование социальной безопасности в настоящее время достаточно доступно на межгосударственном и региональном уровнях. На уровне же муниципальных образований государственная статистика не представляет информацию по полному перечню всех частных показателей социальной безопасности, а именно: экономической активности населения, ожидаемой средней продолжительности жизни при рождении, численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и т.п. Таким образом, муниципальная статистика, в отличие от региональной, пока не позволяет обеспечить соот-

ветствующее исследование социальной безопасности в разрезе муниципалитетов.

Для исследования социально-демографической безопасности, как составной части социальной безопасности, на первоначальном этапе необходимо выявить основные индикаторы, которые имеют наибольшее воздействие на всю социальную систему и от них, в целом, зависит ее устойчивость. Поэтому, для расчета социально-демографической безопасности как для уровня макрорегиона, так и для локального уровня были использованы следующие доступные показатели: коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста населения, коэффициент миграции, коэффициент младенческой смертности, доля населения в возрасте до 15 лет и доля населения старше 65 лет, ожидаемая продолжительность жизни (за исключением локального уровня). Затем был рассчитан обобщающий интегральный индикатор социально-демографической безопасности. Ввиду отсутствия общепринятого обобщающего индикатора демографической безопасности, выраженного в определенных единицах измерения, предпочтительной его заменой некоторые исследователи предлагают использовать многомерную среднюю арифметическую, рассчитанную адаптивным методом В.М. Рябцева [4]. Выбор данного вида средней обусловлен тем, что исследуемые показатели по своей природе аддитивны, так как до проведения процедуры нормирования они имели абсолютные значения.

$$Y=(X - X_{min}) / (X_{max} - X_{min})$$

Y – уровень безопасности,

X – показатель n-региона,

X_{min} – максимальный показатель уровня безопасности,

X_{max} – минимальный показатель уровня безопасности.

При мониторинге рейтинга регионов предпочтителен интервальный анализ, который позволяет более четко классифицировать его изменения.

В нашем исследовании мы рассчитывали социально-демографическую безопасность за 2005-2010 гг. для стран Восточной Азии на макроуровне, для Дальневосточного федерального округа – на мезоуровне, для отдельных муниципальных районов Еврейской автономной области – на локальном уровне.

Таблица 1. Классификация уровней безопасности [5]

Интервалы величин агрегированного показателя безопасности	Характеристика градаций
Менее 0,3	Социальный кризис (К)
0,31-0,5	Социальная напряженность (Н)
0,51-07	Социальная стабильность (С)
0,71- 1	Социальное благополучие (Б)

Анализ полученных результатов показал, что социально-демографическая ситуация в целом в макрорегионе может быть охарактеризована как переходная от социальной напряженности к социальной стабильности (табл.2). Здесь можно выделить три группы стран:

1) страны со снижающейся социально-демографической безопасностью (Россия, Северная Корея, Япония) – переход от социальной стабильности к социальной напряженности;

2) страны с относительно стабильной социально-демографической безопасностью (Китай, Южная Корея, Тайвань);

3) страны с относительно устойчивым состоянием, в перспективе с возможным переходом на новый уровень социально-демографической безопасности (Монголия).

Таблица 2. Интегральный индекс социально-демографической безопасности стран Восточной Азии и России

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Россия	0,44	0,4	0,43	0,43	0,42	0,42
Китай	0,54	0,54	0,56	0,56	0,55	0,54
Северная Корея	0,57	0,59	0,62	0,6	0,48	0,45
Южная Корея	0,6	0,57	0,69	0,59	0,58	0,56
Япония	0,59	0,46	0,46	0,45	0.45	0,43
Монголия	0,65	0,63	0,64	0,63	0,65	0,64
Тайвань	0,58	0.56	0.58	0.57	0.56	0,54

Одним из самых неблагоприятных факторов для большинства стран Восточной Азии является низкая рождаемость. Несмотря на принимаемые меры демографической политики, она остается еще на кризисном уровне. Для стран первой группы помимо

низкой рождаемости можно в качестве негативных факторов отметить высокую смертность населения, высокую долю населения старше 65 лет. При этом в основе данных негативных факторов лежат разные причины. Если в Японии рост смертности населения очень медленный и связан с высокой долей лиц старше 65 лет и высокой продолжительностью жизни, то в России продолжительность жизни, особенно мужского населения, одна из самых низких в регионе, что в целом сказывается и на смертности населения. Одним из выходов России из демографического кризиса может быть снижение смертности населения, при этом необходимо отметить, что естественная убыль населения не прекратилась бы, а лишь замедлилась.

Социально-демографическая безопасность отдельных субъектов в Дальневосточном федеральном округе на фоне макрорегиональных показателей в 2010 г. выглядит более однородно (табл.3).

Таблица 3. Интегральный индекс социально-демографической безопасности Дальневосточного федерального округа

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.
Республика Саха (Якутия)	0,54	0,61	0,58	0,54	0,56	0,6
Камчатский край	0,4	0,47	0,46	0,43	0,34	0,41
Приморский край	0,29	0,38	0,34	0,3	0,33	0,35
Хабаровский край	0,31	0,38	0,35	0,31	0,35	0,38
Амурская область	0,3	0,34	0,33	0,29	0,32	0,33
Магаданская область	0,38	0,42	0,36	0,36	0,36	0,4
Сахалинская область	0,33	0.39	0.39	0.36	0.38	0,39
ЕАО	0,31	0,37	0,25	0,32	0,28	0,37
ЧАО	0,41	0.46	0,42	0,47	0,4	0,35

Если в 2005 году доля населения, проживающего в субъектах РФ, относящихся к кризисному уровню, составляла 44,3%, относящихся к уровню социальной стабильности – 14,7%, к уровню социальной напряженности – 41%, то в 2010 году доля населения, проживающего в субъектах, относящихся к уровню со-

циальной стабильности, составила 15,2%, при увеличении доли населения, проживающего в зоне социальной напряженности – 84,8%.

В целом, среди субъектов РФ в ДФО можно выделить две группы:

1) субъекты, относящиеся к зоне социальной напряженности с дальнейшим ее усугублением (Приморский, Камчатский и Хабаровский края, Амурская, Магаданская и Еврейская автономная области, Чукотский АО);

2) субъекты, относящиеся к переходной зоне от социальной напряженности к социальной стабильности, с медленным ростом социально-демографической безопасности (Республика Саха).

Среди основных факторов, усугубляющих социально-демографическую безопасность, можно отметить низкую рождаемость, дальнейший миграционный отток, высокую смертность населения, низкую продолжительность жизни.

Таблица 4. Доля населения ДФО, проживающего в регионах с разной градацией социально-демографической безопасности

	2005 г.	2010 г.
Социальный кризис	44,3%	0
Социальная напряженность	41%	84,8%
Социальная стабильность	14,7%	15,2%
Социальное благополучие	0	0

Кривая рождаемости на территории Дальневосточного федерального округа за рассматриваемый период соответствует общероссийским тенденциям. До 2000 года отмечался спад рождаемости, при этом, если в среднем по России она сократилась на 35%, по Дальневосточному региону – на 37%. С 2001 года коэффициент рождаемости стал медленно расти; эта тенденция была характерна для всех регионов страны. Причины роста рождаемости, как отмечают некоторые исследователи [6], во многом носят компенсационный характер (исходя из анализа рождаемости в разных возрастных группах). Для формирования данного феномена к этому периоду времени в стране сложились минимально необходимые предпосылки, связанные с политической стабилизацией в стране и начавшимся экономическим ростом. О компенсаторной природе подъема рождаемости свидетельствуют

темпы роста рождаемости в средних и старших возрастных группах. Число рождений в возрасте 20-24 лет уменьшилось на 23%, в возрасте 25-29 лет увеличилось на 27%, в 30-34 увеличилось на 70% и в 35-39 увеличилось на 50%. Необходимо отметить, что компенсационный подъем не может быть доминирующим у основной массы населения и временная его продолжительность незначительна.

Рост смертности населения, характерный для всех регионов страны, при этом, был достаточно территориально ассиметричным. Если в большинстве европейских регионов России пик смертности пришелся на 2003 год, то для азиатских регионов он пришелся на 2005 год. При этом, если в среднем по стране коэффициент смертности вырос на 46,5% с последующим снижением на 11%, то для дальневосточных регионов его рост составил 89% с последующим снижением к 2010 году на 11%.

Социально-демографическую безопасность на локальном уровне мы рассмотрим на примере муниципальных образований Еврейской автономной области. Анализ динамики показал, что муниципальные образования имеют относительно неустойчивое состояние, с углублением кризисных явлений в отдельные годы.

Таблица 5. Интегральный индекс социально-демографической безопасности муниципальных образований (районов) Еврейской автономной области

	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2010 г.
Биробиджан	0,28	0,38	0,36	0,26	0,37
Биробиджанский	0,47	0,56	0,39	0,57	0,34
Ленинский район	0,34	0,4	0,5	0,35	0,45
Смидовичский	0,38	0,36	0,3	0,34	0,23
Октябрьский	0,47	0,49	0,35	0,54	0,31
Облученский	0,17	0,38	0,33	0,24	0,29

Здесь можно выделить две группы:

1) Муниципальные районы, относящиеся к зоне социальной напряженности:

- с относительно неустойчивым состоянием социально-демографической безопасности (г. Биробиджан, Ленинский и Биробиджанский районы);
- со снижающимся показателем социально-демографической безопасности (Октябрьский район).

2) Муниципальные районы, относящиеся к зоне социального кризиса с нестабильной ситуацией (Облученский и Смидовичский).

К 2010 году, несмотря на предпринимаемые меры по оздоровлению демографической ситуации, доля населения, проживающего в зоне социальной напряженности, выросла с 40,9% до 67,7%, при сокращении доли населения, проживающего в зоне кризиса. Основными факторами являются относительно низкая рождаемость, высокая смертность населения, рост доли населения старше 65 лет. Современная демографическая ситуация в ЕАО обусловлена целым комплексом взаимодополняющих факторов: экономических, транспортных, демографических, которые на микроуровне могут приводить к более глубоким изменениям как самого населенного пункта, так и всей системы расселения региона. Уменьшение численности населения в сельских приграничных районах, все большая концентрация его в областном центре, активная миграция за пределы области создают угрозу безопасности как на уровне области, так и в более крупном масштабе.

Таким образом, можно сделать вывод, что при переходе от макрорегионального к локальному уровню социально-демографическая безопасность имеет более выраженные черты социальной напряженности и более четко выявляются наиболее депрессивные территории и факторы, влияющие на социально-демографическую безопасность.

Литература

1. Рудаков А.В., Стрельченко В.В. Проблемы внешней и внутренней безопасности. – М.: Изд-во РАГС, 2005ю – 220 с.

2. Амосов И.Н. Показатели демографического кризиса в контексте национальной безопасности Российской Федерации //Вестник Военного университета. 2009. № 4(20). – с. 36-42.

3. Социально-демографическая безопасность России /Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина.- Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008. – 864 с.

4. Рябцев В.М. Конкурентоспособность российских регионов: методология оценки и сравнительного анализа. – Самара: изд-во СГЭА, 2002. – 128 с.

5. Фомичева Т.А. Методологический аспект статистической оценки и межрегиональной дифференциации социальной безопасности //Вестник Самарского государственного экономического университета, 2009. № 10 (60). С. 101-107.

6. Захарова О., Иванова А., Рыбаковский Л. Национальная безопасность и демографический рост. – М., 2004.

УДК 910.1

П. М. Крылов

РАЗВИТИЕ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЫ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

DEVELOPMENT OF TRANSPORT SYSTEM REPUBLIC OF ABKHAZIA

Рассмотрены проблемы транспортной системы, показаны основные направления развития транспорта Абхазии с учетом ее кризисного положения. Даны направления развития транспорта, учитывающие экономико-географическое положение республики.

Promising problems of the transport system, the basic directions of development of transport Abkhazia because of its critical situation are shown. Given The directions of transport development, taking into account the economic and geographical situation of the country, are proposed.

Ключевые слова: транспорт, транспортная система, инфраструктура, транспортный коридор, потребности общества, суверенное государство.

Keywords: transportation, transportation systems, infrastructure, transport corridor, the needs of society, the sovereign state.

Исследования в составе коллектива ОАО «Гипрогор» показали, что действующая концепция восстановительного роста Республики Абхазия (РА) практически себя исчерпала. При этом на территории РА сложились основные предпосылки для перехода от этапа восстановления к новому этапу – этапу развития. Принципиальная новизна ситуации заключается в том, что РА одновременно является и непризнанным целым рядом стран государством, и кризисным регионом, что предполагает поиск нетривиальных, с точки зрения опыта территориального проектирования, решений.

В долгосрочной перспективе прогнозируется существование РА как небольшого суверенного государства, имеющего внутренние источники развития, диверсифицированную экономику, включающую высокоразвитые кластеры туристско-рекреационного и агропромышленного типа. При этом, особое значение для развития РА имеет *высокоразвитая транспортная система, обеспе-*

чивающая многовекторное развитие территории республики, интегрированное в экономическое, туристско-рекреационное, социально-культурное пространство РФ и всего Черноморско-Кавказского региона.

С позиций социально-экономического развития республики, реализации стратегических приоритетов, первостепенная роль отводится снятию транспортных ограничений, восстановлению и развитию транспортной системы региона, включая международный транспортный коридор Черноморского побережья, региональные автомобильные дороги, авиационный и морской транспорт, горные перевалы, а также обустройство таможенного перехода на российско-абхазской границе.

Важнейшая цель развития транспортного комплекса республики – *всемерное обеспечение возрастающих потребностей общества и производства в транспортировке пассажиров и грузов, что должно быть сопряжено с сокращением экономических, производственных природоохранных издержек и сокращением времени и стоимости транспортных услуг*.

Развитие транспортной системы Абхазии должно быть основано на достижении следующих целей:

- обеспечение внутренней связности населенных пунктов республики, а также наиболее значимых инфраструктурных объектов;
- обеспечение объезда, обхода крупнейших городов РА при проектировании новых и развитии имеющихся транспортных магистралей;
- обеспечение внешних связей, включая обеспечение полноправного участия республики в межгосударственных транспортных потоках;
- на перспективу – обеспечение транзитных грузопотоков при развитии портовой инфраструктуры, создание транспортно-логистических комплексов и строительство участков подъездных железнодорожных путей к основных морским портам РА.

Важнейшая перспективная роль транспорта в РА связана с решением *проблемы транспортно-коммуникационной разобщенности территории* РА, что тесно связано *с увеличением экономически освоенной (в т. ч. транспортно освоенной) площади региона*.

Во внешнеэкономических связях развитие транспортного комплекса республики будет способствовать увеличению объемов внешнеторговых операций со странами Западной Азии, Восточной и Южной Европы, Северной Африки, Россией и другими республиками бывшего СССР.

Транспорт выступает не только как отрасль, перевозящая грузы и пассажиров, а как межотраслевая система, преобразующая условия жизнедеятельности и хозяйствования. Транспортные Стратегии многих государств мира делают акцент на понятии «устойчивое развитие». В общем виде под устойчивым развитием понимается такое использование всех видов ресурсов (природных, финансовых и др.), при котором будущие поколения будут жить, по крайней мере, не хуже нынешних. Применительно к транспорту это означает последовательное улучшение потребительских индикаторов транспорта, закрепленных, в первую очередь, в *свойствах территории* (доступность услуг, благоприятные экологические условия мест проживания и другие ее свойства, формируемые транспортной системой, которые «перейдут» следующим поколениям).

Транспорт, наряду с другими инфраструктурными отраслями, является важным инструментом достижения социальных, экономических, внешнеполитических и других целей, обеспечивая повышение качества жизни людей. Без решения проблем в транспортной отрасли невозможно добиться коренных изменений в хозяйственной деятельности в целом. Единство экономического пространства и свободное перемещение товаров и услуг сегодня возможны только на основе целенаправленного устойчивого развития транспорта.

Для этого необходимо осуществление различных мер, таких как создание опорной транспортной сети без разрывов и «узких мест», устранение диспропорций в развитии транспортных систем соседних государств, ликвидация административных барьеров в системе движения товаров.

При этом процесс формирования рациональной транспортной системы каждой страны (региона) должен проходить под знаком достижения четырех целей:

• максимизация внутреннего спроса, являющегося главным источником экономического роста, и расширение транзитных воз-

можностей территории как источника внешних финансовых поступлений;

• социально-территориальной справедливости, под которой понимается обеспечение транспортной доступности и социальных благ для населения, а также возможности экономии свободного времени;

• снижение степени неопределенности (риска) хозяйственной деятельности в части, зависящей от транспортных факторов (включая снижение транспортных издержек). При этом, важно сокращение удельных затрат времени на поездки, особенно на пассажирские и, частично, грузовые, в которых время доставки лимитировано;

• повышение уровня безопасности жизни и здоровья граждан, имея в виду ту ее часть, которая зависит от транспорта.

Таким образом, транспорт и, в первую очередь, автодороги должны стать стимуляторами экономического роста и в целом капитализации территории республики. Важнейшими внетранспортными составляющими являются макроэкономические и демографические характеристики развития Абхазии.

На долгосрочный период (как государственный стратегический приоритет) предполагается восстановление и развитие транспортной системы республики, как части межрегиональной южной транспортной системы, с выходом в международные транспортные коридоры Север-Юг, Восток-Запад, с восстановлением транзитного положения Абхазии. С этих позиций для РА становится реальным, а также наиболее перспективным направлением геополитических прорывов постепенная и последовательная интеграция республики в организационные структуры международных организаций, прежде всего, ОЧЭС. Как один из основных путей к признанию Абхазии всем мировым сообществом становится ее выход на мировой рынок туристических услуг.

Восстановление и развитие транспортной системы республики потребует технической и технологической модернизации магистральных автомобильных дорог (Военно-Сухумской и Рицинской, получающие геостратегическое значение), морских портов и портового хозяйства, Сухумского и Гудаутского аэропортов.

Предполагается строительство скоростной автомобильной дороги-дублера, (в рамках строительства международного автомобильного кольца).

В отдаленной перспективе, в связи с расширением пляжной полосы, встанет вопрос о переносе части участков железой дороги вглубь территории республики, тем самым высвобождаются привлекательные для развития рекреации участки черноморского побережья.

В течение этого же периода предполагается восстановление международного статуса Сухумским аэропортом «Бабушара».

Как транспортный узел, город Сухум будет в этот период развит, в первую очередь, как пассажирский морской порт международного значения.

В ближайшей перспективе (до 2020 г.) *в Абхазии не может быть реализована модель относительно равномерного транспортного развития* (как и большинстве стран мира). Эта модель может быть реализована после 2030 года с учётом складывающихся на перспективу особенностей размещения производительных сил и населения.

Транспортная система республики Абхазии на перспективу может стать одной из трёх важнейших составляющих экономики республики, наряду с сельским хозяйством и туризмом. На перспективу, к 2040 году, до 10-12% трудоспособного населения республики может быть занято в транспортном комплексе. И это будет приносить до 12-15% ВВП Абхазии.

Объективность развития подобного сценария (становления транспортного комплекса одним из приоритетных и стратегических элементов экономики республики) обусловливается:

1. Восстановлением и развитием транзитной функции республики по направлениям:

1.1. Трансчерноморское кольцо (перевозка и обслуживание грузов вдоль стран Черноморского побережья);

1.2. Транзит российских экспортных и импортных грузов (черноморские порты Абхазии могут перерабатывать от 5 до 10% грузооборота российских черноморских портов относительно уровня 2012 г., до 12 млн. тонн в год);

1.3. Развитие транзитных трубопроводов (нефте- и газопроводов).

2. Развитие туризма и необходимость развития транспортного комплекса как отрасли – мультипликатора туристического комплекса.

УДК 910.1

Н. Б. Култашев

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ И ТЕОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

ON THE CORRELATION BETWEEN THEORETICAL GEOGRAPHY AND THEORY OF GEOGRAPHCAL KNOWLEGDE

Ответ на вопрос о том, в каком смысле география изучает пространство земной жизни человека, связан с пониманием различий содержания теоретической географии и теории географического познания.

It is important to know that there are two different sciences areas: theoretical geography and theory of geographical knowledge.

Ключевые слова: Теоретическая география, теория географического познания, географическое мышление, геопространство, противоположность мышления и географического мышления, проблема географической логики.

Keywords: Theoretical geography; theory of geographical knowledge; geographical thinking, earth space; opposition of the thinking and geographical thinking, a problem of the geographical logic.

Неоднородность внешнего мира, его многообразие и сложность приводят к тому, что из предметности мышления вытекает существование относительно самостоятельных систем мышления (логических систем), способов восприятия действительности, построенных на познанных законах определенной области действительности. Видовые отличия таких систем мышления связаны с вычленением человеком отдельных объектов и сфер познания как со способом разрешения противоречия конечности существования человека и человечества и бесконечности пространственно-временных масштабов и свойств природы. Другая причина существования различных систем мышления – метахронность процессов познания.

В таком контексте объяснимо существование *географического мышления* и присущего ему способа представления своих результатов – картографического отображения действительности: в географии выработан способ стандартизации представлений о ТО комплекса внешних оболочек планеты; информация о

ней, упорядоченная на определенной концептуальной основе, хранится в образно-знаковой форме – в форме карт. Карты выступают «посредником», позволяющим в значительной степени снять субъективное в представлениях о ТО, если, конечно, не принимать во внимание, что любая карта имеет некоторую концептуальную основу. Доказательство истинности последней – вопрос часто весьма дискуссионный.

В реальном мире нет ничего внепространственного; вне пространства нет бытия. Поэтому любое знание – есть знание о пространстве жизни человека. Значительная его часть связана с объяснением земного пространства. В этом смысле формально-логически в содержание географии могут быть включены все исследования, касающиеся изучения земной среды жизни человека м человека в связи с ней. Иной способ решения – вопрос о «географичности», связанной, опять-таки, с идеей пространственного подхода, – количественное обоснование масштабов объекта исследования без его определенного формулирования. Оно дается в форме пороговых масштабов изучения [1].

И та и другая формы пространственного обоснования сферы компетенции географии говорят о том, *что география изучает,* указывая определенно, что проблемами макро- и микромира географы не занимаются. Эти способы одновременно отражают такое положение вещей, когда оказывается, что в пределах мезомира география интересуется всем (и вновь ныне уже П.Я.Бакланов говорит о всеядности социально-экономической географии). Вопрос о том, в каком смысле география изучает пространство земной жизни человека, оказывается, поэтому чрезвычайно важным для повышения ее роли в решении глобальных проблем человечества. Вместе с тем, пользуясь этими определениями, мы можем уточнить, что *география – одна из форм мышления о мезомире в связи с деятельностью человека в нем*.

Ответ на вопрос о том, что такое географическое мышление, требует особого анализа его как такового. Противоположность мышления вообще и географического в частности заключается в том, что первое направлено на мир в целом и на себя как на таковое; второе – на определенную структуру отношений материального мира и на способы получения нового знания об этой структуре на основе собственных представлений. В этом смысле географы исключительную роль отводят представлению о некоем пространственном объекте, который в общем виде можно назвать

«район», и карте как методу познания районной организации бытия природы и человечества. Географическое мышление, соответственно, связано со сферой материального мира, определяемой необходимостью объяснить закономерности многообразия пространства форм жизни человека на планете. Вместе с тем, географическое мышление не может (вроде бы) осуществляться в логической форме, будучи формой мышления – образной (согласно Н.Н.Баранскому). Но и мышление как таковое, охватывая универсум явлений, опираясь, прежде всего, на опыт земного познания (и в этом смысле являясь геоцентричным в своей предметности), не может обойтись без географического мышления.

В то же время в точном соответствии с логикой науки, Н.Н.Баранский – один из немногих географов, кто целенаправленно затрагивал проблему географического мышления – представлял себе взаимосвязь элементов географических исследований следующим образом: основу изучения составляют факты, наиболее адекватная и доходчивая форма систематизации которых в экономической географии – экономическая карта. Но одни фактические данные имеют малое значение, необходимо установление причинно-следственной связи между ними: «Факты нужно осмысливать, призывая ум на помощь памяти. Для усвоения географических фактов и в процессе их усвоения надо развивать то, что можно назвать «географическим мышлением». Его Н.Н.Баранский представлял себе частным конкретным признаком мышления: «В понятие географического мышления входят в основном два признака: географическое мышление – это мышление, во-первых, привязанное к карте, кладущее свои суждения на карту, и, во-вторых, комплексное, не замыкающееся в рамках одного элемента природы или одной отрасли хозяйства, а охватывающее их во всех связях и опосредованиях» [2, с. 17-18]. По Н.Н.Баранскому, таким образом, в содержание географического мышления входят: 1) умение видеть во всем пространственные различия и и отображать этот факт на карте; 2) выяснение причинности этих различий и взаимосвязи различий между собой, соединение их в целостный образ [3]. Иначе, географическое мышление означает умение видеть с помощью карты пространственные различия во взаимосвязях элементов природы, хозяйства и жизни человека и умение объяснить причину именно этих, пространственных различий.

Нерасшифрованный синкретизм представления Н. Н. Баранского (географическое мышление одновременно и образное, и логическое) наложил серьезный отпечаток на последовавшие в географии процессы (начиная с середины 70-х гг. XX в.)

Это представление привлекает к себе внимание с двух позиций:

1. В какой мере оно отражает объективную противоположность мышления как такового и географического мышления? В какой степени оно включено соответственно во всеобщую связь явлений?

2. Почему в самом определении содержится требование мыслить комплексно, но не указана конкретная форма пространственного комплекса? Ведь призыв к охвату «во всех связях и опосредованиях» имеет своей обратной стороной более раннее или более позднее впадение в агностицизм или необходимость признания географии наукой наук, ибо даже указание на «пространственность» интересов географии ничего не дает для специфически географической интерпретации мышления: в природе не существует внепространственных образований, кроме гипотетической мысли как единицы мышления!

Для ответа на вопросы, возникающие в связи с определением Н.Н.Баранского, принципиально важно понимание того, как развивается эта противоположность мышления и географического мышления, каким образом мышление вообще трансформируется в географическое и географическое мышление переходит в мышление о мире в целом. Противоречие, лежащее в основе развития отмеченной противоположности, заключается в том, что мышление вообще (идеально) свободно от связи с каким-либо определенным содержанием – это движение мысли как таковой и оно обусловлено практической, предметной деятельностью человека.

Принципиальный вопрос теории географического познания – вопрос о географической логике – далек от своего разрешения. Пожалуй, он даже всерьез и не поставлен. Сегодня на первом плане проблема теоретической географии: накопив обширную информацию о пространстве земной природы и формах жизни человека на планете в ее многообразных условиях, географы стремятся научно упорядочить этот материал. Вопрос о содержании этого упорядочения решается в двух плоскостях: поиск

закономерной объективной причинной связи, определяющей территориальное многообразие форм и условий жизни человека на планете, и отрицание такой связи, поиск различных условий, приводящих к определенным формам поведения людей. Однако, грустен итог этой деятельности (будем надеяться, промежуточный), констатированный В.А.Шупером: «Методология современной географии вряд ли вообще стоит того, чтобы учить ей студентов» [4, с. 88]. Впрочем, все это – часть более широкой и сложной проблемы.

Литература

1. Гохман В.М., Гуревич Б.Л., Саушкин Ю.Г. Проблемы метагеографии/Вопросы географии. Сб.77: Математика в экономической географии. М.,1968.

2. Култашев Н.Б. Проблемы теории географического познания. Общенаучные и философские предпосылки. Тверь, Тверской гос.ун-т, 1994. -172с.

3. Баранский Н.Н. Экономическая география. Экономическая картография. М., 1956.

4. Шупер В.А. Вклад Ю.Г.Саушкина в становление теоретической географии в СССР//Социально-экономическая география: история, теория, методы, практика. Сб.научн. статей. - Смоленск: Универсум, 2011. – 608с., с. 88-93.

УДК 911.2 + 911.37

М. Н. Куница

ГЕОГРАФИЯ РАССЕЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ ЛАНДШАФТНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

SETTLEMENT GEOGRAPHY: FEATURES OF THE LANDSCAPE-ECOLOGICAL APPROACH

Рассмотрены особенности комплексного ландшафтно-экологического подхода в социально-географических исследованиях. Выделены основные направления, структура и уровни его применения в географии расселения.

The main features of the complex landscape-ecological approach in the social-geographic research are discussed. The principal trends, structure and levels of its employment in the settlement geography are identified.

Ключевые слова: населенный пункт, расселение, ландшафт, ландшафтно-экологический подход, демо-экологические отношения, ландшафтно-селитебные отношения.

The Keywords: settlement, settlement pattern, landscape, landscape-ecological approach, demo-ecological relations, relations between landscape and settlement.

Социально-природная сущность Географии определяет «магистраль» ее развития как науки «для человека, от человека, через человека» [1], но с учетом особенностей ландшафтно-экологической среды его жизнедеятельности. Социоприродные отношения динамичны и многогранны. Наибольшей концентрации, интеграции, конфликтности они достигают в населенных пунктах. Развиваются разные направления их изучения. Большой научный потенциал наработан в географии расселения. Необходима активизация междисциплинарных исследований, изменение системы подходов. Ландшафтно-экологический – можно выделить как один из приоритетных. Он комплексен: географичен по содержанию, экологичен по целям, ориентирован на выявление природно-социально-экономических взаимосвязей.

Сущность подхода определяется системой основных положений:

– детерминированность, взаимозависимость человека, его поселений и ландшафтных комплексов;

– коэволюционный характер и динамизм, пространственно-временная изменчивость отношений;

– ландшафтные комплексы как постоянно действующий фактор жизнедеятельности человека, функционирования населенных пунктов;

– территориальная структура ландшафтов как один из факторов территориальной структуры расселения;

– поселения, их сети и системы как «антропогенные ядра» воздействия на ландшафтную структуру на разных уровнях их структурной организации;

– населенный пункт – особый тип сложногенетических природно-социаль-но-экономических систем – селитебная геосистема (СГС).

Поселения и ландшафтные комплексы взаимосвязаны жизнедеятельностью людей, потоками природных и техногенных веществ, энергии, информации. Отношения реализуются по многим направлениям, на разных уровнях организации – топическом, локальном, региональном, межрегиональном, государственном, глобальном. Основные типы взаимодействий**:** генетические;

психофизиологические, иммунологические (здоровье человека); функциональные (жизнедеятельность); расселенческие (территориальное распространение); экологические (безопасность); эстетические (гармоничность связей и внешнего облика). Магистральное направление взаимодействий: ландшафтный комплекс → его природно-ресурсный потенциал → селитебный потенциал освоения → его социально-экономи-ческие функции → природопользование, территориально-хозяйственные системы, социоэкосистемы → степень удовлетворения населения их функционированием → здоровье населения, демографическое поведение населения → геодемографическая структура населения → расселение населения → антропогенезированные ландшафтные комплексы [2, 3].

Можно выделить несколько ***ведущих направлений*** реализации ландшафтно-экологического подхода в географии расселения:

1. Демо- и социально-экологическое направление. В географическом и демографическом анализе экологических проблем расселения целесообразно усиление роли изучения данного типа отношений. Ряд аспектов раскрыт в трудах С.Д. Валентея, Н.Г. Джанаевой, Н.В. Зверевой, И.В. Канцебовской, О.Р. Назаревского, Б.Б. Прохорова, Б.А. Ревич, Р.В. Татевосова, Г.М. Федорова, М.Д. Шарыгина и других авторов. Основные положения направления: специфика экологического «канала» влияния ландшафтного комплекса на социально-демографическую структуру населения; мониторинг, оценка, прогноз, оптимизация демо- и социально-экологической ситуации; ослабление негативных демографических процессов [2];

2. Геоэкологическое направление. Его общее содержание определил И.П. Герасимов: антропогенный мониторинг; прогноз последствий воздействия хозяйства на окружающую среду; предупреждение, ослабление и ликвидация стихийных природных бедствий; оптимизация среды в природно-технических системах [4]. Активны исследования геоэкологических аспектов расселения, особенно урбоэкологический «блок» (работы А.Н. Антиповой, Т.В. Бочкаревой, В.В. Владимирова, Ю.Д. Дмитревского, Г.М. Лаппо, О.П.Литовки, Б.Б. Родомана и др.). И.Г. Исаченко применил ландшафтно-географический подход для выделения эколого-

географических закономерностей расселения России [5]. Позиционировано развитие урболандшафтоведения. Важное положение: анализ экологических миграций;

3. Ландшафтно-селитебное направление. Значимый вклад в его разработку внесли В.С. Жекулин, И.Г. Исаченко, Т.В. Звонкова, С.А. Ковалев, В.В. Покшишевский, Т.Г. Рунова и другие. Основные положения направления: виды ландшафтно-селитебных отношений; ведущие процессы и функции их реализации; мониторинг, оценка и прогноз развития отношений; оптимизация ландшафтно-селитебных взаимосвязей [3].

Первый вид: влияние «ландшафтный комплекс → населенный пункт». Ландшафтный комплекс как основа всех видов жизнедеятельности населения вмещает и концентрирует разные типы «окружающих сред» – природную, квазиприродную, артеприродную, социальную [6]. В нем они «переплетаются» в единый ландшафтно-экологический базис. Главные каналы его воздействия: экологический и производственный. Современный ландшафт – социоприродная целостность. Влияние его природно-ресурс-ного потенциала (ПРП) реализуется через социально-экономические функции. В.С. Преображенский отметил ресурсовоспроизводящие, ресурсосохраняющие, средовоспроизводящие, информационные и эстетические [7]. Предложена расширенная классификация ПРП ландшафтных комплексов и их функций [2, 3, 8]. Генетический – функции средообразования и средообеспечения; территориальный – концентрации; сырьевой: ресурсный – ресурсообразования и ресурсообеспечения; энергетический – энергообеспечения; информационный – информобеспечения; эстетический – духовно-воспитательные. Мониторинг и оценка процессов влияния реализуются через анализ селитебного потенциала ландшафта – степени благоприятности ландшафтного комплекса для функционирования населения и развития поселений, проявления его лимитирующей, дифференцирующей и оптимизирующей функций [3, 8]. Ландшафтная обусловленность поселений и их территориальной структуры – одна из закономерностей расселения. Ее исследование: географическая систематизация (классификация, типология), информационно-статистический анализ.

Второй вид: воздействие «населенный пункт → ландшафтный комплекс». Система основных процессов: концентрирование в поселениях разных подсистем, определяющее антропогенизацию их природной среды; трансформирование – изменение структуры и потенциалов ландшафтов ареала; диффузия – распространение антропогенного воздействия поселения на ландшафтные комплексы более высокого ранга. Загрязнение среды превращает поселения в очаги экологического риска. Мониторинг, оценка и прогноз воздействия особо актуальны для городов и регионов с высоким уровнем антропогенизации природы. Оптимизация связана с усилением природоохранного и рекреационного типов использования среды.

Третий вид: взаимодействие «населенный пункт ↔ ландшафтный комплекс». Ведущие процессы: диссонирование – структурное усложнение, нарастание взаимосвязей сконцентрированных в поселениях природных и социально-демо-экономических подсистем; районообразование – формирование сложногенетической природно-селитебно-производствен-ной структуры регионов как основы территориальной организации общества. Ее исследование: мониторинг, оценка, прогноз развития, оптимизация ландшафтно-селитебных отношений на разных структурных уровнях.

4. Эволюционное направление. Актуальный, но недостаточно развитый аспект анализа. Больше работ посвящено ретроспективе расселения с учетом природного аттрактора (В.Л. Бабурин, Г.М. Лаппо, Е.Н. Перцик, В.В. Покшишевский и др.), меньше – периодизации взаимодействия «ланд-шафт – расселение» (В.С. Жекулин, А.Д. Арманд, В.С. Давыдчук и др.). Методика диахронического пространственно-временного анализа была применена при исследовании этих процессов в староосвоенных регионах Украины и Центра России. Среди ведущих закономерностей – пульсацион-но-циклическое развитие [8, 9]. Данное направление – звено комплексного изучения современного расселения, выявления перспективных трендов.

5. Интеграционное направление. Населенный пункт – сложноорганизованная система. Это отмечено в ряде работ (географических, экономических, экологических и др.). Ф.Н. Мильков отнес поселения к отдельному классу селитебных антропогенных

ландшафтов [8]. Мы выделяем населенный пункт в особый тип гетерогенных, сложноорганизованых, открытых, динамичных, управляемых систем – селитебную геосистему (СГС). Это – целостные компактные ареалы концентрации, функционирования, взаимодействия социально-демографических, производственных, инфраструктурных, организационно-управленческих, природных подсистем [2, 3, 8]. Они отражают исторический опыт пространственно-временного сотворчества человека и ландшафта. Сейчас происходит активная перестройка их структуры, функций, нарастает динамичность процессов. СГС – ядра систем расселения и поляризации ландшафтов. Это направление – один из «ключей» к усилению прикладных аспектов изучения населенных пунктов.

Комплексный ландшафтно-экологический подход – важное звено современных интеграционных исследований расселения, разработки научных основ сбалансированного развития поселений и их систем, регионов.

Литература

1. Машбиц Я.Г. Парадигмы целостности географии //Новое мышление в географии: Сборник научных трудов. М.: Наука, 1991. С. 14-26.

2. Куница М.Н. Геодемографическая структура населения староос-военного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009. 312 с.

3. Куница М.Н. Природно-селитебные отношения в регионе: процессы и функции //Вестник Брянского государственного университета. 2012. № 4 (2). С. 171-174.

4. Герасимов И.П. Экологические проблемы в прошлой, настоящей и будущей географии мира. М.: Наука, 1985.

5. Исаченко А.Г. Введение в экологическую географию. СПб: Изд-во С.-Петербургского университета, 2003. 192 с.

6. Реймерс Н.Ф. Природопользование: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 638 с.

7. Преображенский В.С., Александрова Т.Д., Куприянова Т.П. Основы ландшафтного анализа. М.: Наука, 1988. 192 с.

8. Воропай Л.И., Куница М.Н. Селитебные геосистемы физико-географических районов Подолии. Черновцы: Изд-во ЧГУ, 1982. 90 с.

9. Куница М.Н. Цикличность развития сети поселений в староосвоенных регионах //Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 65-71.

10. Мильков Ф.Н. Человек и ландшафты. М.: Мысль, 1973. 223 с.

УДК. 911.3:33 (575.1)

Ш. Б. Курбанов

ОСОБЕННОСТИ КРУПНОМАСШТАБНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАЛЫХ ТЕРРИТОРИЙ УЗБЕКИСТАНА

FEATURES OF THE LARGE-SCALE STUDY OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SMALL AREAS OF UZBEKISTAN

В статье освещаются вопросы крупномасштабного исследования малых территорий, их сущность и содержание на примере сельских административных районов Республики Узбекистан.

In article are illuminated questions of the large-scale study small territory, their essence and contents on example rural districts of the Republic Uzbekistan.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, малые территории, Узбекистан

Keywords: socio-economic development, small territory, Uzbekistan

В последние годы, подобно другим наукам, в географии существенно возрос интерес к крупномасштабным исследованиям локальных объектов. Конкретность результатов таких работ, их прикладной потенциал имеют большое значение для определения стратегии социально-экономического развития территорий. Это обусловлено тем, что реализация всех реформ и решений, инициируемых «сверху», осуществляется непосредственно на местах.

Следует подчеркнуть, что в прежние времена отдавалось предпочтение высокой концентрации производства: строились крупные (гигантские) промышленные предприятия, совхозы и колхозы, большие кинотеатры и т.д. В настоящее же время большей экономической эффективностью отличаются малые формы организации производства. Малые предприятия и фирмы проявляют бóльшую гибкость по сравнению с крупными предприятиями в условиях перехода к рынку, жёсткой конкуренции, так как они быстрее приспосабливаются к меняющейся конъюнктуре, осваивают новые направления работы и ассортимент продукции и не

требуют, при этом, особо крупных капиталовложений. Поэтому в Узбекистане большое внимание уделяется развитию малого предпринимательства и бизнеса. В этой связи, географические исследования малых территорий, в частности, сельских районов, приобретают большое практическое значение.

Рис. Общественно-территориальные функции административных образований*

*Рисунок составлен автором

Как известно, по мере уменьшения объекта экономико-географических изысканий расширяется и углубляется социальное и экологическое содержание последних. Подобные исследования в значительной степени приближаются к детальному анализу условий и образа жизни населения. Дело в том, что при экономико-географическом изучении крупных территорий определяющее внимание уделяется политико-экономическим вопросам, а по мере приближения к небольшим территориям, как показано

на рисунке, растёт социальная и экологическая значимость специальных исследований (рис.).

Следует отметить, что понятие «малая территория» само по себе относительное. Если придерживаться системно-структурного подхода, то каждый составной элемент иерархической целостности будет выступать малым объектом по отношению к более высокому уровню организации. Ш.Закиров, вкладывая в понятие «малая территория» физико-географический смысл, определяет его таким образом: «Физическая география малых территорий, или ландшафтоведение, изучает не все объективно существующие природно-географические комплексы, а только те из них, которые имеют локальный масштаб, такие как район, округ, провинция или страна» [1]. По мнению экономико-географа Т.Маллабаева, к разряду малых территорий относятся объекты от жилых кварталов и улиц городов, фермерских хозяйств, предприятий и организаций до сельских сходов граждан, городов с численностью жителей до 100 тысяч человек и административных центров сельских районов [2].

На наш взгляд, масштаб, пространственное содержание категории «малая территория» определяется спецификой конкретной науки, исходя из поставленных целей и задач исследования. Поэтому жилые кварталы и микрорайоны населённых пунктов не представляется целесообразным рассматривать в качестве объектов экономической и социальной географии (ими занимается районная планировка). С учётом того, что экономическая и социальная география изучает территориальные социально-экономические системы, нижний ранг объекта этой науки целесообразно определить на уровне сельских административных районов. На более высоких ступенях, в масштабах крупных регионов или страны в целом, наряду с социально-экономическими, рассматриваются и политические проблемы, в масштабах же отдельных населённых пунктов и их частей в основном анализируются различные аспекты повседневной жизни людей, их образа жизни, проблемы семьи и благоустройства территории, которые могут быть предметом исследования социальной географии, т.е. части экономической и социальной географии. Что же касается сельского административного района (САР), то именно на этом иерархическом уровне замыкаются возможности социально-экономического развития территорий.

Для выбора сельских районов в качестве объектов крупномасштабных экономико-географических исследований и признания их своеобразными территориальными социально-экономическими системами (территориально-производственными комплексами) имеются следующие основания:

- единство природных условий и ресурсов;
- особенности историко-географического развития;
- целостность производственной и социальной инфраструктуры;
- система расселения населения и размещения населённых мест;
- специализация хозяйства;
- наличие органов административного управления;
- возможности сбора и сравнительного анализа многоплановой статистической информации и социально-экономического картографирования и т.д.

В настоящее время в Узбекистане имеются 157 сельских административных районов, образованных в различные исторические периоды (табл. 1). Наиболее старые сельские районы были основаны в первые годы Советской власти в целях централизованного проведения аграрных реформ, в том числе, коллективизации хозяйств. На этой основе в 1926 году были созданы 1/4 имеющихся ныне сельских районов. Большая часть этих административно-территориальных единиц приходится на старо-освоенные районы орошаемого земледелия (Хивинский, Шаватский, Гурленский, Бешарыкский и др.).

Увеличение или уменьшение числа сельских административных районов во многих случаях было связано с изменениями в политико-административном делении республики в целом, созданием и ликвидацией областей. На следующем этапе истории административно-территориального деления Узбекистана (1927-1937 гг.) были образованы 18 новых сельских районов, 6 из которых составили районы присоединённой к Узбекистану в 1932 году Республики Каракалпакстан (Чимбайский, Берунийский, Ходжейлийский и т.д.). Впоследствии, главным образом в послевоенные годы, в связи с восстановлением народного хозяйства также значительно выросло число сельских районов республики. В этот период оно увеличилось на 83. Причём их образование было вызвано, прежде всего, освоением новых земель в Голодной и Каршинской степях, более ускоренным развитием производительных

сил в Ферганской долине и соответствующей региональной политикой того времени. Вместе с тем, в первой половине 1960-х годов число сельских районов в результате административной реформы существенно сократилось (в 1961 г. – 117 сельских районов, в 1966 г. - 85).

Таблица 1. Сведения о сельских административных районах Республики Узбекистан (на 01.01.2012 г.)*

Административные единицы	Число сельских районов	Площадь		Население		Чис-ло сел. сходов граждан	Чис-ло сел. насел. пунктов
		региона, тыс. кв. км	одного сельского района, тыс. кв. км	региона, тыс. чел.	одного сельского района, тыс. чел.		
Республика Узбекистан	157	446,9	2,8	22025,7	140,3	1471	11831
В том числе:							
Республика Каракалпакстан	14	166,3	11,9	1307,1	97,9	138	1183
Области:							
Андижанская	14	4,2	0,30	2173,7	155,3	90	536
Бухарская	11	40,2	3,6	1368,3	124,4	120	1519
Джизакская	12	21,6	1,8			100	558
Кашкадарьинская	13	28,6	2,2	2426,5	186,6	148	1064
Навоийская	8	110,9	13,9	657,3	82,2	58	624
Наманганская	11	7,3	0,66	1848,8	168,1	99	512
Самаркандская	14	16,6	1,18	2693,7	192,4	125	1949
Сырдарьинская	8	4,19	0,52	597,5	74,7	68	284
Сурхандарьинс-кая	13	20,0	1,54	1984,8	152,7	120	847
Ташкентская	14	14,9	1,06	2080,5	148,6	146	954
Ферганская	15	6,3	0,42	2383,0	158,9	161	1189
Хорезмская	10	6,02	0,60	1453,9	145,4	98	612

* Таблица составлена автором на основе материалов Государственного Комитета по статистике Республики Узбекистан

Таким образом, основная часть сельских административных районов (140 или 89,2% от общего числа) сформировались до 1979 года. Следовательно, административно-территориальная структура республики на уровне сельских районов в основном сложилась к 80-ым годам прошлого века. Тот факт, что в послед-

ние годы не появляются новые сельские районы, свидетельствует об устоявшемся характере административно-территориального деления страны.

Нам представляется, что число сельских районов должно быть оптимальным, исходя из принципов внутренней политики страны. Это связано с тем, что их значительное сокращение, укрупнение и централизация отдаляет органы управления от непосредственных нужд и проблем населения, препятствует оперативному решению местных проблем, в то же время, их чрезмерное дробление усложняет систему управления и регионального финансирования.

Следует отметить, что рассмотренные выше изменения административно-территориального деления имеют большое значение и с точки зрения общественно-географической науки. Это связано с тем, что именно в разрезе сельских районов производится статистический учёт, разрабатываются научно-практические рекомендации по совершенствованию системы управления и намечаются ключевые направления региональной политики. С учетом этого, очень важно обеспечить стабильность системы административно-территориального деления страны, так как частые подвижки в сетке сельских районов осложняют задачу сбора статистической информации и её историко-географического анализа.

Показатели социально-экономического развития сельских районов имеют большое научно-практическое значение в контексте экономико-географического изучения регионов страны. САР республики значительно различаются между собой по величине территории, численности и плотности населения и ряду других параметров. Например, если в среднем по Республике Узбекистан на один сельский район приходится 2,8 тысяч кв. км территории, то по Республике Каракалпакстан и Навоийской области этот показатель составляет 11,9 и 13,9 тысяч кв. км. В то же время в небольших по площади и густонаселённых Андижанской, Сырдарьинской и Хорезмской областях средняя величина территории САР равна, соответственно, 0,30, 0,52 и 0,60 тысяч кв. км (табл. 1). Соотношение занимаемой территории крупнейшего сельского района республики – Кунградского (76,0 тысяч кв. км) и самого маленького – Булакбашинского (0,18 тысяч кв. км), или «коэффициент географичности» (по проф. А.С.Салиеву), составляет 422. Такие резкие различия в площади сельских районов связаны, без-

условно, с природно-хозяйственными условиями, уровнем освоения территории под поливное земледелие, густотой ирригационной инфраструктуры и другими географическими факторами.

Как явствует из табл. 2, почти 1/3 сельских районов имеют от 0,26 до 0,50 тыс. кв.км. территории в каждом, а их суммарная площадь составляет всего 4,4% к общему итогу. Довольно значительно и количество САР с площадью 0,51 – 1,00 тыс. кв.км, а на другом полюсе всего 5 САР, каждый из которых занимает 10,0 тыс. и более территории или свыше половины общей площади Республики Узбекистан. Естественно, что эти районы приходятся, главным образом, на пустынные территории с экстенсивным хозяйством, точечной формой организации производства, расселения и инфраструктуры.

Таблица 2. Группировка сельских административных районов Республики Узбекистан по площади (2012 г.)*

Площадь, тыс.кв.км.	Количество САР	То же, в % к итогу	Общая площадь, тыс.кв.км	То же, в % к итогу
до 0,25	8	5,1	1,7	0,4
0,26 - 0,50	52	32,9	19,9	4,4
0,51 – 1,00	38	23,9	26,2	5,9
1,01 – 2,00	18	11,3	25,9	5,6
2,01 – 4,00	25	15,8	72,4	16,3
4,01 – 10,00	11	6,9	76,6	17,2
10,01 и выше	5	3,1	224,2	50,1
Всего	157	100,0	447,2	100,0

*Таблица составлена автором

При изучении сельских районов необходимо уделять внимание не только величине их территории, но и численности, размещению, естественному движению, миграции, половозрастному и национальному составу населения. Сельские районы Узбекистана значительно дифференцируются по демографическому потенциалу. В среднем на один САР республики приходится 140,3 тысяч жителей. В свою очередь, в Самаркандской, Кашкадарьинской, Наманганской областях средняя численность населения одного сельского района достаточно высока и составляет, соответственно, 192,4; 186,6; и 168,1 тысяч человек, тогда как в Наво-

ийской и Сырдарьинской областях этот показатель не превышает 80 тысяч человек. Численность населения Ургутского, Чиракчинского, Шахрисабзского районов превышает 300 тысяч человек в каждом, в Караулбазарском районе проживает всего лишь 14,4 тысяч человек.

Данные табл. 3 показывают, что число мелких по численности населения сельских районов невелико. Более 3/5 САР насчитывают от 100 до 200 тыс. человек. Это, в основным, небольшие по площади, но густозаселенные районы в оазисах и в ареалах интенсивного поливиого земледелия. Часть этих плотнозаселённых районов размещается в пригородных зонах крупных центров или непосредственно в высокоурбанизированных агломерированных системах расселения.

Таблица 3. Распределение сельских административных районов Республики Узбекистан по численности населения (на 01.01.2012 г.)*

Численность населения, тыс. чел.	Количество САР	То же в % к итогу	Общая численность населения, тыс.чел.	То же в % к итогу
до 50, 0	13	8,3	507,9	2,3
50,1 – 100,0	33	21,0	2419,6	11,1
100,1 – 150,0	44	28,0	5576,3	25,5
150,1 – 200,0	46	29,3	8065,4	36,9
200,1 – 250,1	13	8,3	2811,2	12,8
250,1 и выше	8	5,1	2494,8	11,4
Всего	157	100	21875,2	100

*Таблица составлена автором

При изучении сельских районов определённое внимание следует уделять также особенностям их географического положения. В этом контексте отметим, что 157 сельских административных районов Узбекистана заметно различаются между собой своим геополитическим положением. Более половины сельских районов республики (80 из 157) имеют границу с сопредельными государствами. Так, с Туркменистаном и Таджикистаном граничат по 21 району, с Киргизстаном – 20, с Казахстаном – 16 и с Афганистаном – 2 сельских района. Ряд районов республики имеет границу с двумя государствами. По общей протяжённости линии границы ведущее место среди САР страны занимает Кунград-

ский район, на который приходится 17% территории Узбекистана и 46% площади Каракалпакстана. Только с Казахстаном этот район граничит на протяжении 610 км, что составляет 28% всей узбекско-казахской границы. Если к этому прибавить также длину государственной границы Муйнакского и Тахтакупырского районов, то в сумме на эти 3 сельских района приходится почти половина (около 1000 км) всей государственной границы Узбекистана с Казахстаном.

Схожая ситуация отмечается и на границе Узбекистана с Туркменистаном. Основная часть линии государственной границы Узбекистана с этой страной приходится на Кунградский, Каракульский, Алатский, Миришкорский, Нишанский и Дехканабадский районы. В то же время, некоторые районы республики имеют весьма короткие участки государственной границы (до 5-10км) – например, Букинский, Джаркурганский, Булунгурский, Алтыарыкский районы, а Сохский район Ферганской области имеет эксклавное расположение.

Наиболее благоприятным следует признать геополитическое положение тех районов Узбекистана, которые служат своего рода «транспортными воротами» страны – Кунградского (на северо-западе), Термезского (на юге), Зангиатинского (на северо-востоке) и Ходжаабадского (на востоке). Посредством магистральных железных и автомобильных дорог, нефте- и газопроводов эти районы выполняют функцию связующего звена страны с сопредельными государствами.

При оценке геополитического положения сельских районов необходимо принимать в учёт также их соседство с другими областями страны. Число районов, сопредельных с той или иной областью республики, составляет 109, или 68,5% от их общего количества. Так, Республика Каракалпакстан и Навоийская область, занимающие в общей сложности 61,5% территории Узбекистана, граничат в совокупности с 25 сельскими районами сопредельных регионов. Самаркандская область граничит с 11, Сырдарьинская – с 10, а Джизакская – с 9 сельскими районами. Эти геопространственные различия между регионами связаны с конфигурацией их территории, её размерами и географическим расположением (центральное, периферийное). С данной точки зрения, вполне объясним тот факт, что велико число сопредельных районов у одной из крупнейших в стране Навоийской области и у располо-

женных буквально в центральной части страны Самаркандской, Сырдарьинской и Джизакской областей.

Вышеперечисленные черты экономико- и политико - географического положения САР Узбекистана оказывают существенное влияние на их социально-экономическое развитие. Особенно большое значение в развитии внешнеэкономических связей, порубежной экономики и инфраструктуры нашей республики имеют приграничные, в частности, периферийные, сельские административные районы.

Литература

1. Зокиров Ш. С. Кичик ҳудудлар табиий географияси. – Т.: Университет, 1999. – 120 с.
2. Маллабоев Т.Н. Кичик ҳудудлар географияси: назария ва амалиёт // Ўзбекистон География жамияти ахбороти, 27-жилд. – Т., 2006. – Б. 67-71.
3. Абдуразаков С.К. Административно-территориальное устройство Узбекской ССР. – Т.: Узбекистан, 1987. – 102 с.
4. Административно-территориальное деление Узбекской ССР. – Т.,1981. – 335 с.
5. Ўзбекистон Республикаси Конституциясини ўрганиш - Т., 2001 - 267 б.
6. Административно- территориальное деление Республики Узбекистан – Т.,2011. – 52 с.

УДК 314.015(470.4)

Н. Н. Логинова

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ РАЗВИТИЯ

DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE REGIONS OF THE VOLGA FEDERAL DISTRICT AND ITS FUTURE DEVELOPMENT

Охарактеризована современная демографическая ситуация в регионах Приволжского ФО; выявлены проблемы, препятствующие её улучшению; предложены меры, повышающие эффективность региональных программ демографического развития.

Defined the present of demographical situation in the regions to Volga Federal District, exposure the problems and offer measure of effectiveness regions program of demographical development.

Ключевые слова: демографическая ситуация, Приволжский федеральный округ.
Keywords: demographics, Volga Federal District.

Улучшение демографической ситуации является одной из ключевых задач социально-экономического развития регионов Приволжского ФО. Формирование благоприятной демографической ситуации во многом зависит от проводимой в этом направлении работы в регионах. На наш взгляд, важным механизмом её формирования является выполнение региональных программ демографического развития.

Численность населения ПФО на 1 января 2013 г. составила 29,8 млн чел. (20,77 % населения России). Он занимает второе место после Центрального ФО по численности населения. С 2002 г. число жителей округа уменьшилось на 1,8 млн чел. или на 1,2 %. За последние 10 лет население сократилась во всех регионах округа за исключением Республики Татарстан, где отмечен рост населения на 1,15 % (43,6 тыс. чел.). Наибольшее сокращение численности населения произошло в Кировской обл. (12,2 %), Республике Мордовия (7,9 %) и Оренбургской обл. (7,5 %), а наименьшие – в Самарской обл. (0,8 %). Но, в то же время, начиная с 2010 г. численность населения округа не только стабилизировалось, но и стала расти и к 2013 г. увеличилась на 504,4 тыс. чел. [1,2,3].

Средний возраст населения округа к началу 2002 г. составлял 36,7 лет, что на 1,1 года меньше, чем по России в целом. С 2006 г. растет число лиц старше трудоспособного возраста. В округе продолжается сокращение численности детского населения, что ведет к выравниванию двух демографических групп в структуре населения – детского и старше трудоспособного возраста. Изменение возрастной структуры населения влияет на показатель демографической нагрузки – соотношение численности населения трудоспособного и нетрудоспособного возрастов. Общая демографическая нагрузка на трудоспособное население в Приволжском ФО с 2009 г. по 2011 гг. возросла с 608 до 653 на 1 000 чел. трудоспособного населения.

В конце 2012 г. в округе наметилась устойчивая тенденция повышения уровня рождаемости, снижения общего коэффициента смертности и сохранения численности населения [3]. Впервые за длительный период времени в 2012 г. в половине регионов округа отмечен естественный прирост. Рост рождаемости по от-

ношению к уровню 2007 г. составил 17,3 %. Однако, среди основных демографических проблем округа сохраняются: уменьшение численности населения, высокие показатели смертности, особенно мужчин в трудоспособном возрасте, рост младенческой смертности, невысокий уровень рождаемости, не обеспечивающий простое воспроизводство, сокращение числа женщин репродуктивного возраста, старение населения. Уровень средней ожидаемой продолжительности жизни меньше среднероссийского показателя и значительно ниже уровня развитых стран, которые уже перешагнули порог в 80 лет (Япония, Швеция и др.), что свидетельствует о низком качестве жизни в регионах округа. Миграция, по-прежнему, не оказывает положительного влияния на демографическую ситуацию в округе, не только не увеличивая трудовой потенциал, но и не восполняя естественную убыль населения.

Учёт демографической ситуации в регионах Приволжского ФО говорит о необходимости совершенствования мер демографической политики и повышения эффективности региональных программ демографического развития [6]. Основные направления реализации демографической политики в регионах Приволжского ФО включают такие составляющие как: правовое регулирование демографической политики; мероприятия, направленные на увеличение продолжительности жизни, сокращение смертности и укрепление здоровья населения; меры по охране здоровья матери и ребенка; реализация мер по профилактике и снижению числа абортов; мероприятия, направленные на повышение уровня и качества жизни.

При проведении анализа сложившейся демографической ситуации, нами был выявлен ряд проблем, препятствующих её улучшению. Среди них – низкий уровень рождаемости, не обеспечивающий воспроизводство населения. Меры по стимулированию рождаемости, имеющие материальный характер, в большей степени дали эффект в субъектах РФ, где население имеет более высокие репродуктивные установки и более низкие доходы. У населения субъектов РФ с низким уровнем рождаемости сформировалась устойчивая модель занятости обоих родителей. Достичь уровень рождаемости, необходимый для воспроизводства населения, возможно только за счет увеличения вторых и третьих рождений, следовательно, нуждается в совершенствовании норма о периодах ухода за детьми, включаемых в стаж для начисления трудовой пенсии. Также необходимо проработать вопрос

о целесообразности продления программы по предоставлению материнского (семейного) капитала после 2016 г.

Одним из возможных вариантов может также стать продление срока действия данного закона с одновременным совершенствованием использования средств материнского капитала; введение ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в сочетании с региональным материнским капиталом и предоставлением земельных участков семьям с тремя и более детьми обеспечит прирост абсолютных чисел третьих и последующих рождений в 2018 г. по отношению к 2012 г. на 17–20 %.

Анализ динамики рождаемости в региональном разрезе позволяет сделать вывод о том, что регионам округа необходимо скорректировать региональные программы демографического развития следующим образом:

- Республике Мордовия, Чувашской Республике, Кировской, Пензенской и Ульяновской обл. (низкий суммарный коэффициент рождаемости по первым рождениям) – усилить меры поддержки молодых семей для стимулирования раннего рождения первого ребенка (введение пособия в повышенном размере в случае рождения ребенка в первые 1,5 или 2 года брака, а также при возрасте родителей до 25 лет, совершенствование программ ипотечного кредитования молодых семей);

- Нижегородской, Пензенской, Самарской и Ульяновской обл. (низкий суммарный коэффициент рождаемости первых и вторых рождений) – усилить поддержку вторых рождений (введение дифференцированных пособий и льгот для семей с двумя детьми, установление региональных доплат к пособию по уходу за вторым ребенком, увеличение выплаты пособия до 3 лет); предусмотреть в жилищных программах погашение значительной части кредита за счет бюджета субъекта Российской Федерации при рождении второго ребенка;

- Республикам Башкортостан, Татарстан, Удмуртской Республике, Пермскому краю, Оренбургской области (значительный рост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и последующим детям) – развивать реализуемые меры материальной поддержки или вводить им подобные;

- Республике Мордовия и Саратовской области (низкий суммарный коэффициент рождаемости по вторым и последующим детям) – сосредоточить усилия на содействии семьям в решении жилищных вопросов и обеспечении занятости.

Наши предложения по реализации мероприятий по улучшению демографической ситуации как на федеральном, так и региональном уровнях следующие:

Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, Правительству Российской Федерации рассмотреть вопрос внесения изменений и дополнений в федеральное законодательство в части:

1) продления программы предоставления материнского (семейного) капитала после 2016 г., а также введения дополнительных мер материальной поддержки семей с детьми;

2) увеличения продолжительности периода выплаты ежемесячного пособия на ребенка с 1,5 до 3 лет за счет средств федерального бюджета;

3) увеличения длительности периода ухода за детьми, включаемого в стаж для начисления трудовой пенсии;

4) введения института социального патроната в отношении семей с детьми, находящихся в социально опасном положении;

5) расширения доступа граждан к информации о детях, которые могут быть устроены на воспитание в семью;

6) расширения мер поддержки семей с детьми в возрасте от полутора до трех лет за счет средств федерального бюджета;

7) оказание финансовой поддержки строительства перинатальных центров, детских больниц, реабилитационных центров для детей.

Реализация мероприятий на региональном уровне должна включать следующее [6]: разработку специальных программ содействия занятости или самозанятости лиц старших возрастов, способных продолжать трудовую деятельность, а также создание качественно иной системы социального обслуживания; активизацию работы средств массовой информации и социально ориентированных некоммерческих организаций по пропаганде здорового образа жизни, возрождения семейных традиций и ценностей, повышения престижа полной и многодетной семьи; корректировку региональных программ демографического развития с учетом методических рекомендаций Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации в части разработки мер по противодействию откладывания рождения первых детей, усилению материальной поддержки семьи в связи с рождением и воспитанием вторых детей, расширения возможностей для сочетания семейных и родительских обязанностей с профессиональ-

ной деятельностью; увеличение объемов финансирования региональных программ по профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет; развитие инфраструктуры ухода за детьми в возрасте до полутора лет и организаций присмотра за детьми кратковременного пребывания, а также различных форм предоставления услуг по уходу и воспитанию детей в зависимости от их возраста; развитие многопрофильных и специализированных педиатрических стационаров с учетом региональных потребностей в конкретных видах медицинской помощи и пр.

Литература

1. Росстат об итогах Всероссийской переписи населения 2010 г. http://www.rg.ru/2011/12/16/stat.html

2. Логинова Н. Н. Население Республики Мордовия: геодемографическая ситуация, динамика и структура. / Н. Н. Логинова. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2011. – 104 с.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат.сб. / Росстат. – М., 2011. – 999 с.

4. Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Республике Мордовия. / Стат. сборник Саранск, 2010. – 21 с.

5. *Логинова Н. Н.* Социально-экономическая география Республики Мордовия: учеб. пособие / Н.Н. Логинова, В.П. Пресняков. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2009. – 183 с.

6. Республиканская Программа по улучшению демографической ситуации в Республике Мордовия на 2008-2012 гг. – от 02.05.2007 г. № 409-р.

УДК 911.37: 314.727: 711.4

К. В. Мезенцев, Т. И. Клюйко

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «ГОРОД – СЕЛЬСКАЯ МЕСТНОСТЬ»: ОТ УРБАНИЗАЦИИ К ПОСТ-СУБУРБАНИЗАЦИИ

URBAN - RURAL' INTERACTION: FROM URBANIZATION TO POST-SUBURBANIZATION

Рассмотрены основные процессы взаимодействия крупного города – метрополиса и сферы его влияния – городских окраин и сельской местности. Раскрыты

особенности процессов эксурбанизации, встречной/противоположной урбанизации, пост-субурбанизации. Показаны перспективы их развития в Киевской области.

The main processes of interaction of large city – metropolis and its sphere of influence – urban fringes and rural areas are considered. Peculiarities of the ex-urbanization, conterurbanization and post-suburbanization processes are revealed. Prospects of its development in Kyiv region are presented.

Ключевые слова: метрополис, хинтерланд, субурбанизация, эксурбанизация, встречная/противоположная урбанизация, пост-субурбанизация.

Keywords: metropolis, hinterland, suburbanization, ex-urbanization, counterurbanization, post-suburbanization.

Процессам, происходящим между крупными городами – метрополисами и сферой их влияния – городскими окраинами (urban fringe), хинтерландом (hinterland) в украинской географии уделено недостаточно внимания. Ряд англоязычных терминов не имеют украинских аналогов. Поэтому целью данной работы является попытка систематизировать основные процессы и показать перспективы их развития в сфере влияния Киева.

Л. Ван ден Берг, учитывая миграционные тенденции и те процессы, которые происходят в городском ядре, на городских окраинах и в хинтерланде, выделил четыре стадии (фазы) урбанизации (развития городов) [1]:

- урбанизация, которая рассматривается как процесс быстрого роста численности городского населения, увеличения концентрации населения, рабочих мест, производства, сферы услуг в главном городе (метрополисе), в то время как в результате миграционного оттока хинтерланд теряет население. Этот процесс традиционно связан с индустриализацией, переселением сельских жителей в города вследствие лучших возможностей трудоустройства, условий жизни, более высокого уровня доходов и т.п. Стоит отметить, что современная урбанизация не обязательно связана с промышленным развитием, притягательное влияние оказывают сфера услуг, строительство;

- субурбанизация – процесс «качественного совершенствования» урбанизации, что приводит к переселению городских жителей в меньшие поселения рядом с метрополисом с лучшими условиями жизни (чище окружающая среда, более низкая плотность населения, частный дом и пр.). При этом жители субурбии тесно связаны с метрополисом, продолжают работать и получать

большинство услуг в нем. Численность населения главного города продолжает расти, прежде всего, за счет хинтерланда;

- дезурбанизация – процесс переселения городских жителей за пределы субурбии в небольшие города и сельские населенные пункты. Постепенно в них создаются новые рабочие места, развивается собственная сфера услуг. Как следствие, метрополис, а иногда и субурбия теряют население;

- реурбанизация – возвращение населения пригородов в метрополис в результате джентрификации и ревитализации индустриальных зон (brownfields) в центральной части города (Inner City), приближения места жительства к месту работы.

Многие исследователи как синоним дезурбанизации используют термин встречная/противоположная урбанизация (counterurbanization). В частности, С. Дж. Митчелл выделила три разновидности встречной урбанизации – эксурбанизация, «перемещенная»/«вытесненная» урбанизация (diplaced-urbanization) и анти-урбанизация [2]. Под эксурбанизацией понимают переселение горожан за пределы субурбии в сельские или небольшие городские поселения, которые сохраняют с главным городом тесные связи, прежде всего трудовые, по услугам и развлечениям. Вторая разновидность предполагает переселение жителей за пределы города в результате экономических факторов – потери работы, высокой стоимости жизни и т.п. Это фактически вынужденная миграция, которая не связана с выбором конкретного типа поселений. Анти-урбанизация связана с отказом от городского образа жизни.

С. Хошсу акцентирует внимание на том, что эксурбанизацию и diplaced-урбанизацию целесообразно рассматривать не как разновидности встречной урбанизации, а как разновидности дезурбанизации [3]. Она выделяет три формы дезурбанизации – пери-урбанизация (эксурбанизация) diplaced-урбанизация и встречная урбанизация. Последняя, в свою очередь, включает три вида: simple living (фактически, анти-урбанизация), пентурбанизация (предусматривает переселение горожан за пределы субурбии, но, в отличие от пери-/экс-урбанизации, не предусматривает сохранение тесных связей с главным городом по причине наличия собственных рабочих мест, развитой сферы услуг) и миграцию пенсионеров (retirement migration).

По нашему мнению, процесс дезурбанизации может иметь разные причины – экономические (например, закрытие промыш-

ленных предприятий, высокий уровень безработицы и т.д.), демографические (естественное сокращение населения), социально-экологические (изменение образа жизни, стремление к условно чистой и безопасной окружающей среде и т.д.). Поэтому дезурбанизацию не стоит рассматривать как обобщающий «род» или отдельную разновидность процессов, которые происходят между городом, пригородной зоной и хинтерландом. Она является отдельным процессом, который может быть следствием, например, встречной урбанизации или депопуляции населения. Вместе с тем, целесообразно различать процессы эксурбанизации и встречной/противоположной урбанизации.

Эксурбия – это в подавляющем большинстве “спальные” (commuter) поселения за пределами субурбии, не имеющие достаточного количества рабочих мест, заведений сферы услуг, слабо связанные с городом регулярным движением общественного транспорта. Их жители работают в главном городе или субурбии на значительном расстоянии от места проживания, пользуются заведениями сферы услуг городских окраин, пригородов, или осуществляют заказы через Интернет. Эксурбию часто рассматривают как проявление неудачного планирования или псевдоурбанизации, поскольку такие поселения характеризуются низкой плотностью населения, несоответствием инфраструктуры численности населения; их внешние связи полностью зависят от частного автотранспорта. Эксурбанистические поселения формируют отдельный пояс – exurban ring и могут быть отделены от пригородной зоны (suburban ring) сельскими поселениями, сельскохозяйственными угодьями, лесами.

Встречная/противоположная урбанизация – это процесс переселения городских жителей за пределы субурбии в небольшие города и сельские поселения, однако с существенно меньшей зависимостью от метрополиса. Б. Берри подчеркивал, что встречная/противоположная урбанизация – это процесс деконцентрации населения [4]. Важные ее признаки – рост численности населения отдаленных от главного города поселений (прежде всего за счет мигрантов из главного города), уменьшение зависимости от него (прежде всего за счет наличия собственных рабочих мест).

Среди главных причин развития эксурбанизации и встречной/противоположной урбанизации – изменение среды проживания, улучшение транспортной доступности отдаленных поселений, развитие новых средств коммуникации (в частности, Интер-

нета, что позволяет работать на расстоянии от офиса, иногда его посещая).

В последнее время все больше внимания уделяется процессу пост-субурбанизации, связанной с избирательным преобразованием субурбии в новый тип поселений, который представляет собой сочетание городского и сельского образа жизни. В отличие от субурбии, пост-субурбанистические поселения в меньшей степени зависят от главного города, их население работает преимущественно в своем поселении, тут же получает культурно-бытовые и другие услуги.

А. Борсдорф отмечает, что пост-субурбия – это новые элементы в системе «город-сельская местность», которые характеризуются привлекательными жилыми кварталами, новой инфраструктурой в сфере торговли и услуг, привлекательными возможностями занятости в основном в третичном секторе (торговля, услуги, офисы, логистика, досуг, развлечения) и промышленности (индустриальные и бизнес-парки), новым стилем жизни (который не может быть описан «старыми» категориями городского и сельского), высокой степенью личной мобильности и пространственно-экономической динамики [5].

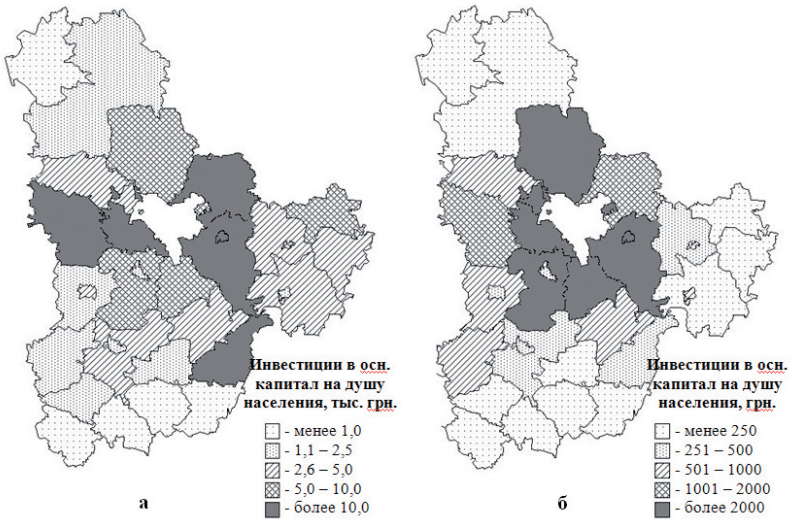


Рис. Инвестиции в основной капитал на душу населения в административно-территориальных единицах Киевской области в среднем за 2006-2010 годы (а – в целом, б – в жилищное строительство)

Т. Сивертц предложил термин Zwieschenstadt («in between settlement», «межгород») – структура полностью отличающейся городской среды, которая, на первый взгляд, – рассеянная и дезорганизованная с отдельными островами геометрически структурированных паттернов, структура без четкого центра, однако со многими более или менее выраженными функционально специализированными ареалами, сетями и узлами [6].

Ряд исследователей отмечает, что происходит «дозревание» субурбии, ее трансформация в города по функциям, но не по форме. Монофункциональная субурбия превращается в относительно независимую от метрополиса пост-субурбию с собственными диверсифицированными жилищным сектором, занятостью и рекреацией; происходит фрагментация инфраструктуры и услуг. С пост-субурбанизацией тесно связаны процессы возникновения окраинных городов (edge cities) и закрытых поселений (gated communities). В рамках отдельных поселений социальное расслоение населения уменьшается, но возрастают различия между поселениями.

Встречная/противоположная урбанизация и пост-субурбанизация – процессы селективные. Одни поселения привлекают население, инвестиции, рабочие места, другие, даже соседние, – нет.

Для того, чтобы оценить перспективы развития этих процессов вокруг Киева, целесообразно рассмотреть объемы инвестиций в основной капитал в целом и в жилищное строительство в административно-территориальных единицах столичной области за последние пять лет как косвенный индикатор, отражающий привлекательность территории для населения и бизнеса. Как видно на рисунке, предпосылок для развития встречной/противоположной урбанизации за пределами пригородной зоны Киева пока нет. Процессы пост-субурбанизации могут получить толчок к развитию, однако главным вызовом для этого является естественное сокращение населения.

Итак, по нашему мнению, следует выделить основные процессы, отражающие связи «город – сельская местность»: урбанизация, субурбанизация, реурбанизация, эксурбанизация, встречная/противоположная урбанизация и пост-субурбанизация. Последние три процесса приводят к деконцентрации населения, а встречная/противоположная урбанизация и пост-субурбанизация – еще и к деконцентрации занятости, производства, сферы услуг.

Традиционное понимание взаимодействия «город – сельская местность» как дихотомии меняется на понимание его как континуума.

Литература

1. Van den Berg L., Drewett R., Klaassen L.H., Rossi A., Vijverberg C.H.T. Urban Europe: A study of growth and decline. – A. Wheaton & Co. Ltd., Exeter, 1982.

2. Mitchell C.J.A. Making sense of counterurbanization // Journal of Rural Studies – 2004. – № 20.

3. Hoszsu S. Counterurbanization. A literature study // Danish Institute of Rural research and Development (IFUL). Working Paper. – 2009. – № 6.

4. Berry B.J.L. Urbanization and counterurbanization // Urban Affairs Annual Reviews, 11. – London: Sage Publications, Beverly Hills, 1976.

5. Borsdorf A. On the way to post-suburbia? Changing structures in the outskirts of European cities // European cities; insights on outskirts. Ed. by Borsdorf and Zembri. Report COST Action 10 Urban Civil Engineering. – 2004. – Vol. 2.

6. Sieverts T. Cities without cities: an interpretation of the Zwischenstadt. London: Spon Press, 2007.

УДК 910.1+911.3:009

И. И. Митин

ОТ ГУМАНИТАРНОЙ ГЕОГРАФИИ К КРИТИЧЕСКОЙ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЯДА НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ГЕОГРАФИИ

FROM CULTURAL GEOGRAPHY TOWARDS CRITICAL: INSTITUTIONAL PROBLEMS & THE DEVELOPMENT OF SOME NEW SUBDISCIPLINES WITHIN RUSSIAN GEOGAPHY

Обоснована целесообразность рассмотрения гуманитарной географии в узком смысле как обособленной (как от культурной географии, так и от зарубежных аналогов) специфической российской междисциплинарной научной школы. Рассматриваются возможности возникновения в России критической географии в рамках развития гуманитарной географии.

The article is focused on the legitimization of geohumanities ("humanitarian geography") as a specific research tradition within Russian geography, that differs from cultural geography & some close international paradigms. The prospects of the development of critical geography in Russia in the framework of geohumanities are discussed.

Ключевые слова: гуманитарная география, культурная география, «новая культурная география», гуманистическая география, критическая география.

Keywords: geohumanities, cultural geography, new cultural geography, humanistic geography, critical geography.

Две трактовки гуманитарной географии

Существуют, как минимум, *две различные трактовки* понятия «гуманитарная география».

Широкая трактовка термина предполагает *замену* становящегося всё более громоздким обозначения «нефизической» географии – экономической, социальной, политической, а теперь и рекреационной – компактным термином «гуманитарная география» [1].

Узкая трактовка термина предполагает закрепление наименования «гуманитарная география» за *специфическим* научным направлением, в фокусе внимания которого находятся всевозможные интерпретации пространства и места индивидами и группами людей – прежде всего ментальные представления о пространстве [2].

Обе позиции подверглись в последние полдесятилетия критике [3,4].

Резюмируя сложившуюся ситуацию с *употреблением термина* «гуманитарная география», А.Г. Дружинин критикует обе трактовки – и узкую, и широкую. В первом случае постулируется «опасность подмены частью – целого и, соответственно, создания нежелательных барьеров на пути последующей гуманизации <…> географической науки» [5]. Во втором случае ставится под сомнение необходимость «отказываться от исторически сложившегося, вмещающего и традицию, и доминантный тренд, и указание на комплексный обществоведческий объект (социально-экономическая сфера) наименования нашей науки [«социально-экономическая география»]» [5].

Однако все источники фактически свидетельствуют *об уже состоявшейся институционализации термина «гуманитарная география» в узком смысле*. Употребление термина в этой трактовке устоялось достаточно для того, чтобы его использование в других потенциальных смыслах стало невозможным без критики образно-географической трактовки. По содержанию гуманитарная география как дисциплина о представлениях о географическом пространства вполне оформилась как научное направление и

специфическая научная школа. Поэтому, несмотря на обоснованность критики употребления термина «гуманитарная география» в обоих смыслах, в условиях наибольшей институционализации именно гуманитарной географии в узкой трактовке, следует, на наш взгляд, *придерживаться именно этого – узкого – толкования этого термина*. Важное условие для этого – необходимость обосновать, что эта гуманитарная география *несводима* ни к культурной, ни к гуманистической географии, ни к какой другой российской [6,7] или зарубежной [8] географической субдисциплине.

Гуманитарная география: в поисках аналогов

В нашей стране культурная география после русской антропогеографической школы существовала только в виде деклараций о необходимости культурной географии [7] и созданной в конце 1980-х годов «географии культуры» [9,10].

Возникновение на рубеже 1990-х – 2000-х годов нового научного направления, связанного с изучением пространственных представлений и символического освоения человеком ландшафта, происходило практически *без «оглядки» на предшествующие работы в области культурной географии* [11]. В рамках гуманитарной географии практически не представлены традиционные для культурной географии темы. Вместо этого акцент делается на все виды *представлений* о реальном пространстве – причём чаще всего не массовые стереотипы, выявляемые путём обширных опросов, а *отдельные* пространственные мифы и географические образы, выявляемые в экспертных интервью, анализе литературных источников, либо конструируемые самими исследователями.

Вместо традиционной культурной географии в Росси возникла специфическая школа гуманитарной географии. Культурной географии вне рамок гуманитарной географии в России практически нет; в то же время, темы, концепции и методология гуманитарной географии весьма специфичны даже для культурной географии и, очевидно, серьёзно расширяют её предметную область.

В общемировом контексте к 1980-м годам складывается своеобразная «*культурная/гуманистическая география*» [12], объединяющая в себе и одну из географических субдисциплин (культурная география), и «сквозную» общегеографическую школу (гуманистическая география). Её тематика *очень близка российской гуманитарной географии*.

В то же время историко-генетические и динамические характеристики западной культурной/гуманистической и российской гуманитарной географии *кардинально различаются* [11].

Становление культурной/гуманистической географии *тесно связано с развитием географии в целом*: она серьёзно «вписана» в контекст смены парадигм в географии [13,14,15]. Ничего подобного не было в гуманитарной географии в России. Она во многом оказалась *оторванной от традиции других географических наук*, как российской, так и международной.

В гуманитарной географии сложился «перекос» в сторону теоретико-методологических работ, а англо-американская культурная география, напротив, активно вовлечена в прикладные проекты, основанные, как правило, на социологических методах исследования и сфокусированные на конкретные группы людей. В российской гуманитарной географии наблюдается преобладание *case-study*, связанных с анализом вторичных источников, в частности, литературных произведений.

Гуманитарная география в России распространяет своё влияние на некоторые геополитические и – реже – экономико-географические исследовательские сюжеты; в то время как западная культурная/гуманистическая география наиболее тесно связана с социальной географией.

Тематика гуманитарной географии близка англо-американской «новой культурной» и гуманистической географии – но налицо историко-генетические, методологические и методические *отличия*.

От гуманитарной географии – к критической?

Если мы посмотрим на пример англо-американской географии и судьбу культурной/гуманистической географии в её рамках, то мы увидим, что она постепенно *теряет* своё влияние, уступая место разрозненным *критическим* направлениям географии.

Развивающаяся в англо-американской традиции и захватывающая уже и другие страны *критическая география* не имеет стабильной и однозначной теоретической основы, ориентируясь на размытые установки учёта и критического анализа влияния государства, власти, социального неравенства на пространство, в том числе и культурное. В условиях вовлечения социальных аспектов в сферу культурной географии, стирания границ между социальной и культурной географией всё больше говорят о формировании новой «критической культурной географии», анализи-

рующей повседневные практики людей в современном культурном пространстве [16].

При этом последнее сегодня полностью трансформируется в городское пространство. Оно характеризуется, прежде всего, самоорганизацией и активностью населяющих его и действующих в нём людей помимо власти и вместо государства. Отказавшись от анализа только «реального» пространства, традиционного для географии, и только «воображаемого» пространства (как, например, в «новой культурной географии» и гуманитарной географии), Э. Соджа говорит о «третьем» «реальном-и-воображаемом» пространстве, оказывающемся в фокусе новой географии [17]. Это «третье» пространство как продукт современного общества, по Г. Лефевру, выступает тотально урбанизированным, бесконечно городским [18]. Лишённое подавляющего давления власти и государства, «в отрыве» от чётких иерархических структур (как природных, так и социальных), оно становится противоречивым, многослойным и многоголосым, проживаемым в множественных реальностях (ландшафт-палимпсест и ландшафт-интертекст).

В России культурная и гуманитарная география неосознанно уже во многом подошли вплотную именно к подобным исследовательским практикам. Значит, можно говорить о начале формирования критической географии, которая, впрочем, может быть встроена в уже сформировавшуюся гуманитарную географию, учитывая генетические особенности формирования последней «в отрыве» от других географических традиций.

Литература

1. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2010.

2. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: основные направления, категории, методы и модели // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 11-26.

3. Исаченко А.Г. О гуманитарной географии, геосистеме, ландшафте и терминологическом фетишизме (по поводу статьи Ю.Н. Гладкого) // Известия РГО. 2008. Т. 140. №1. С. 27-35.

4. Соколова А.А. Гуманитарная география: к вопросу о делимитации границ предметной области // Известия РАН. Сер. геогр. 2011а. №5. С. 109-118.

5. Дружинин А.Г. От гуманизации к неогуманизации российской социально-экономической географии: тренды, проблемы, приоритеты // Южно-российский форум. 2011. №1(2). С. 34-51.

6. Стрелецкий В.Н. Культурная география в России: особенности формирования и пути развития // Известия РАН. Сер. геогр. 2008. №5. С. 21-33.

7. Митин И.И. Культурная география в СССР и постсоветской России: история (вос)становления и факторы самобытности // Международный журнал исследований культуры. 2011. №4. С. 19-25.

8. Митин И.И. На пути к региональной культурной географии: опыт англо-американских географов XX века // Псковский регионологический журнал. 2012. №13. С. 3-11.

9. Дмитревская Н.Ф., Дмитревский Ю.Д. Проблемы инфраструктуры в новых направлениях экономической и социальной географии // Социально-экономические и экологические аспекты географии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. С. 81-91.

10. Дружинин А.Г. География культуры: теоретико-методологический аспект. Ростов-на-Дону: Сев.-Кав. филиал ГО АН СССР, 1989.

11. Митин И.И. Гуманитарная география: проблемы терминологии и (само) идентификации в российском и мировом контекстах // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. №1. С. 1-10.

12. Rowntree L.B. Orthodoxy and new directions: cultural/humanistic geography // Progress in human geography. 1988. Vol. 12. No. 4. P. 575-586.

13. Gregory D. Human agency and human geography // Transactions of the Institute of British Geographers. New Series. 1981. Vol. 6. No. 1. P. 1-18.

14. Price M., Lewis M. The reinvention of cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. 1993. Vol. 83. No. 1. P. 1-17.

15. Tuan Yi-Fu. Perceptual and cultural geography // Annals of the Association of American Geographers. 2003. Vol. 93. No. 4. P. 878-881.

16. Cultural Geography: A critical dictionary of key concepts / Ed. by D. Atkinson, P. Jackson, D. Sibley, N. Washbourne. L.-N.Y.: I.B.Tauris, 2005.

17. Soja E.W. Thirdspace: Journeys to Los Angeles and other real-and-imagined places. Oxford – Malden, MA – Carlton: Basil Blackwell, 1996.

18. Lefebvre H. The urban revolution. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2003.

УДК 913(571.6)

А. В. Мошков

ТИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ВЕРТИКАЛЬНО-ИНТЕГРИРОВАННЫХ И СЕТЕВЫХ СТРУКТУР ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

THE TYPES OF THE TERRITORIAL-INDUSTRIAL VERTICAL-INTEGRATED AND NETWORK STRUCTURES OF THE RUSSIAN FAR EAST

Возможности развития Дальнего Востока России увязываются, в первую очередь, с реализацией совокупности мер по привлечению в регион инвестиций для модернизации производства, в т.ч. за счет создания особых экономических зон.

Annotation: Possibilities of the development of the Russian Far East are connected first of all with realization of a set of measures on attraction to the region of investments for modernization of industries, including creation of specific economic zones.

Ключевые слова: модернизация производства, особые экономические зоны, территориальная структура промышленного производства.

Keywords: modernization of industries, of specific economic zones, a territorial structure of industrial production.

Возможности развития Дальнего Востока России увязываются, в первую очередь, с реализацией совокупности мер по привлечению в регион инвестиций для модернизации производства, в т.ч. за счет создания особых экономических зон. При создании зон разного типа, с учетом сложившейся специфики той или иной территории, возникают производственные системы (называемые цепочками добавленной стоимости), формирующиеся на основе технологического, либо поузлового разделения труда [1]. В Дальневосточном регионе эти цепочки формируются в виде территориально-производственных систем, в том числе и с участием транснациональных компаний в сфере машиностроения, деревообработки, химической, нефте- и газохимической промышленности и др.

При проведении оценки территории Дальнего Востока, с точки зрения обеспеченности благоприятными факторами развития производительных сил на период до 2030 г., выделяются территориально-производственные вертикально-интегрированные и сетевые структуры в виде опорных зон социально-экономического развития, которые различаются хозяйственной специализацией и особой ролью в межрегиональном и международном территориальном разделении труда (таблица).

Перспективы развития вертикально-интегрированных и сетевых территориально-производственных структур Дальнего Востока России на период до 2030 г.

Зоны опорного развития	Благо-приятные факторы	Функциональные блоки структуры производства	
		специализированные	обслуживающие
1. Преимущественно обрабатывающие сетевые структуры с элементами добывающих вертикально-интегрированных структур			

Комсомольско-Амурская	природные ресурсы (руды цветных металлов, древесина, водные ресурсы); квалифицированная рабочая сила; выгодное транспортное положение	авиастроение (производство регионального самолета SSJ-100, освоение производства авиационных комплексов СУ-35, реализация программы строительства легких самолетов); судостроение (развитие строительства морских и речных гражданских судов различного назначения); черная металлургия; цветная металлургия (строительство завода по производству алюминия); лесозаготовка и деревообработка (организация производства целлюлозы и бумаги в г. Амурске).	нефтепереработка; производство строительных материалов (организация производства ровинга).
2. Преимущественно добывающие вертикально-интегрированные структуры			
Южно-Якутская	природные ресурсы (топливные ресурсы, руды черных и цветных металлов, строительные материалы)	черная металлургия (создание металлургического комплекса на базе разведанных запасов железных руд, коксующихся углей, вспомогательного сырья - флюсов, известняков); энергетика (создание Южно-Якутского гидроэнергетического комплекса); цветная металлургия (разработка урановых, комплексных свинцово-цинковых с германием месторождений, добыча золота и серебра, освоение редкоземельных месторождений); топливная (освоение Эльгинского месторождения каменного угля); химическая (строительство завода по производству этилена).	промышленность строительных материалов (завод по выпуску эффективных теплоизоляционных материалов на базе базальта, освоение месторождения облицовочного мрамора)
Железорудная опорная зона развития Еврейской автономной области	природные ресурсы (руды черных металлов)	черная металлургия (строительство металлургического комбината на базе Кимканского и Сутарского железорудных месторождений для потребителей в КНР)	транспортная инфраструктура (строительство железнодорожного моста в КНР через реку Амур)

Сахалинская	природные ресурсы (топливные ресурсы)	топливная (добыча нефти и газа на месторождениях: шельфа о. Сахалин); нефте- и газохимическая (строительство нефтеперерабатываю-щего завода и увеличение мощности завода по производству СПГ);	энергетика (строительство парогазовой электростанции, перевод на газ ТЭС и ТЭЦ); энергетическая инфраструктура (строительство ЛЭП «Южно-Якутский гидроэнергетический комплекс — Сахалин - Япония)
3. Преимущественно обрабатывающие сетевые структуры с транспортно-логистическими функциями			
Ванино-Советско-Гаванс-кая интегрированная транспортно-промышленная зона	выгодное транспортное положение	транспортно-логистическая деятельность (строительство балкерного угольного терминала, перегрузочного комплекса железорудных концентратов)	строительство и расширение существующей припортовой и железнодорожной инфраструктуры; создание энергетической, коммунальной и социальной инфраструктуры
Южно-Приморская транспортнологистическая	квалифицированная рабочая сила; выгодное транспортное положение	транспортно-логистическая инфраструктура международного значения (развитие контейнерных перевозок из северо-восточных провинций Китая в Японию и США через российские порты); строительство логистического центра «Южный приморский терминал» (экспорт металлов, леса, целлюлозы, угля, нефти, метанола); нефте- и газохимическая (строительство нефтеперерабатываю-щего завода и завода по производству СПГ); автомобилестроение (расширение производства автомобилей из комплектующих, производимых в странах АТР).	транспортная инфраструктура (реконструкция припортовых станций, строительство железнодорожных приграничных переходов, автомобильных дорог); электроэнергетика (возведение каскада Дальнереченских ГЭС, модернизация и установка новых мощностей ТЭС, строительство Приморской АЭС); целлюлозно-бумажная (строительство Уссурийского ЦБК).

Составлено по: [2-7].

В основе типологии территориально-производственных вертикально-интегрированных и сетевых структур (опорных зон экономического развития) лежат уникальные территориальные сочетания природных ресурсов и выгодное экономико-географическое положение, имеющийся в регионах производственный и инфраструктурный потенциал. Таким образом, выделяются, во-первых, преимущественно обрабатывающие сетевые структуры с элементами добывающих вертикально-интегрированных структур; во-вторых, преимущественно добывающие вертикально-интегрированные структуры; в-третьих, преимущественно обрабатывающие сетевые структуры с транспортно-логистическими функциями.

Концентрация инвестиционных и управленческих ресурсов на создании дополнительных условий хозяйственного развития (в первую очередь, инфраструктурное обустройство территории) позволит получить в опорных зонах экономического развития наибольший социально-экономический эффект.

Представленные опорные зоны хозяйственного освоения Дальнего Востока на 2030 г. выделены с учетом наиболее перспективных направлений хозяйственной специализации промышленных узлов и развития инфраструктурной сети региона (в первую очередь, транспортных магистралей). В южной части Дальнего Востока, отличающейся выгодным транспортно-географическим положением относительно ведущих стран АТР, преимущественное развитие могут получить хозяйственные зоны развития с транспортно-логистическими и ресурсопользовательскими функциями. В северной части Дальнего Востока, учитывая современный уровень её производственного и инфраструктурного освоения, а также тенденции мирового спроса, преимущественное развитие получат хозяйственные зоны, связанные с развитие добывающих производств – драгоценных металлов и камней (алмазов), полиметаллических руд. В первую очередь, это хозяйственные зоны в республике Якутии (Саха), Магаданской области и Чукотском автономном округе. Следует отметить, что без создания современной транспортной и энергетической инфраструктуры, которая образует основу трасс хозяйственного освоения, формирование развитой линейно-узловой структуры территориально-хозяйственных систем российского Дальнего Востока будет невозможно.

Таким образом, возможности развития Дальнего Востока России увязываются, в первую очередь, с реализацией совокупности мер, по привлечению в регион инвестиций и реализацией здесь серьезных проектов по модернизации производства и сферы услуг: 1) предоставление налоговых льгот и «каникул» по налогу на добычу полезных ископаемых на месторождениях для вновь создаваемых производств; для предприятий, реализующих инновационные проекты; 2) использование мультипликативного эффекта от создания особых экономических зон (территориально-производственных структур разного размера и типа) на территории Дальневосточного региона.

Литература

1. Федорченко А.В. Современные тенденции территориальной организации промышленного производства. М.: «Пресс-Соло», 2003. –176с.

2. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Территориальные структуры хозяйства и экономические районы в долгосрочном развитии российского Дальнего Востока// Векст. ДВО РАН. – 2011. – №2. – С.18-28.

3. Геосистемы Дальнего Востока России на рубеже XX-XXI веков. Том III. Территориальные социально-экономические структуры (Моногр. Кол. автор. Под ред. П.Я. Бакланова и М.Т. Романова). – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 364с.

4. Мезенцев В. Территория инновационного развития// Эксперт, 19-25 апреля 2010. – №15 (701). – С. 97-99.

5. Меламед И.И. Стратегия развития Дальнего Востока России: Моногр. — М: Современная экономика и право, 2008. – 464 с.

6. Тихоокеанская Россия - 2030: сценарное прогнозирование регионального развития / Под ред. П.А. Минакира; Рос. акад. Наук; Дальневост. отд-ние; Ин-т экон. исследований. – Хабаровск: ДВО РАН, 2010. – 560с.

7. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авторов; отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. – Владивосток: Дальнаука, 2012. – 406с.

УДК 911.3

Л. Н. Немец, Е. Ю. Сегида, К. А. Немец, Л. В. Ключко

НОВЫЕ ПОДХОДЫ В СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

NEW APPROACHES IN MODERN SOCIAL-GEOGRAPHIC RESEARCHES

Дан обзор новых подходов в современных общественно-географических исследованиях. Описаны направления современных исследований в области социально-

экономической (общественной) географии, а также традиционные методы и методики изучения отдельных социальных и экономических процессов. Акцентируется внимание на информационном подходе, как новом для общественной географии. Приводятся методики пространственных и временных исследований на основе информационного подхода.

The article reviews new approaches in modern social-geographic researches. It describes trends of modern human (social) geographic researches and traditional methods and techniques of particular social and economic processes researches. Informational approach as novel for social geography is emphasized. Techniques of spatial and time researches based on informational approach are given.

Ключевые слова: общественная география, социально-экономическая география, методологические подходы, информационный подход, статистические методы, пространственный и временной анализ.

Keywords: socialgeography, humangeography, methodological approaches, informational approach, statistical methods, spatial and time analysis.

Современные глобализационные процессы требуют нового подхода к исследованию возможностей развития стран, регионов, территорий. Формирование замкнутого глобализированного пространства вызывает необходимость поиска междисциплинарных, комплексных, инновационных методов исследования процесса цивилизационного развития на стыках естественных и общественных наук. Для общественной географии этот аспект является новым, отвечающим социальному запросу, так как во всем мире все сильнее обостряются проблемы социального характера. Имеющийся методологический багаж общественной географии позволяет говорить о том, что она может в полной мере отвечать на вызовы глобализации. В то же время, указанные особенности требуют расширения объектно-предметной области науки, понятийно-терминологического аппарата, поиска новых методов, методик исследования.

В современных условиях постсоветские страны перестраивают свои экономики,имеют новые социальные особенности, стремятся трансформироваться в постиндустриальную, информационную стадию развития. Все большую актуальность получают вопросы изучения проблем и особенностей территорий, в частности, одной из наиболее важных задач исследований общественной географии является изучение вопросов регионального развития с целью его оптимизации. Среди направлений таких исследований следует отметить изучение:

- демографического и интеллектуального капитала как основы социально-экономического развития;

- социальных проблем, социальной защищенности и безопасности населения;

- развития сельской местности,в том числе социальной инфраструктуры и экономической деятельности;

- особенностей малого и среднего предпринимательства, внешнеэкономических связей, трансграничного сотрудничества;

- проблем экономической, энергетической, социальной, природно-техногенной безопасности;

- географического образа территорий (региона), который является основой его имиджа (привлекательности) для развития экономической, инновационной, инвестиционной, туристической и других видов деятельности, развития международного сотрудничества.

Соответственно, расширение объектно-предметной области общественной (социально-экономической) географии требует расширения методологического аппарата исследований.Рассмотрим один из аспектов расширения предметно-объектной области и методологического инструментария общественной географии на примере применения ее возможностей в исследовании демографического развития региона. Выбор именно этой составляющей предметно-объектной области общественной географии связан с необычайной остротой для постсоветских территорий демографических проблем, без исследования и решения которых практически невозможно дальнейшее поступательное развитие стран по пути прогресса, внедрения информационно-инновационных технологий и т. п.

При исследовании демографического развития широко применяется статистический метод, основанный на обработке количественных показателей, отражающих развитие демографического процесса, а также статистических данных о населении и экономике на определенных территориях. Количественные методы позволяют выбирать и разрабатывать конкретные показатели и характеристики состояния демографического процесса.

Корреляционный анализ – метод обработки статистических данных, заключающийся в изучении тесноты связи между переменными, позволяет выявить наиболее связанные переменные и построить поверхности их зависимости [1]. Результаты корреляционного анализа отображают количественную оценку силы

связи между признаками, характеризующими демографический процесс.

Факторный анализ применяется для изучения взаимосвязей между значениями переменных, что позволяет определить группы факторов влияния и исследовать значение каждой переменной в действии фактора в разное время.Содержание факторного анализа заключается в линейном преобразовании пространства. Информационной базой расчетов служат пространственные ряды показателей демографического развития в разрезе административно-территориальных единиц региона за базовые годы. Интерпретация сложившихся факторов осуществляется, опираясь на оценку факторной нагрузки переменных [2].

Кластер-анализ применяется при наличии многомерных совокупностей статистических показателей, сущность его заключается в объединении их в группы (кластеры) по принципу минимального размера в многомерном пространстве. В результате кластерного анализа получают многоуровневую иерархическую классификацию, которая отражает наиболее существенные особенности взаимоотношений между объектами или переменными. Такой анализ проводится для районов области по ряду демографических, социальных, экономических показателей для дальнейшей группировки районов и выявления устойчивых групп районов за исследуемый период [1]. Применение кластер-анализа для системного пространственного анализа особенностей развития районов или регионов позволяет не только картографически представить распределение того или иного показателя, но и сгруппировать районы по сходству, выявить общие тенденции в их развитии и, соответственно, разрабатывать адекватные меры по управлению развитием.

Относительно новым является информационный подход, суть которого заключается в том, что при изучении любого объекта, процесса или явления в природе и обществе ярче всего проявляются характерные для него информационные особенности. Отметим, что практически все процессы и явления в Универсуме имеют информационную основу, потому что информационный обмен в наиболее общем виде отражает их содержание [3].

Осознание всеобъемлющей роли информации в природе и общественных явлениях является объективным фактором возникновения нового фундаментального метода научного по-

знания – информационного подхода, который позволяет исследовать объекты, процессы и явления с позиций информационного обмена, выявить новые качества, важные для понимания их сущности и возможных направлений развития на основе знания общих свойств и закономерностей информационных процессов. Информационный подход, как и синергетический, тесно связан с системным, что позволяет представить современный мир как сложную глобальную информационную систему, которую образуют взаимосвязанные системы низшего уровня природы и общества, каждая из которых по своей сути является информационной и взаимодействие между которыми происходит через систему природопользования. Человек, при этом, имеет двойственную сущность: одновременно является естественным и социальным организмом. Это создает методологическую базу для исследования проблем человека и общества как целостных многоуровневых, многофункциональных информационных систем [3].

Таким образом, исследования социально-экономических процессов неизбежно сводятся к рассмотрению информационного обмена между разными подсистемами, закономерности которого изучаются информационной географией. Появление этой новой ветви общественной географии связано с формированием принципиально нового социального запроса на качество и количество информационных услуг, который обычно рассматривают как признак перехода к информационному обществу. Таким образом, новый запрос, ставя новые задачи и цели науки, требует разработки новых методологических подходов и методов исследований, способных получать, анализировать и использовать качественно иную информацию. Особенно важно применение таких методов, опирающихся на фундаментальные положения теории информации, как уже отмечалось выше, в исследовании социально значимых процессов [4].

Информационный анализ основан на свойствах информационной энтропии, как меры неупорядоченности или разнообразия системы. В комплексе с пространственным или временным анализом демографического процесса он дает возможность более контрастно выделить некоторые особенности развития этого процесса. В своих исследованиях в пространственном анализе демографического процесса мы применили модель интегральной функции влияния общественно-географических объектов, разработанную в Харьковском национальном университете [5]. Ис-

ходя из того, что главной целью функционирования общественно-географического объекта является удовлетворение некоторой социальной потребности, его можно рассматривать как центр определенной зоны влияния.

Временной анализ демографического процесса выполнялся по методике, разработанной авторами [4]. Суть методики состоит в прослеживании траектории развития процесса в многомерном признаковом пространстве, базисом которого являются нормированные значения (индексы) параметров процесса. Наиболее информативны попарные сравнения расхождения траекторий районных систем в сочетании с информационными (энтропия) и статистическими (средний индекс, асимметрия и эксцесс) показателями. Предлагаемая методика позволяет сгруппировать районы в разных интервалах времени и оценивать основные тенденции в развитии демографического процесса, что является очень важным для поиска оптимальных путей развития демографической ситуации в регионе при разработке планов социально-экономического развития, формировании инвестиционной политики и т. д.

Подводя итог, отметим, что общественная география призвана отвечать на социальный заказ; в условиях новых потребностей общества формируются новые отрасли науки и направления исследования, что требует разработки и применения более широкого арсенала методов и методик.

Литература

1. Нємець К. А., Сегіда К. Ю. Статистичні методи і обробка геоінформації: навчально-методичний комплекс для самостійної роботи студентів, які навчаються за напрямом підготовки «Географія», зі спеціальності «Економічна та соціальна географія». – Харків, 2012. – 64 с.

2. Нємець Л. М., Сегіда К. Ю., Нємець К. А. Демографічний розвиток Харківського регіону: монографія / Л. М. Нємець, К. Ю Сегіда, К. А. Нємець. – Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. – 200 с.

3. Немец К. А. Информационное взаимодействие природных и социальных систем: Монография / Константин Аркадьевич Немец. – Х.: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2005. – 428 с.

4. Немец Л. Н. Демографическое развитие региона как объект исследования социально-экономической географии / Л. Н. Немец, К. А. Немец, Е. Ю. Сегида // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4-8 мая 2010 г.). – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 234-238.

5. Нємець К. А. Дослідження просторової взаємодії суспільно-географічних об'єктів / К. А. Нємець, Л. М. Нємець, О. К. Нємець // Часопис соціально-економічної географії: Міжрегіон. зб. наук. праць. – Харків: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2009. – Вип. 6. – С. 20-31.

УДК 330.34

А. М. Носонов, Л. В. Сотова

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

INNOVATIVE AGRICULTURE DEVELOPMENTS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Рассмотрены главные проблемы и некоторые перспективы развития сельского хозяйства России на инновационной основе. Раскрыты основные инновации в сельском хозяйстве, произошедшие в процессе исторического развития этой отрасли, их виды и содержание. На примере сельского хозяйства Республики Мордовия отражены особенности формирования агропромышленного кластера.

Article is devoted to consideration of the main problems and some prospects of development of agriculture of Russia on an innovative basis. The main innovations are given in the agriculture, occurred in the course of historical development of this branch. Types of innovations in agriculture are allocated and their contents is opened. On the example of agriculture of the Republic of Mordovia the example of formation of an agro-industrial cluster is given.

Ключевые слова: инновация, сельское хозяйство, кластер, конкуренция, продукция, агропромышленный комплекс.

Keywords: innovation, agriculture, cluster, competition, production, agro-industrial complex.

Обострение продовольственной проблемы и ухудшение экологической ситуации в сельской местности как в отдельных регионах, так и в глобальном масштабе приводит к снижению уровня обеспечения населения продуктами питания, деградации и разрушению природных экосистем. В последние десятилетия продовольственная проблема усиливается в связи с повышением мировых цен на сельскохозяйственные товары (более чем в 2 раза). Данная ситуация в мировой экономике сложилась, по мнению экспертов ФАО, в результате негативного воздействия следу-

[1] Выполнено при поддержке РФФИ (проект №13-06-00200-а).

ющих факторов: увеличения издержек производства в результате быстрого роста цен на энергоносители и минеральные удобрения, обесценивания доллара США, быстрого роста потребления и изменения его структуры (прежде всего, в Китае и Индии), спекулятивных инвестиций в сельском хозяйстве, неурожайных лет в основных зернопроизводящих странах мира (США, Австралия, Россия, Казахстан) и др.

Первым примером инновации и самым важным нововведением в истории человечества, по мнению А. Баркера, является переход человечества к сельскохозяйственному производству (от присваивающего хозяйства к производящему) [1]. Он считает, что сельское хозяйство не только изменило человеческое общество сильнее, чем любая другая инновация до этого или с этого времени, но и наглядно показало, что инновации возникают циклически, по спирали. Успешное производство продуктов питания приводит к появлению излишков, для обмена которыми необходима торговля, которая, в свою очередь, породила новые направления специализации и формы взаимодействий между людьми, что привело к появлению деревень и городов.

Первые инновации в сельском хозяйстве появились еще в неолите (более 7 тыс. лет) – это становление земледелия и животноводства, производительное использование земли, пастбищ и возникновение первой системы земледелия – подсечно-огневой.

В дальнейшем сельское хозяйство также развивалось под воздействием базисных и улучшающих (модернизирующих) инноваций и их распространения по территории (диффузии). К основным из них относятся:

а) *технологические и организационно-производственные*: переход от залежной и подсечно-огневой системы земледелия к трехпольной зерновой; переход от трехпольной зерновой к плодосменной системе земледелия, применение минеральных удобрений, повышение уровня механизации в сельском хозяйстве, расширение мелиоративных работ и др.;

б) *социально-политические:* аграрные реформы: отмена крепостного права 1861 г., «столыпинская» 1906-1914 гг., новая экономическая политика (НЭП) 1921-1928 гг., современная аграрная реформа – с 90-х годов XX в.;

в) *научно-производственные*: «особая экспедиция» В. В. Докучаева, создание новых специализированных сельскохозяйственных учреждений, показательных опытно-производственных

хозяйств (сортсемучастки, опытные станции, зооветпункты и т. п.), создание ВАСХНИЛ, высшего профессионального аграрного образования, возникновение образовательно-научно-производственных структур при ВУЗах, агротехнопарков и др.;

г) *перспективные*, находящиеся в стадии исследований и разработок, пробных проектов, коммерциализации и частичного распространения: сельскохозяйственные роботы (BoniRob, Astronaut), замкнутые экологические системы (проект «Эдем», Bioshelter, Seawater greenhouse), генетически модифицированная пища, вертикальные фермы («Стрекоза», «Plantagon», Circular Symbiosis Tower, «R4 apartment»), точное земледелие, в основе которого лежат представления о существовании неоднородностей в пределах одного поля. Для оценки и детектирования этих неоднородностей используются новейшие технологии, такие как системы глобального позиционирования (GPS, ГЛОНАСС), специальные датчики, аэрофотоснимки и снимки со спутников, а также специальные программы для агроменеджмента на базе ГИС и другие разработки.

Для России проблема гарантированного обеспечения продовольствием и сельскохозяйственным сырьем является первостепенной задачей стабилизации экономики и обеспечения национальной продовольственной безопасности. Данная проблема может быть решена только на основе инновационного развития АПК. Это связано с преодолением ряда серьезных угроз. Основными из них являются [2]:

1. Усиление конкуренции в аграрной экономике в глобальном масштабе, включающем рынки товаров, услуг и капитала, других составляющих экономического развития АПК.

2. Низкая производительность труда в сельском хозяйстве, недостаточно полное использование социально-экономических и природных факторов производства, что обусловливает низкую эффективность большинства сельскохозяйственных производителей и даже стагнацию производства.

3. Недостаточный уровень квалификации трудовых ресурсов в сельской местности. Это обусловлено социально-экономическими проблемами развития сельской местности, включая узкую специализацию аграрных территорий.

4. Невозможность достижения продовольственной безопасности России при сохранении сложившихся тенденций в развитии АПК и действующих механизмах его государственной поддержки.

Отечественное сельское хозяйство не обеспечивает население доступным и качественным продовольствием в объемах и структуре, соответствующих рациональным научно-обоснованным нормам питания.

В итоге, среди сельскохозяйственных товаропроизводителей лишь небольшое количество хозяйств используют инновационные технологии. На данный момент передовые техника и технологии имеются примерно в 1,5 % крупных аграрных организаций и менее чем в 0,5 % фермерских (крестьянских) хозяйств, использующих современную зарубежную технику и технологии, включая посевной материал. При этом они эффективно производят более 10 % всей сельскохозяйственной продукции в стране. Наибольшее распространение получили инновационные предприятия свиноводческого, птицеводческого направления и овощеводства закрытого грунта.

Перспективным направлением формирования инновационных структур в АПК является создание продовольственных кластеров (мясных, молочных и др.) на основе агрохолдингов. В качестве примера формирования агропромышленных кластеров можно рассмотреть мясной кластер Республики Мордовия, специализирующийся на птицеводстве, свиноводстве и мясном скотоводстве.

Мясной кластер Мордовии включает следующие компоненты.

1. Производство и переработка. Данный блок включает организации и предприятия, чья деятельность непосредственно связана с производством и переработкой скота и птицы. В качестве предприятий-лидеров выделяется группа компаний «Талина» – вертикально интегрированный холдинг по производству свинины и продуктов из нее, входящий в десятку крупнейших мясо-колбасных компаний России, который включен в перечень системообразующих организаций России (2008) [3]. Группа образована в 2003 г. в результате последовательного поглощения нерентабельных, физически и морально устаревших предприятий агропромышленного комплекса. Базой послужил Атяшевский мясоперерабатывающий комбинат (ныне – мясоперерабатывающий комплекс (МПК) «Атяшевский»), расположенный в рабочем поселке Атяшево Атяшевского района Мордовии. Основные активы «Талины» сосредоточены в региональном холдинге «Мордовский бекон», в состав которого входят 6 свинокомплексов, на которых

содержатся более 150 тыс. животных. В 2010 г. «Талина» объединяла свыше 30 хозяйственных структур, включая сельскохозяйственные предприятия, 4 мясоперерабатывающих предприятия, комбикормовый завод, автотранспортные предприятия, станции технического обслуживания, вспомогательные и обслуживающие производства (ЗАО «Агроводоканал», СПССК «АгроСнаб-М»), торговый дом в Саранске с филиалами в крупнейших городах России, собственный селекционно-генетический центр, лаборатории. В 2011 г. прибыль агрохолдинга составила 6,1 млрд. руб. Его замкнутый производственно-сбытовой цикл охватывает все этапы производства и продажи мясных изделий, начиная с выращивания зерна на полях общей площадью около 100 тыс. га (кукуруза, продовольственная пшеница, сахарная свекла, пивоваренный ячмень, гречиха, горох).

«Талина» является динамично развивающейся структурой, непрерывно реализующей инвестиционные проекты. В настоящее время самым крупным инвестиционным проектом на территории республики является строительство крупнейшего свиноводческого комплекса в Ковылкинском районе с объемом реализации в год 12 тыс. тонн свинины в живом весе. Целью проекта является увеличение объемов производства высококачественной свинины на основе современных технологий с применением новейшего оборудования. Другим крупным мясоперерабатывающим предприятием кластера, не входящем в «Талину», является МПК «Оброченский».

Предприятиями-лидерами в кластере являются также птицеводческие предприятия: ОАО «Агрофирма «Октябрьская»», ОАО «Птицефабрика «Атемарская»», ОАО «Птицефабрика «Чамзинская»», ЗАО «Агро-Атяшево». Всего в 2009 г. поголовье птицы в них составляло около 6,4 млн. голов, из которых более 75 % было сосредоточено на птицефабриках Лямбирского района (Агрофирма «Октябрьская» и Птицефабрика «Атемарская»). В агрофирме «Октябрьская» имеется современный завод гранулированных комбикормов, аналогов которому нет не только в Мордовии, но и в России. По производству яиц и мяса на душу населения регион находится на первом месте в Приволжском федеральном округе и занимает лидирующее положение в России. Предприятия этого блока отличаются многопрофильностью работы всех отраслей производства, переработки и реализации продукции, что дает возможность конкурировать с ведущими предприятиями России.

Кроме того к этому же блоку относятся многочисленные сельскохозяйственные предприятия и фермерские (крестьянские) хозяйства производящие корма для отраслей животноводства, прежде всего, фуражное зерно.

Перспективно развитие на инновационной логистической основе организации переработки и хранения сельскохозяйственной продукции на сельских территориях на основе кооперации и обеспечение регулярной доставки в распределительные центры и торговые сети готовых к употреблению продуктов питания.

Таким образом, достижение продовольственной безопасности России возможно только на основе формирования инновационного АПК при существенной государственной поддержке, особенно на начальных этапах его развития.

Литература

1. Баркер А. Алхимия инноваций / Под ред. В. Б. Кулябиной. М.: Вершина, 2003. 224 с.

2. Стратегия инновационного развития АПК до 2020 г. Проект / Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства Россельхозакадемии. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vniiesh.ru/

3. Официальный сайт группы компаний «Талина» [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: http://www.talinagroup.ru/

УДК 911.3:327

И. Ю. Окунев

КРИТИЧЕСКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И ПОСТКРИТИЧЕСКИЙ СДВИГ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПАРАДИГМЕ ГЕОПОЛИТИКИ

CRITICAL GEOPOLITICS AND POST-CRITICAL SHIFT IN GEOPOLITICS RESEARCH PARADIGM

Представлен обзор новой области геополитики, получившей развитие на Западе в последние два десятилетия, – критической геополитики. Анализируются методологические и тематические инновации этого направления, его противостояние классической геополитике, а также перспективы объединения оппонентов в рамках посткритического сдвига в исследовательской парадигме.

The article presents a review of the new geopolitics that developed in the West in the last two decades - a critical geopolitics. Methodological and thematic innovations are analyzed

of this approach, its confrontation with classical geopolitics, as well as the prospects of unification opponents within postcritical shift in the research paradigm.

Ключевые слова: геополитика; критическая геополитика; пространственный миф; географическое воображение

Keywords: Geopolitics, critical geopolitics, space myth, geographical imagination

Сам термин “критическая геополитика” появился в конце 80-х годов для обозначения нового направления в англо-американской политической географии. Его появление тесно связано с деятельностью двух ученых Саймона Дэлби и Жиро О’Туэхила; можно утверждать, что его появление было вполне закономерным: в конце периода холодной войны многие американские и европейские ученые чувствовали необходимость наконец “ухватить” на тот момент едва уловимую связь между идеями и политическими практиками, связанными с территориальным экспансионизмом и доминирующей ролью пространства. Критическая геополитика в первую очередь обвиняет приверженцев традиционного подхода в поверхностной трактовке политической карты мира, в евроцентризме, в оправдании милитаризации в послевоенный период, что привело к гонке вооружений в Европе и других регионах. Современная критическая геополитика отходит от традиционных в геополитике и неоправданных в современном мире бинарных оппозиций и развивается с учетом современных тенденций к глобализации и информатизации, предлагая вместо бинарного – объединяющий подход.

К концу 90-х критическая геополитика превратилась в междисциплинарное явление, объединившее множество исследований, которые сформировали четыре основных направления критической геополитики: практическая геополитика (изучение географических и политических представлений/рассуждений в их практической реализации –политические практики), формальная геополитика (изучение географического и исторического контекстов, в которых появились и развивались конкретные политические, географические и стратегические идеи), популярная геополитика (изучает воздействие геополитического образа на массовую культуру – формирование в обществе геополитических стереотипов), структурная геополитика (изучает влияние глобализации, информатизации и экономических преобразований на государственное управление).

Однако, помимо неоспоримых достоинств, критическая геополитика обладает существенными недостатками. Во-первых, недостаточное внимание уделяется неевропейским геополитическим представлениям и формам правления. Во-вторых, было выявлено, что в англоязычной критической геополитике практически не затрагивалась постколониальная проблематика, опыт постколониальных территорий. В-третьих, несмотря на уверения в обратном со стороны приверженцев критической геополитики, государство не отступает перед лицом глобализации, а реагирует самым жестким образом. И на фоне действий государства как института, призванного защитить права человека, который в то же время спонсирует массовые убийства, гуманитарная интервенция в большинстве случаев остается проблематичной. В-четвертых, критическая геополитика напрасно не включает в сферу своих интересов военную и стратегическую области. В-пятых, в рамках критической геополитики проводится недостаточно этнографических исследований, в том числе и посвященных тому, как геополитические концепты проникают (или формируются) в сознании обывателей. Например, как формируются так называемые "воображаемые сообщества", т.е. как происходит идентификация определенного национального опыта и, как следствие, причисление себя к сообществу, члены которого обладают этим признаком. Таким образом, по словам Линде-Лорсен, история "территориализируется", а территория – "историзуется" . Помимо прочего, критическая геополитика должна отражать отношения между географическими представлениями официальных лиц (практиков государственного управления), представителей науки, интеллигенции и массовыми рассуждениями, а также результат их взаимодействия с массовой культурой.

Критическая геополитика незаслуженно недооценивает достижения традиционного подхода и использует чересчур грубые формулировки при критике традиционного подхода, что способствует еще большему конфликту двух направлений (хотя, для развития науки необходимо как раз обратное); она уделяет чересчур большое внимание дискурсу и наоборот, недостаточное – процессу принятия решений.

Таким образом, сегодня можно уже говорить о переходе западной геополитики к новой фазе своего развития – посткритической, в которой традиционный предмет геополитики (география международных отношений) уже рассматривается с учетом

критики детерминистских представлений, получившей развитие в критической геополитике.

УДК 911.3.

П. В. Осодоев

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ И МОНГОЛИИ[1]

INTEGRATION PROCESSES ON THE BORDER TERRITORIES OF RUSSIA AND MONGOLIA

Рассмотрены особенности развития интеграционных процессов на приграничных территориях России и Монголии. Выявлены тенденции экономической и социальной активности по обе стороны государственной границы.

Features of the integration processes development of the Russia and Mongolia border territories are considered in the article. Tendencies of economic and social activity on both border are revealed.

Ключевые слова: интеграция, приграничные территории, сотрудничество, Монголия

Keywords: integration, border territories, cooperation, Mongolia

Современная геополитическая ситуация характеризуется динамичным экономическим развитием сопредельных с Россией государств Восточной Азии, в том числе Монголии. Это определяет необходимость многостороннего расширения взаимоотношений России с соседними странами. В этой связи, в Азиатской России приоритетными является укрепление связей России и Монголии в условиях глобализации и вхождение этих стран в мировое экономическое пространство.

Понятие «интеграция» (от латинского «integrum» – целое; латинского «integratio» – восстановление, восполнение) – процесс увеличения тесноты связей между географическими образованиями, часто сопровождающийся увеличением числа общих признаков [1]. При этом интеграционные процессы – это процессы взаимного сближения и образования взаимосвязей между приграничными территориями, объединения потенциалов для развития социально-экономического сотрудничества между странами.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ № 12-32-01231.

Важными предпосылками для дальнейшего развития интеграционных процессов России и Монголии являются устоявшиеся историко-географические условия и закономерности, нормативно-правовая база, специфика природно-ресурсного, демографического и экономического потенциалов, регламентированный режим государственной границы, полномочия региональных властей в осуществлении международной деятельности и развитость приграничной инфраструктуры, включая пограничные пункты пропуска.

Приграничные территории России и Монголии включают 5 субъектов России (Республика Алтай, Тыва, Бурятия, Забайкальский край) и 8 аймаков Монголии (Баян-Улгий, Завхан, Увс, Хувсгел, Булган, Сэлэнгэ, Хэнтий, Дорнод). Площадь этой территории составляет более 1636,9 тыс. км^2, а численность населения – более 3299,6 тыс. чел. Так, в приграничных российских субъектах проживает 2604,6 тыс. чел. (1,8 % населения России), в приграничных монгольских аймаках – 695,0 тыс. чел. (28,8 % населения Монголии) [2, 3].

Одним из важных условий и предпосылок в развитии интеграционных связей приграничных территорий является природно-ресурсный потенциал. Разнообразные природные ресурсы, сосредоточенные на территории исследования, имеют региональное и международное значение. Вместе с тем, эта территория (на большей части) со своеобразными и трудными для освоения природными условиями, слабозаселенная, с неразвитой инфраструктурой, имеет специфические проблемы для освоения её природных ресурсов. Основными направлениями развития приграничного сотрудничества между Россией и Монголией в освоении имеющегося природно-ресурсного потенциала, на наш взгляд, являются следующие: 1) Совместное освоение полезных ископаемых, наиболее перспективными из которых являются месторождения урана аймака Дорнод, серебряных руд Асгата, угольное месторождение Улаан-Овоо и др.; 2) Использование рекреационных ресурсов, наиболее перспективными из которых являются туристско-рекреационные ресурсы трансграничных систем «Байкал - Хубсугул», «Большой Алтай», где необходимо создать условия для посещения не только российских и монгольских туристов, но и туристов из третьих стран; 3) Трансграничное сотрудничество в области сохранения биоразнообразия и охраны окружающей среды, охраны водных ресурсов, включая мониторинг качества вод р. Селенга, впадающей в озеро Байкал; 4) Сотрудничество в области освоения лесных ресурсов российской

части (учитывая, при этом, их нехватку на монгольской стороне) представляется выгодным.

По социально-экономическому развитию приграничные субъекты России относятся к регионам с низким уровнем развития, характеризуются как депрессивные территории, и приграничное сотрудничество позволит дать импульс развитию экономики. Приграничные аймаки по социально-экономическому потенциалу уступают приграничной территории России; в силу недостаточного экспортного потенциала приграничных аймаков Монголии, российские приграничные субъекты ведут торгово-экономическое сотрудничество в целом с Монголией. В сотрудничестве России и Монголии на приграничные регионы в 2012 г. приходилось около 2,7 % (52,3 млн. долл. США) товарооборота; так на Республику Бурятия – 2,4 %, Забайкальский край – 0,2 %, Республику Алтай – 0,1 %, Республику Тыва – 0,03 % [4]. На приграничные субъекты в российско-монгольской торговле приходится 4,7 % импорта России, в основном представленного продукцией животноводства. Импульсом для развития приграничных связей между Монголией и Россией является создание торгово-экономических зон на территории Монголии «Алтан-Булак» (Алтан-Булак – Кяхта) и «Цаган-Нур» (Цаган-Нур – Ташанта).

Демографический потенциал приграничных регионов России характеризуется более высокими показателями по сравнению со среднероссийским уровнем, но он значительно ниже, чем на сопредельной монгольской территории. Негативные тенденции сокращения численности населения на российской территории вследствие миграционной убыли способствуют опережающему сокращению демографического потенциала приграничных субъектов России. В Монголии рост населения приграничных аймаков и более высокие показатели воспроизводства населения способствуют росту и укреплению демографического потенциала.

Развитие приграничной инфраструктуры является одним из важных факторов интенсификации интеграционных процессов. Российско-монгольская граница характеризуется низкой насыщенностью пунктов пропуска; так, среднее расстояние между постоянными пунктами пропуска составляет 387,2 км. Развитие приграничной инфраструктуры, увеличение пропускной способности, обустройство и переоснащение пунктов пропуска позволит использовать преимущества территорий, будет способствовать увеличению приграничной торговли. Наибольшую интенсивность приграничного взаимодействия имеют муниципалитеты, располагающие относительно развитой транспортной и приграничн-

ной инфраструктурой. В то же время в других административных районах, где нет постоянных пунктов пропуска, затруднены приграничные контакты. Наибольшей интенсивностью перемещения людей на границе России и Монголии отличаются пункты пропуска Кяхта – Алтан-Булак (52,3 %) и Наушки – Сухэ-Батор (20,1 %).

Итак, основными направлениями интеграции приграничных территорий можно считать развитие приграничной инфраструктуры и туризма, создание торгово-экономических зон, совершенствование поставок энергоресурсов (электроэнергии, природного газа) в Монголию, освоение природных ресурсов, решение экологических вопросов (трансграничные реки, перенос трансграничных загрязнений), модернизацию комплекса приграничной инфраструктуры, формирование и совершенствование законодательной базы приграничного сотрудничества.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. – М.: Мысль, 1983. – 350 с.

2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. − М., 2010. – 996 с.

3. Mongolian statistical yearbook 2010. – Ulaanbaatar, National Statistical Office of Mongolia, 2011. – 450 p.

4. Внешняя торговля субъектов РФ Сибирского федерального округа – http://stu.customs.ru.

УДК 911.3

Н. Н. Пашинская

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОЙ РЫНОК ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ

FEATURES OF REALIZATION OF UKRAINE'S TRANSIT POTENTIAL IN THE CONTEXT OF INTEGRATION INTO THE GLOBAL MARKET OF TRANSPORT SERVICES

Рассмотрены факторы и особенности реализации транзитного потенциала Украины в контексте интеграции в мировой рынок транспортных услуг. Выявлены региональные особенности локализации транзитного потенциала; проведен геогра-

фический анализ экспорта транспортных услуг и предложены направления активизации использования транзитных преимуществ территории.

The factors and features of the transit potential of Ukraine in the context of integration into the global market of transport services are considered. Regional features of localization of the transit potential are identified, geographical analysis of export of transport services is carried out and directions of advancing the use of benefits of transit territory are proposed.

Ключевые слова: транспортная система, рынок транспортных услуг, транзитный потенциал, экспорт транспортных услуг.

Keywords: transport system, the market of transport services, transit capacity, the export of transport services.

Современные тенденции развития мировой экономики характеризуются расширением экономических связей между странами и континентами, ростом объемов международной торговли, что обусловливает постоянное увеличение транснациональных транспортных потоков и международного транзита пассажиров и грузов. В этих условиях повышается роль транспорта и усиливается его значение как интегрирующей системы взаимодействия между странами. Развитие транспортной инфраструктуры, высокий уровень транспортной обеспеченности является одним из основных приоритетов государственной политики во многих высокоразвитых странах. Уникальное географическое местоположение, развитая транспортная инфраструктура, значительный транзитный потенциал позволяют Украине получать значительные преимущества и доходы от динамичного развития транспортного сектора и его интеграции в мировой рынок транспортных услуг. Выгодное местоположение Украины, которая находится на перекрестке торговых путей между Европой и Азией, определяет высокий уровень транзитности ее территории.

Транзитный потенциал – это потенциальные возможности имеющихся и дополнительно создаваемых в стране объектов и средств производственной, институциональной и информационной инфраструктуры обеспечивать бесперебойную и безопасную транспортировку транзитных грузов для их потребления в других странах под таможенным контролем через территорию страны транспортными средствами всех видов транспорта [1]. По своей сути транзит является экспортом транспортных услуг, предоставляемых национальными компаниями грузовладельцу и перевозчику при прохождении груза и транспортного средства по территории Украины.

Транзитный потенциал зависит от системы факторов:

• транспортно-географического положения государства, размещения его относительно глобальных экономических центров, уровеня развития транспортной системы и отдельных видов транспорта;

• обеспеченности транспортными средствами и качественными путями сообщения, их пропускной способности, применения новейших средств и технологий перевозок, технического сервиса, использования логистики, организации и управления перевозками;

• государственной политики в сфере транзита, стабильности и безопасности перевозок;

• тенденций развития мировой торговли и объемов континентальных и межконтинентальных транзитных товаропотоков;

• транзитной политики соседних стран-транзитеров.

Основными элементами транспортной инфраструктуры, обеспечивающими транзитность территории, являются международные транспортные магистрали (транспортные коридоры), транспортно-логистические центры и складские терминалы.

Технологические мощности транспортной инфраструктуры Украины дают возможность перевозить железными дорогами, автомобильным транспортом и перерабатывать в портах свыше 60-70 млн. тонн и доставлять трубопроводным транспортом около 200 млн. тонн транзитных грузов. Однако, имеющийся транзитный потенциал используется на 70%, а на транспорте общего пользования (без трубопроводов) – лишь на 50% [2]. В частности, пропускные способности железнодорожных транспортных коридоров №3, 5, 9 используются лишь наполовину. Не отвечают современным требованиям показатели по скорости, качеству и эффективности перевозок пассажиров и грузов. Существуют проблемы в дорожно-транспортной, таможенно-приграничной и логистической инфраструктуре, недостаточно развиты мультимодальные (комбинированные) и контейнерные перевозки, что определяет низкий уровень качества предоставляемых транспортных услуг, их несоответствие международным требованиям.

Транспортному потенциалу регионов Украины свойственна значительная территориальная дифференциация. Высокий уровень развития транспорта наблюдается в промышленно развитых областях, для которых характерны значительные объемы перевозок, плотность путей сообщения и интенсивность грузопо-

токов (Донецкая, Днепропетровская, Одесская), а также в регионах, имеющих выгодное транзитное положение и, соответственно, высокую плотность транспортных магистралей (Черкасская, Тернопольская области). Показатель со значением выше среднего имеют Киевская, Кировоградская, Николаевская, Полтавская, Львовская, Закарпатская области, для которых свойственны значительный уровень транзитности территории и высокая плотность путей сообщения. Низкий уровень развития транспортного сектора наблюдается в Волынской, Сумской, Черниговской, Ивано-Франковской, Черновицкой, Винницкой, Херсонской областях, экономика которых имеет аграрную специализацию, а потому здесь наблюдаются незначительные объемы перевозок, невысокая плотность транспортной сети.

Таким образом, концентрация значительного транспортного потенциала способствует развитию транзитных перевозок и увеличению экспорта транспортных услуг. Они составляют наибольшую долю в структуре экспорта услуг. В частности, доля транспорта в экспорте услуг Украины в 2010 г. составляла 66,7%. Высокий уровень концентрации транспортных услуг наблюдается в Одесской области (предприятиями которой предоставляется 34,3% объема экспорта транспортных услуг в Украине), г. Киев (34,1%), Киевской (8,2%), Донецкой (8%), Николаевской (4,1%) областях, АР Крым (3,8%). В структуре экспорта преобладает трубопроводный транспорт (43%), значительная доля железнодорожного (19%), морского (16%) и воздушного транспорта (15%). Экспорт транспортных услуг в Украине динамично растет, отражая общемировые тенденции. Географически он распределен неравномерно. Более половины украинского экспорта транспортных услуг приходится на Российскую Федерацию (53,3%). Это преимущественно услуги трубопроводного транспорта (транзит газа и нефти), а также железнодорожного и морского. Важными торгово-экономическими партнерами в этой сфере являются Великобритания (5,1%), Кипр (3,3%), Швейцария (3,1%), США (2,8%), Бельгия (2,7%), Германия (2,3 %), Виргинские острова (Великобритания) (1,8%), Турция (1,8%), Панама (1,7%) [3].

В 2010 г. по территории Украины перевезено 152,3 млн. т транзитных грузов. В транзите грузов преобладает трубопроводный транспорт (65,3%), также значительна доля железнодорожного (29,2%) транспорта. Основными видами транзитных грузов являются энергетические материалы, нефть (80,4%), руды (4,8%),

минеральные удобрения (3,2%), черные металлы (2,3%). Странами, которые отправляют наибольшее количество транзитных грузов через территорию Украины, являются страны СНГ: Россия, Казахстан, Беларусь и Молдова, на которые приходится 94,7% всего объема транзита. Доля Российской Федерации в общем объеме транзита составляет 84,6%. В отправлении грузов трубопроводным транспортом доля Российской Федерации составляет 98,2%, железнодорожным – 67,1%, автомобильным – 20,1%, морским – 13,1%. Доля Казахстана составляет 6,4% общего объема транзита [4].

Таким образом, мировые интеграционные процессы способствуют формированию рынка транспортных услуг, активизации использования транзитных преимуществ территории, развитию сети МТК. Транспортный сектор является важной составляющей в структуре экономики Украины, эффективное функционирование которого способствует включению ее в европейскую и мировую экономические системы. С целью интеграции украинской транспортной системы в мировой рынок транспортных услуг необходимо обеспечить развитие экспорта транспортных услуг, эффективно использовать транзитный потенциал, повышать конкурентоспособность отечественного транспорта на международном рынке транспортных услуг. В связи с этим приоритетами реформирования транспортной отрасли являются: усиление процесса интеграции транспортной системы Украины в общеевропейскую и мировую транспортные сети; интенсификация мультимодальных перевозок с использованием автомобильного, железнодорожного и морского транспорта; повышение пропускных способностей морских и речных портов; формирование действенной транспортно-логистической системы на восточном и западном направлениях; активизация сотрудничества со странами ЕС в развитии трансъевропейских транспортных сетей (TEN-T) и новых транснациональных транспортных осей на территории Украины; внедрение европейских стандартов качества предоставления услуг.

Литература

1. Блудова Т.В. Транзитный потенциал Украины: формирование и развитие. Монография. - К.: НИМБ, 2006. - 276 с. *(на укр. языке)*.

2. Внешняя торговля Украины в 2010 г. Статистический сборник / Государственная служба статистики Украины. - К., 2011. - 102 с. *(на укр. языке)*.

3. Реализация потенциала транспортной инфраструктуры Украины в стратегии посткризисного экономического развития. - К.: НИСД, 2011. - 37 с. *(на укр. языке)*.

4. Транспорт и связь Украины 2010. Статистический сборник / Государственная служба статистики Украины. - К., 2011 - 267 с. *(на укр. языке)*.

УДК 911.3

Г. П. Подгрушный, А. А. Денисенко

БОЛЬШОЙ ГОРОД И ОКРУЖАЮЩАЯ ТЕРРИТОРИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИЕВА)

BIG CITY AND SURROUNDING AREAS: PECULIARITIES OF THE SOCIO-ECONOMIC INTERACTION (ON THE EXAMPLE OF KYIV)

Определена интенсивность и направленность социально-экономического влияния Киева на окружающую территорию. На основе сопряженного анализа удаленности от Киева и уровня социально-экономического развития выделено три основных типа районов –центральные, полупериферийные и периферийные. Установлено, что границы между этими ареалами не являются жесткими и фиксированными. Их подвижность определяется как воздействием ядра, так и внутренним потенциалом развития районов.

The intensity and orientation of socio-economic influence of Kyiv on surrounding areas are determined. On the basis of ad joint analysis of remoteness from Kyiv of the social and economic level of development three major region types were singled out: central, semi peripheral and peripheral. It was determined, that boundaries of these areas are not stable and fixed. Their mobility is defined both nucleus influence and inner potential of region development.

Ключевые слова: модель «центр-периферия», индекс социально-экономического развития, импульсы развития, социально-экономические лакуны.

Keywords: core-periphery model, index of socio-economic development, development impulses, socio-economic lacunas.

Исследование интенсивности воздействия крупных социально-экономических центров на территорию и его доминирующих направлений является важной и актуальной задачей как с точки зрения управления региональным развитием, так и

решения ряда маркетинговых задач. При этом, с точки зрения регионального развития, основной целью определения зон влияния центров является активизация адаптирующей, стимулирующей роли, которую выполняют города как полюсы роста и генераторы инновационных сдвигов в территориальном развитии.

Вместе с тем, с методической точки зрения определение зон влияния центров является достаточно сложной задачей, поскольку предполагает выявление общего комплексного воздействия городов на территорию как континуально организованную часть пространства. Проводившиеся ранее исследования по данной проблематика не позволяют: а) сформировать целостное представление о взаимосвязи социально-экономического развития территории и функционирования крупных центров социально-экономической активности, как ее консолидирующих ядер; б) обосновать зависимость уровней социально-экономического развития территории от доступности к центрам с определенным функционально-иерархическим статусом и динамикой развития.

Таким образом, разработанная нами методика была направлена на определения влияния центров различного функционально-иерархического уровня на социально-экономическое развитие территории. Наше исследование проводилось в пределах Киевского Приднепровья, где происходит сопряженное функционирование центров национального (Киев) и регионального (Чернигов, Житомир, Черкассы) уровней. Принципиальное значение, при этом, имела проблема определения границ интенсивности социально-экономического влияния центров на территорию, а также дифференциация районов по уровню их социально-экономического развития, что, по сути, дало возможность выделить центральные, полупериферийные и периферийные ареалы.

Следует подчеркнуть, что, в соответствии с центро-периферийной моделью в ее современной трактовке [1-3], и центральные, и периферийные районы воспринимаются не как статичные, а такие, что способны к трансформации и в своем развитии проходят несколько стадий. При наличии или отсутствии соответствующих условий и ресурсов развития, человеческого капитала, «готовности» населения и элит к активному восприятию инноваций (не только технологических, но и социальных и организационных) периферия может приобретать признаки полупериферии, а полупериферия – признаки центра (и наоборот).

Таким образом, любая территория является гетерогенной для прохождения импульсов развития, генерируемых центром. Поэтому и «глубина» проникновения этих импульсов по террито-

рии будет различной. Определяющую роль, при этом, играет наличие на территории значительных транспорно-коммуникационных коридоров и сложившихся транспортных сетей, которые обеспечивают распространение этих импульсов.

Вместе с тем следует отметить, что природа импульсов развития, генерируемых центром, является чрезвычайно сложной и мало исследованной не только в отечественной, но и в мировой науке. Происхождение этих импульсов не может быть сведено лишь к агломерационному эффекту. Параллельно с ним здесь действуют и другие факторы, сочетания и «наложения» которых создает синергию, как суммирующий эффект взаимодействия ряда факторов, который существенно превышает простую сумму эффектов каждого из них [4].

В числе факторов, генерирующих импульсы развития ядер, следует назвать:

1. Функционирования крупных городов как мощных рынков товаров и услуг, притягивающих к себе производителя и дающих ему дополнительные экономические преимущества за счет экономии масштаба и сокращения транспортных расходов;

2. Экономия затрат в результате совместного использования субъектами хозяйствования крупных городов и окружающей территории инженерной, производственной, социальной инфраструктуры, имеющихся условий и ресурсов развития, человеческого капитала, что порождает агломерационный эффект;

3. Уплотнение в крупных городов и вокруг них коммуникативного пространства межличностных связей, обеспечивающих возникновение инновационных эффектов вследствие оперативного обмена информацией, идеями, изобретениями и т.п.;

4. Стремительный рост цены на землю и другие ресурсы в рамках крупных городов, «выталкивающий» на прилегающую территорию отдельные виды экономической деятельности и, тем самым, стимулирующий ее развитие;

5. Динамичная социальная среда с высокой способностью генерирования и восприятия социальных инноваций (форм занятости, ритма жизни, социальных потребностей, стандартов потребления и т. п.).

Таким образом, уровень социально-экономического развития территории является производным, с одной стороны, от мощности импульсов развития, генерируемых центром, а с другой, – определяется имеющимся на территории потенциалом развития и ее способностью к восприятию воздействий центра. Отсутствие указанных предпосылок развития даже в непосредственной бли-

зости от центра может вызвать формирование ареалов с периферийными признаками, своеобразных *социально-экономических лакун.*

В связи с этим проведенное нами исследование было направлено на:

- Выявление социально-экономических лакун в зоне влияния центров социально-экономической активности различного иерархического уровня;
- Установление причин пониженной интенсивности влияния центра на определенные территории, что предопределяет распространение на них «синдрома периферийности»;
- Определение возможных направлений активизации влияния центров на периферийные территории.

Учитывая ключевую роль Киевского Приднепровья в территориальной организации хозяйства и расселения страны, решение этих проблем является важным основанием для принятия планировочных решений и корректировки негативных тенденций регионального развития государства в целом.

Проведенное нами исследование предусматривало реализацию нескольких последовательных этапов.

1. Определение уровней экономического, социального и комплексного, уровня социально-экономического, уровня развития административных районов. При этом, уровень экономического развития представляет собой сводный показатель, который рассчитывается как средняя величина территориальных индексов: объемов продукции промышленности, сельского хозяйства, инвестиций в основной капитал, строительства, экспорта, торговли, услуг. Уровень социального развития представляет собой среднюю величину территориальных индексов введения в действие жилья (этот и предыдущие показатели приводятся в расчете на 1 жителя), средней заработной платы и уровня безработицы. Интегральный индекс социально-экономического развития районов рассчитывается как взвешенная сумма индексов экономического и социального развития. Эта методика была разработана Ю.Д. Качаевым и Г.П. Подгрушным и апробирована при выполнении целого ряда научных проектов [5, 6];

2. Определение удаленности центров административных районов от национального (г. Киев) и региональных центров (г. Житомир, Черкассы, Чернигов). Эта удаленность определялась по путям сообщения как расстояние (в километрах), так и как доступность (в минутах);

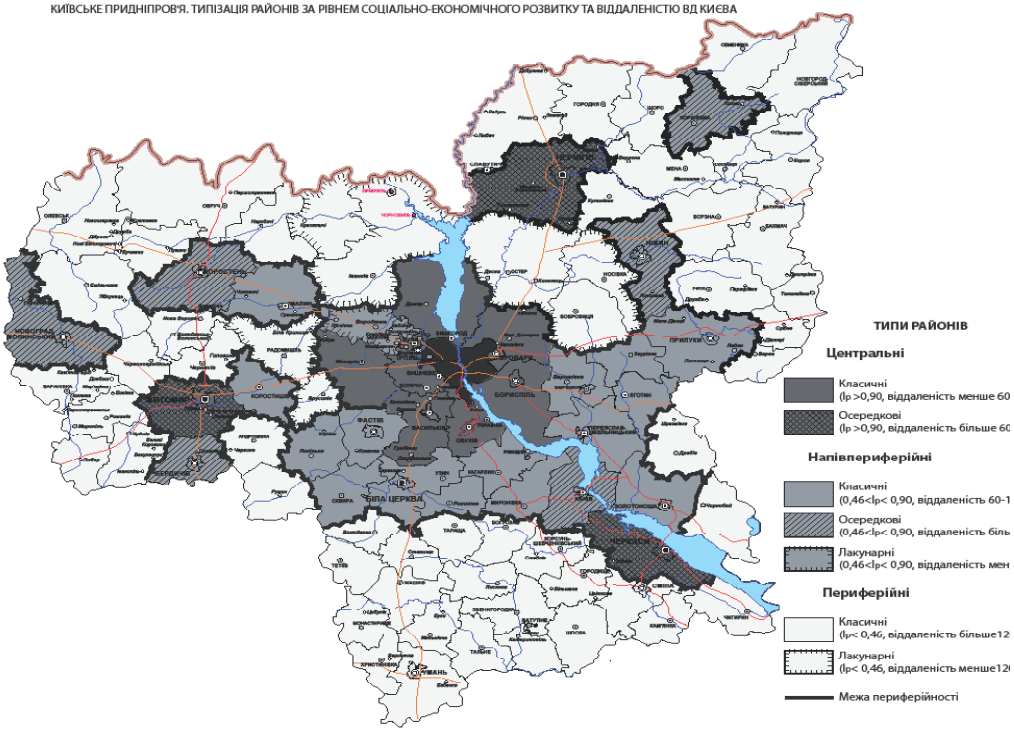


Рис. Киевское Приднепровье. Типизация районов по уровню социально-экономического развития и отдаленности от Киева

3. Проведение корреляционного анализа и установления зависимости между удаленностью районов от ядер влияния и уровнем экономического и социального развития территории. Анализ полученных результатов осуществлялся по следующим позициям: выявление интенсивности влияния центров на развитие территории, сравнение интенсивности влияния центров различных функционально-иерархических рангов, определение пространственных зон с разной интенсивностью влияния основного ядра – Киева;

4. Типизация районов по уровню социально-экономического развития и удаленности от основного ядра и выявление, на этой основе, центральных, полупериферийных и периферийных ареалов. Выявление социально-экономических лакун в зоне влияния Киева как территорий, характеризующихся близостью к ядру в сочетании с низким уровнем социально-экономического развития.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Влияние Киева на социально-экономическое развитие прилегающей территории имеет центробежно-зональный характер с пороговым падением интенсивности на границе примерно 60 и 120 километров.

2. Влияние региональных центров (Житомира, Чернигова и Черкасс) является пока незначительным и недостаточным для обеспечения интенсивного социально-экономического развития районов соответствующих областей.

3. Выявлено, что влияние Киева на социально-экономическое развитие районов Житомирской и Черниговской областей выше, чем влияние их областных центров.

4. Сопряженный анализ удаленности от Киева и уровня социально-экономического развития районов позволил выделить три основных типа районов – центральные, полупериферийные и периферийные и их подтипы – классические, очаговые и лакунарные. Районы каждого из типов в пределах Киевского Приднепровья формируют достаточно целостные территориальные зоны (рисунок).

5. Установлено, что принадлежность к этим типам и подтипам определяется комплексом динамических факторов экзогенного и эндогенного характера. К первым относятся особенности и интенсивность импульсов развития, генерируемых центром, ко вторым – потенциал развития самих районов, их способность к восприятию положительных воздействий центра.

6. Вследствие асинхронного и разнонаправленного действия этих факторов, границы между центральной, полупериферийной и периферийной зонами не являются жестко фиксированными и статичными. Они достаточно изменчивы как во временном, так и пространственном измерениях.

Литература

1. John Friedmann Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela. — MIT Press, 1966. — 279 p.

2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии: Монография. – М.: Наука, 1991. – 168 с.

3. P.J. Taylor, M. Hoyler, D. Smith Cities in the Core-Periphery Economic Structure of the Modern World-System: Polarization or Convergence? // GAWC RB 380. – 2011.

4. Чернавский Д. С. Синергетика и информация: Динамическая теория информации.— М.: УРСС, 2004. – 288 с.

5. Підгрушний Г.П., Качаев Ю.Д. Вплив інвестиційних чинників на соціально-економічний розвиток міст різних функціонально-господарських типів // Досвід та перспективи розвитку міст України. Соціально-економічні аспекти містобудування: збірник наукових праць. – Вип 16. – К.: Ін-т «ДІПРОМІСТО», 2009. – С. 79 – 87.

6. Качаев Ю.Д. Территориальные особенности социально-экономического развития регионов украинско-российско-белорусского пограничья // Проблемы общественной географии. Приграничные территории: методологические подходы и опыт исследований: сборник научных трудов. – Вып. 2. – К.: Ин-т географии НАН Украины, 2010. – С. 59 – 65.

УДК 339.91

Т. И. Потоцкая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВОГО КОМПЛЕКСА

THEORETICAL MODELS OF THE DIAMOND COMPLEX FORMATION

Сформулированы результаты исследования закономерностей размещения и функционирования предприятий всех отраслей алмазно-бриллиантового комплекса – алмазной, гранильной, ювелирной – на основе теории международной конкурентоспособности. Особое внимание уделено выявлению международных конкурентных преимуществ перечисленных отраслей в зависимости от макросреды, в которой осуществляется деятельность их предприятий: наличия (отсутствия) экономи-

ческих ресурсов; характера спроса на внутреннем рынке; развитости родственных и смежных отраслей; уровня менеджмента и конкуренции в стране; экономической политики правительства. Выявлены причины, определяющие возникновение и развитие каждой отрасли алмазно-бриллиантового комплекса в разных государствах в рамках заявленной модели.

In this article the results of the study regularities of placement and functioning of enterprises of all branches of the diamond complex - diamond, diamond cutting, jewelry based on the theory of international competitiveness are formulated. Special attention is given to the identification of international competitive advantages listed branches depending on macro environment in which the activities of their companies are performed: the presence (or absence) of economic resources, the nature of demand in the internal market, the development of related and interconnecting industries, the level of management and competition in the country, the economic policy of the government . The reasons determing the appearance and development of each branch of the diamond complex in different countries within the determined model are identified.

Ключевые слова: алмазно-бриллиантовый комплекс, теория международной конкурентоспособности, теории международных экономических отношений

Keywords: diamond industry, the theory of international competitiveness, the theory of international economic relations

Значительный опыт использования автором теоретических моделей для выявления механизмов формирования и функционирования алмазно-бриллиантового комплекса (АБК) [1,2], позволил сделать вывод о том, что классические и современные модели подходят к решению задачи размещения отраслей экономики по-разному. Классические модели (меркантилизм, неомеркантилизм, абсолютных преимуществ, относительных преимуществ, соотношения факторов производства, парадокс Леонтьева, теорема Хекшера-Олина-Самуэльсона) преимущественно работают с понятием «страна», отражая лидерское положение в мировом хозяйстве такого его субъекта, как национальная экономика, и выделяя причины её специализации. Современные модели (внутриотраслевой международной торговли, прямых инвестиций, зависимости, жизненного цикла товара) работают с понятием «компания», отражая лидерское положение в мировом хозяйстве транснациональных компаний (ТНК) и выделяя причины её специализации.

Вместе с тем, есть модели, удачно совмещающие факторный анализ с экономическим анализом эффективности деятельности предприятия и позволяющие выявлять причины формиро-

вания предприятий АБК на той или иной территории. В частности, к ним можно отнести теорию международной конкурентоспособности (М. Портер) [3]. Её суть сводится к утверждению, что международные конкурентные преимущества той или иной отрасли зависят от макросреды, в которой осуществляется их деятельность:

— наличия экономических ресурсов;
— характера спроса на внутреннем рынке;
— развитости родственных и смежных отраслей;
— уровня менеджмента и конкуренции в стране;
— экономической политики правительства;
— субъективных событий (война, новые изобретения и др.).

Так, например, анализируя влияние факторов производства (экономических ресурсов) на конкурентоспособность компании, автор подчеркивает важность не наличия абсолютных преимуществ, а их отсутствия [4]. Только в борьбе с неблагоприятными условиями, считает он, рождаются наиболее творческие решения возникающих проблем. С определенной долей условности это можно наблюдать в АБК. Очевидно, что специализация ОАЭ на посреднических операциях в торговле алмазами и бриллиантами является прямым следствием государственной политики отраслевой диверсификации хозяйства страны, базирующейся на эксплуатации нефтяных месторождений. Посреднические функции Гонконга во многом определяются узостью своего собственного внутреннего рынка. Специализация, с одной стороны, России, Бельгии, США, Израиля на обработке высококачественного алмазного сырья, а с другой – Индии, Шри-Ланка и др. на обработке околоювелирного сырья – это попытка занять собственную нишу и выжить на рынке со значительным уровнем конкуренции. Развитие Интернет-торговли бриллиантами в России – это стремление «выцепить» обеспеченного потребителя в стране с невысокими среднедушевыми доходами и др.

Вторая особенность макросреды, которая, с точки зрения М. Портера, влияет на уровень конкурентоспособности компании – это знание особенностей спроса внутреннего рынка, так как страны добиваются преимущества в тех отраслях и производствах, в которых спрос на внутреннем рынке дает им представление о потребностях покупателей раньше и точнее, чем конкурентам. На первый взгляд, подтверждение действию данного аспекта рассматриваемой теории в АБК найти сложно. Это связано с тем, что

основными потребителями продукции комплекса являются страны с высоким уровнем доходов, а основными производителями – страны с дешевой рабочей силой. Таким образом, процесс производства и потребления по объективным причинам территориально разорван. Именно поэтому в АБК невозможно сформировать территориально-производственный комплекс. Однако, для АБК, как ни для одного другого комплекса, характерна вертикальная интеграционная стратегия формирования ТНК, когда алмазные компании пытаются создавать гранильные и ювелирные подразделения: Rio-Tinto – Tiffany, Aber Resources – Harry Winston, De Beers – LVMH, Leviev Group – Bulgari, Pluczenik Diamond – Escada, Rosy Blue – Nagahori Corporation и др. Это даёт им возможность мониторинга всего алмазно-бриллиантового рынка (в каждом товарном сегменте) и позволяет более равномерно распределять прибыль между отраслями комплекса.

Третья особенность макросреды – это наличие эффективной среды для основного производства (подразумевается наличие и уровень развития смежных отраслей). С этим трудно не согласиться. Действительно, вовлеченность в алмазодобычу Канады, Австралии, ЮАР, России определяется не только наличием запасов алмазов в этих странах, но и хорошо развитой службой геологоразведки и добывающей промышленности в целом. Наличие гранильной отрасли в России, Канаде, ЮАР, формирование её в Намибии, Ботсване, Анголе определяется существованием в них добычи алмазов. В свою очередь, посреднические функции Бельгии и Израиля первоначально определялись наличием в этих странах хорошо развитой гранильной отрасли. Возникновение производства бриллиантов в Индии, Шри-Ланке, Таиланде, Китае, Вьетнаме, Лаосе во многом обусловлено существовавшими здесь издавна традициями работы с драгоценными камнями и металлами. Производство ювелирных изделий с бриллиантами в странах Европы – закономерное следствие развития здесь индустрии предметов роскоши. Все известные европейские дома мод имеют, как правило, и собственный ювелирный брэнд: Chanel, Cartier, Chaumet (Франция), Chopard, Boucheron (Швейцария), Bulgari, Damiani, Pasquale Bruni (Италия), Carrera y Carrera (Испания) и др.

Четвертая особенность макросреды, выделенная М. Портером, – стратегия фирмы и конкуренция. И если о первой составляющей много пишется (преимущественно семейный бизнес,

построенный на доверительных отношениях, зачастую использующий такие системы перевода денежных средств как Ангадиа и Хавала – система нелегального перевода средств под честное слово), то изучению второй уделяется мало внимания. Под конкуренцией автор теории подразумевает наличие внутренних конкурентов. Отрицая экономическую эффективность любого проявления протекционизма и концентрации производства в рамках одной компании, он поддерживает идею территориальной концентрации специализированных частных предприятий (схожа с понятием «агломерация», введённым в науку А. Вебером). Таким примером в АБК он считает сосредоточение ювелирного производства в итальянских городах Ареццо и Виченца, называя их ювелирными кластерами. Необходимо отметить, что высокий уровень территориальной концентрации производства и торговли – норма для алмазной и гранильной отраслей. Так, например, в Бельгии их деятельность сосредоточена в Антверпене, в Израиле – в Рамат-Гане, США – Нью-Йорке, Великобритании – Лондоне, ОАЭ – Дубаи, Канаде – Йеллоунайфе, ЮАР – Йоханесбурге. Пожалуй, только три страны имеют территориально разветвленную производственную базу – Индия, Китай и Россия. В Индии бриллианты производятся в городах западных штатов страны – Мумбаи (штат Махараштра), Сурат, Бхаванагар, Ахмадабад, Палампур (штат Гуджарат). Их деятельность отличается друг от друга специализацией на обработке алмазного сырья разного качества, что является вполне оправданным, так как страна формирует 50% мирового производства бриллиантов. Схожее размещение предприятий гранильной отрасли характерно для Китая. Поскольку большая часть алмазного сырья привозная, предприятия, перерабатывающие его, размещаются в свободных экономических зонах, расположенных в восточных провинциях страны: Гауньдунь, Шаньдунь, городах центрального подчинения – Шанхае и Пекине. При этом большая часть компаний концентрируется в провинции Гуаньдунь. В России, по сравнению с другими странами, размещение предприятий, производящих бриллианты, имеет наименьшую концентрацию. Преимущественно они расположены в Смоленской области, Р. Якутия, Москве и Московской области. Каждый из перечисленных субъектов РФ формирует разные условия ведения бизнеса, которые в конечном итоге позволяют реализовать разные способы решения проблемы сокращения производственных издержек. В целом, высокий уровень территориальной

концентрации алмазной и гранильной отраслей определяется типом рынка, на котором они работают, – b2b (промышленный). Он диктует необходимость посреднических структур, а значит, «деловой» инфраструктуры. В ювелирной отрасли степень концентрации производства намного меньше, что связано с производством товара, ориентированного на конечного потребителя, который, собственно, и определяет его размещение. Вместе с тем в каждой стране можно выделить территории, где концентрация производства ювелирных изделий с бриллиантами наиболее высока.

Пятая особенность, которую рассматривает М. Портер в качестве влияющей на уровень конкурентоспособности предприятия – государственное регулирование отраслей национальной экономики. Его отсутствие формирует открытую экономику, которая удешевляет любой продаваемый товар, сводя цену почти до уровня себестоимости. Данное обстоятельство приобретает особую значимость для изначально дорогих товаров, к которым, безусловно, относятся товары, производимые в АБК - алмазы, бриллианты, ювелирные изделия с бриллиантами. Именно поэтому на современном этапе развития торговля перечисленными товарами тяготеет или к странам с льготным таможенным налогообложением или к отдельным территориям с режимом СЭЗ. Вместе с тем, транснациональная деятельность компаний также позволяет обходить таможенные барьеры и наиболее эффективно использовать абсолютные преимущества других стран в корпоративных интересах.

В качестве заключения, стоит отметить, что современной экономической географии по-прежнему приходится решать задачу эффективного размещения предприятий, правда в принципиально новых условиях – открытой экономики. Поэтому очевидна потребность в осознании и применении накопленного зарубежного опыта исследования в этой области и его корректировки с учётом отечественной специфики как в теории, так и на практике.

Литература

1. Потоцкая Т.И. Изучение транснациональной деятельности компаний, как элемент отраслевого анализа (на примере алмазно-бриллиантового комплекса) // Менеджмент в России и за рубежом, 2006 - №6.

2. Потоцкая Т.И. Классические модели формирования международного разделения труда в алмазно-бриллиантовом комплексе // Современные проблемы науки и образования.–2013.–№2.

3. Портер М. Международная конкуренция. Конкурентные преимущества стран - М.: Междунар. отношения, 1993.
4. Авдокушин Е. Ф. Международные экономические отношения. – М.: Экономистъ, 2004.

УДК 504.4.062.2

И. Д. Рыбкина

ВОДОРЕСУРСНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ: ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И АЛГОРИТМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ

WATER PROVISION FORLONG-TERM SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: THE PROBLEM AND ALGORITHM OF IMPLEMENTATION

Обоснована необходимость научно-исследовательских работ (НИР) по оценке водоресурсной обеспеченности долгосрочного социально-экономического развития регионов. На примере подготовки водоресурсного обоснования документов стратегического планирования территорий раскрыты основные этапы и задачи, ожидаемые результаты выполняемых НИР.

The papergives arguments to support research(R & D) on the assessment ofwater resourceavailability forlong-term socio-economic development of regions.The milestones andobjectives as well as the expected resultsof researchcarried out are presented by the example ofthe preparation ofwater resourcefeasibility evaluation documents of strategic planning of regions.

Ключевые слова: водные ресурсы, социально-экономическое развитие, водоресурсное обеспечение, региональное развитие, бассейново-ландшафтный подход, интегрированное управление водными ресурсами

Keywords: water resources, socio-economic development, water resourceprovision,regional development,the basin-landscape approach, integrated management of water resources

Вопросы использования и оценки природных ресурсов традиционно являлись неотъемлемой частью экономико-географических исследований в России. В последние годы с расширением работ по освоению северных территорий приобретают особую актуальность и значимость.

Вместе с тем, уже в пределах освоенных и плотно заселённых районов страны требуется проведение исследований по оценке природно-ресурсной обеспеченности долгосрочного регионального развития. В частности, стратегическое планирование развития сибирских регионов должно сопровождаться научно-исследовательскими работами в области анализа и оценки водоресурсного потенциала субъектов, выявления водоресурсных ограничений природного и антропогенного характера, решения водохозяйственных проблем территорий, устранения угроз развитию водохозяйственного комплекса и определения объёмов перспективного водопотребления.

Современное состояние проблем управления водными ресурсами и водохозяйственными системами в России таково, что следует констатировать определенный застой и стагнацию в развитии водохозяйственной отрасли в целом. Оказались забыты некогда разработанные методы и подходы комплексного управления водными ресурсами [1].Широко используемый на практике проблемный подход в настоящее время признан фрагментированным и малоэффективным (особенно в целях оценки водных ресурсов на долгосрочную перспективу).

Те задачи, которые поставлены перед научным сообществом России в Водной стратегии РФ и ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса РФ на период до 2030 года», невозможно решить только методами гидрологического прогнозирования. Этот факт еще раз подтвердила недавняя трагедия в Крымске. Возрастающие проблемы водопользования требуют иных подходов к их оценке и решению. Экономико-географическая наука не может стоять в стороне от решения названных задач.

В качестве нового подхода мировая наука предлагает интегрированное управление водными ресурсами (ИУВР), которое, в свете концепции устойчивого развития территорий, позволит более эффективно решать проблемы водообеспечения населения и экономики. Преимуществом ИУВР является возможность взаимосочетаемого решения проблем экологии и охраны водных объектов, с одной стороны, и водохозяйственных проблем, проблем дефицита вод питьевого качества, с другой стороны.

В целях водоресурсного обеспечения долгосрочного социально-экономического развития России и её регионов мы предлагаем использовать данный подход в рамках бассейново-ландшафтной методологии [2, 3]. В этом случае использование

ИУВР позволит изучить региональные системы водопользования, дифференциацию водохозяйственных проблем и разработать методы их решения в зависимости от природно-экологических, бассейново-ландшафтных и социально-экономических характеристик региона совокупно.

В методическом отношении названный подход будет способствовать проведению классификации водных объектов по критериям их целевого использования и с учетом оценки их экологического состояния, уровня антропогенных нагрузок и рассчитанных нормативов допустимого воздействия. При этом важным с практической точки зрения результатом научных работ должны стать характеристика особенностей водопользования отдельных водохозяйственных участков (ВХУ) водных объектов, описание местоположения конкретных водопользователей и регламента их деятельности в пределах каждого ВХУ (ВХУ рассматривается как часть бассейново-ландшафтной системы региона).

Принципиальной и важной частью научно-исследовательских работ должно стать водоресурсное обоснование документов стратегического планирования территорий, осуществляемое в несколько последовательно выполняемых этапов (рис.).

На первом этапе устанавливаются водоресурсные возможности современного и перспективного социально-экономического развития региона. В задачи этого этапа входят: анализ водоресурсного потенциала территорий (на примере муниципальных образований), оценка уровня существующего изъятия водных ресурсов, прогноз перспективного водопотребления.

На втором этапе работ должны быть выявлены водоресурсные ограничения долгосрочного социально-экономического развития региона. Для этого необходимо осуществить анализ качества природных (поверхностных и подземных) вод, оценку степени антропогенной нагрузки на водные объекты и их водосборные территории, а также определить уровень современной и перспективной обеспеченности населения водами питьевого качества.

Третьим этапом работ должна стать разработка методических основ по устранению угроз водоресурсного характера социально-экономическому развитию территорий. Для выполнения работ по этапу необходимо выделить существующие системы водопользования в речных бассейнах региона с привязкой к ВХУ, диагностировать имеющиеся проблемы и возможные риски

водопользования, разработать рекомендации по их устранению и предложить механизмы оптимизации ВХК регионов.

Рисунок. Алгоритм водоресурсного обоснования документов стратегического планирования территорий

Все виды работ выполняются на разных уровнях обоснования документов стратегического планирования, начиная с федерального и макрорегионального (уровень федеральных округов) и до локального или местного уровня (в границах отдельных муниципальных образований, городских округов и сельских поселений).

Водоресурсное обоснование документов стратегического планирования территорий является лишь частью работ по оценке водоресурсоного обеспечения долгосрочного социально-экономического развития регионов наряду с оценкой гидроэкологической безопасности, разработкой рекомендаций по экологической реабилитации водных объектов, охране и восстановлению водных ресурсов.

Литература

1. Воропаев Г.В. Экономико-географические аспекты формирования территориальных единиц в водном хозяйстве страны. М.: Наука, 1985. 238 с.

2. Корытный Л.М. Бассейновая концепция в природопользовании. Монография. – Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2001. 163 с.

3. Винокуров Ю.И.,Цимбалей Ю.М. Региональная ландшафтная структура Сибири: монография / Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вод. и экол. проблем; Мин-во образования и науки РФ, ГОУ ВПО «Алт. гос. ун-т», Геогр. фак. - Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. - 95 с.

УДК 303.4.02

Санчес Дарио Цезарь
(SÁNCHEZ Darío César)

СИСТЕМА ИНДИКАТОРОВ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА (SIDT) В РЕСПУБЛИКЕ АРГЕНТИНА

TOWARDS A SYSTEM OF INDICATORS OF TOURIST DEVELOPMENT (SITD) IN THE ARGENTINE REPUBLIC

HACIA UN SISTEMA DE INDICADORES DE DESARROLLO TURÍSTICO (SIDT) EN LA REPÚBLICA ARGENTINA

En diciembre de 2011 se firmó, entre el CONICET y el Ministerio de Turismo de la Nación, un Convenio con el objeto de poner en marcha un Sistema de Indicadores de Desarrollo Turístico (SIDT). Este SIDT, asociado a un SIG, deberá convertirse en una herramienta para la gestión y el diseño de políticas a distintas escalas territoriales. El trabajo en realización servirá de marco teórico – metodológico para posteriores aportes superadores. En esta primera etapa se han fijado como requisitos de los indicadores una periodicidad mínima anual y una desagregación territorial, al menos, en las regiones turísticas del Plan Federal. Se evaluaron y definieron de manera consensuada más de cien indicadores distribuidos en cinco ejes

temáticos: Movilidad social y acceso al turismo, Desempeño económico y social, Ordenación y control del espacio turístico, Diversificación y estructuración de productos turísticos y Accesibilidad y conectividad por medios de transporte.

In December 2011 it was signed, between the CONICET and the Department of Tourism of the Nation, an Agreement in order to start a System of Indicators of Tourist Development (SITD). This SITD, associated with a SIG, will have to turn in a tool for the management and the design of policies to different territorial scales. The work in accomplishment will be used as theoretical - methodological frame for later contributions. In this first stage have been fixed as requirements of the indicators a minimal annual periodicity and a territorial disaggregation, at least, in the tourist regions of the Federal Plan. There were evaluated and defined, in an agreed by consensus way, more than hundred indicators distributed in five thematic axes: Social mobility and access to the tourism, Economic and social performance, Arrangement and control of the tourist space, Diversification and structure of tourist products and Accessibility and connectivity for means of transport.

Ключевые слова: системы индикаторов, устойчивое развитие туризма, уровни территориального анализа, наука и управление, Республика Аргентина

Palabras clave: sistemas de indicadores, desarrollo turístico sostenible, niveles territoriales de análisis, ciencia y gestión, República Argentina.

Keywords: systems of indicators, tourist sustainable development, territorial levels of analysis, science and management, Argentine Republic.

Необходимость системы индикаторов в Республике Аргентина. В тексте Федерального Стратегического плана устойчивого развития туризма (PFETS) содержится выдержка из статьи 41 Конституции Аргентины, в которой говорится: «Все жители имеют право на здоровую и сбалансированную окружающую среду, приемлемую для человеческого развития и деятельности при продуктивном удовлетворении нынешних потребностей без ущерба для будущих поколений». Власти должны обеспечивать защиту этого права на основе рационального использования природных ресурсов, сохранения природного и культурного наследия и биоразнообразия, а также развития экологического образования и информации. Реализуемые на национальном уровне принципы получают поддержку в провинциях в рамках их полномочий.

Для достижения устойчивого развития туризма необходима увязка стратегических планов и политики на различных уровнях территориального управления с видением перспективы торгово-промышленными палатами и отдельными хозяйствующими субъектами. Достижению этой цели служит, в частности, система индикаторов развития туризма (SIDT), формируемая на основе ГИС.

В контрактах с Министерством туризма выкристаллизовалась задача попытаться определить систему показателей для туристических территорий Аргентины (Sánchez 2009), причём, единую в масштабе всей страны (Vera 2011:367-368). В настоящее время Министерство по туризму (в последние годы через свой Секретариат по развитию туризма, осуществляющий разработку специальных ГИС) справедливо полагает, что наступил подходящий момент для реализации SIDT, которую можно связать с прогнозируемыми целями устойчивого развития до 2020 года (Argentina 2011). Основная цель данной статьи заключается в обосновании потенциала SIDT как основы развития туризма в Аргентине и инструмента стратегического планирования, управления, принятия хозяйственных и научных решений, а также выработки политики на различных территориальных уровнях. Конкретные цели могут включать в себя:

- обоснование SIDT, увязанной с ГИС;
- развитие и систематизация методологии работ применительно к различным географическим масштабам с разработкой адаптированных к их специфике индикаторов;
- содействие созданию инструментов для диагностики и постоянного мониторинга планирования туризма на национальном, региональном, провинциальном и местном уровнях;
- развитие прикладных исследований и подготовка соответствующих кадров для анализа сложных и междисциплинарных проблем, таких как связь туризма с окружающей средой и обществом;
- генерирование научных знаний в интересах органов власти для снижения уровня социально-территориального неравенства на различных уровнях и достижения устойчивого развития туризма.

В числе характеристик индикаторов рассматриваются:

- применимость при анализе природоохранной, социальной, культурной, экономической, политической проблематики и т.д.;
- соответствие критериям, предлагаемым ВТО: прозрачность, строгость, сопоставимость, репрезентативность, обоснованность, комплексность, реалистичность;
- сбалансированность, включение природоохранных, экономических, социокультурных и политико-институциональных параметров;

• полимасштабность информации: страна, регионы, провинции, локалитеты;

• предпочтительность (особенно первоначально) доступной, актуальной и регулярно обновляемой информации;

• универсальность, способность исчисляться для всех территориальных единиц;

• качественность информации, применение официальной методологически корректно формируемой статистики;

• учёт фактора сезонности; при возможности осуществление замеров для разных времён года, учитывая, что снижение сезонных колебаний позитивно влияет на качественные характеристики занятости.

План работы и его этапы. План работы состоит из пяти этапов и совокупности задач.

Этап 1. Обзор:

• детальный анализ доступных источников информации на национальном, региональном и местном уровнях (как государственных, так и частных);

• сопоставление необходимых для более поздних этапов исследования картографических источников и космических снимков.

Этап 2. Производство:

• определение набора основных показателей для развития туризма (RTD), который в перспективе будет усовершенствован и расширен.

• усовершенствование методологии для оценки RTD, адаптивные подходы для каждого уровня территориального анализа.

Этап 3. Презентация:

• разработка картографической основы для анализа на региональном, окружном уровнях, в разрезе департаментов и отдельных местностей;

• отображение полученных результатов в виде ГИС, разрабатываемой Дирекцией туристического развития Аргентины.

Этап 4. Интерпретация:

• интерпретации результатов, полученных на различных территориальных уровнях анализа, в интересах удовлетворения потребностей многочисленных пользователей системы.

Этап 5.Заключительный документ:

• подготовка и редакция итогового документа, соответствующего базовым целям проекта и интересам разнообразных пользователей.

Пользователями системы являются: в краткосрочной перспективе – должностные лица и специалисты Министерства по туризму, а также должностные лица и специалисты провинциальных и муниципальных органов по развитию туризма; в среднесрочной и долгосрочной перспективе – акторы частного сектора, т.е. туроператоры, поставщики различных услуг и т.д., а также научные сотрудники, докторанты, преподаватели и студенты.

Ожидаемые результаты можно представить следующим образом:

- начальный этап SIDT Аргентины (общая концепция);
- модель SIDT, содержащая, как минимум (для каждого индикатора), название, описание диапазона, формулу расчёта, соответствие национальным целям устойчивого развития, масштаб применения, источник данных, доступность, надежность, сопоставимость, своевременность, соответствие требованиям межведомственной координации для сбора данных;
- статистические таблицы со значениями показателей для различных территориальных уровней, позволяющими осуществлять двумерный и многомерный анализ;
- ГИС-картография для тех показателей, которые могут быть получены на уровне провинций, департаментов, локалитетов;
- совершенствование процесса принятия решений по вопросам устойчивого развития туризма;
- оценка влияния решений в области туризма на муниципальном, провинциальном и национальном уровнях.

Предварительные результаты. Вслед за слушанием в октябре 2010 года предварительного проекта (подготовленного автором) в Подсекретариате Национального развития туризма, в последующем 2011 году состоялось несколько встреч с должностными лицами и специалистами, на которых обсуждались цели исследования, предварительный перечень показателей, а также план работы по осуществлению окончательного проекта. Последний, в итоге, претерпев несколько последовательных корректировок, был окончательно утверждён 7 декабря 2011 года. Официальной же датой фактического «старта» проекта стало 13 февраля 2012 года, когда было проведено специальное техническое совещание с участием представителей Министерства туризма и подписан специальный акт.

Не существует (и в принципе не может быть) какого-либо идеального числа показателей для SIDT, однако, таковых, в ко-

нечном итоге, установлено более ста; их перечень непрерывно корректируется с учётом экологических, социальных и экономических факторов развития туризма. В настоящее время на основе информации Министерства туризма учитывается 101 показатель. Их совокупность группируется по пяти направлениям:

• мобильность социума и доступность туристических услуг в региональном «разрезе», распространение социального туризма;

• экономические и социальные показатели: доходы от туризма, эффективность данной отрасли, её сезонность и территориальная концентрация, качественные и количественные параметры занятости;

• управление пространственным развитием туризма: плотность туристической активности, общественные инвестиции, доступность для инвалидов, охрана окружающей природной среды, общественная безопасность и др.;

• диверсификация и структурирование туристического продукта: сельский, культурный, спортивный туризм, посещение объектов всемирного наследия, музеев, охраняемых природных территорий, пляжный туризм и др.;

• доступность территории современными транспортными средствами, включая воздушный и наземные виды транспорта, восприятие доступности туристами.

Изначально было установлено требование ежегодно разрабатывать всю совокупность показателей для каждого из туристических регионов. При этом регион Буэнос-Айреса в интересах детализации был разделён на собственно город и одноимённую провинцию. По возможности осуществляется и детализация показателей в разрезе провинций, департаментов, округов и некоторых (наиболее важных в туристическом отношении) локалитетов. Сезонность проблем (по возможности) фиксируется в специальных таблицах.

Для более полной интерпретации результатов во всех случаях приводятся и единые (сведённые в целом по стране) показатели, в том числе и расчётно-статистические: среднее значение или отклонение от среднего, коэффициент вариации, асимметрии, эксцесса, максимальные и минимальные значения. В настоящее время наша команда GRUTUS (IMHICIHU - CONICET) целиком сконцентрирована на решении задач собственно производственного этапа. Эти работы ведутся под непосредственным руковод-

ством должностных лиц и специалистов Министерства туризма в сотворчестве наших коллективов.

Итоговые выводы. Туризм является областью знаний, где пересекаются интересы многих научных дисциплин (экономики, социологии, истории, географии, психологии, антропологии и т.д.). Его исследование должно опираться на учёт различных сопряжённых явлений и процессов. Крайне важно, чтобы при выработке стратегических управленческих решений на всех территориальных уровнях (национальном, провинциальном, муниципальном) туризм рассматривался широко, с учётом всех его факторов, взаимосвязей, последствий. И если в частном секторе, равно как и в небольших муниципалитетах, уже удалось успешно реализовать амбициозные SIDT, с ещё большим основанием аналогичные проекты могут быть выполнены и на уровне национального правительства. В Республике Аргентина имеется чёткое политическое решение о продвижении в области формирования системы индикаторов (SIDT) и об информировании и стимулировании провинциальных и местных органов власти, деловых кругов в целях их подключения к данному проекту. Работа в данном направлении идёт полным ходом.

Литература

1. Argentina (2011) Turismo 2020. Plan Federal Estratégico de Turismo Sustentable. Actualización 2011. Buenos Aires, 304 pp.

2. Sánchez, D. C. (Dir.) (2009) Sistema básico de indicadores de sustentabilidad turística de la República Argentina. Propuesta metodológica. SECTUR, Buenos Aires, 399 pp. http://issuu.com/sectur/docs/indicadores_sustentabilidad_turistica/

3. Vera Rebollo, J. F. (Coord.) (2011) Análisis territorial del turismo y planificación de destinos turísticos. Tirant Lo Blanch, Valencia, 476 pp.

УДК 711.553

И. А. Семина

ТРАНСПОРТНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕГИОНА: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ

TRANSPORTATION AND GEOGRAPHICAL LOCATION OF THE REGION: APPROACHES TO THE ASSESSMENT

Рассмотрены теоретические аспекты категории «экономико-географическое положение» и представлен авторский подход к интегральной оценке

транспортно-географического положения региона. Предложена оценка макро-, мезо- и микроположения региона с позиций транспортно-географических отношений и возможностей реализации хозяйственных связей.

Is devoted to the theoretical aspects of the category of «economic-geographical position» and presents the author's approach to the integrated assessment of transport-geographical position of the region. Offers assessment of macro- meso- and micro provisions of the region from the standpoint of transport and geographical relations and opportunities for implementation of economic ties.

Ключевые слова: экономико-географическое положение, транспортно-географическое положение, регион, позиционные возможности, центральность, периферийность, транзитность, количественный подход.

Keywords: economic-geographical position, transport and geographical location, the region, the positional opportunities, centrality, peripheral area, transit, a quantitative approach.

Географическое положение представляет собой основную категорию географической науки. «Именно оно предметно выявляет индивидуальные черты и свойства любой территории. Оно определяет многие наиболее важные особенности стран, районов и городов, высвечивая свойства их неповторимости» [1, с. 101]. Транспортно-географическое положение (ТГП) выступает фактором социально-экономического развития территории. Как отмечал Н.Н. Баранский, положение по отношению к путям сообщения приходится учитывать чаще всего, оно имеет большое и в то же время наглядное значение [2]. Поэтому не следует удивляться тому, что термин транспортное положение нередко употребляется вместо термина экономико-географическое положение.

Н. Н. Баранский подчеркивал, что для экономической географии чрезвычайно важно положение территории по отношению к путям, рынкам, крупным центрам (промышленным, торговым, административным, культурным), рассматривая ЭГП с трех позиций: по отношению к территории, к элементам производства и непроизводственной сферы и с позиций пространственной масштабности оценки положения [2].

Непреходящее значение имеют глубокие разработки положений теории ЭГП в трудах И. М. Маергойза. Он разработал структуру ЭГП в системе отношений: «основные территориальные», «производные территориальные», «интегральные территориальные – отношение к территориям различного масштаба» [3].

Е.Е. Лейзерович выделил 3 вида ЭГП: инновационное, соседское, транспортно-географическое [4]. У транспортно-географического положения много подвидов: центральное, периферийное, внутреннее, магистральное, транзитное, тыловое (вдали от транспортных путей), тупиковое, приморское и др. Так, транзитное положение – это положение на таких транспортных путях, по которым осуществляются связи ведущих экономических объектов (центров и ареалов); и в местах пересечения этих путей создаются хорошие условия для развития самых разных производств, даже там, где для этого нет местных ресурсов.

Под ТГП понимается положение по отношению к транспортной сети (с учетом ее мощности, провозной способности путей сообщения, степени загруженности, скорости и стоимости перевозок), сети транспортных узлов и потоков. ТГП является важнейшим компонентом экономико-географического положения. Особенности положения экономико-географических объектов определяются близостью или удалённостью от важнейших транспортных узлов и магистралей, характером территориального охвата. Оценивается обеспеченность объекта транспортными и коммуникационными возможностями хозяйственных связей (автомобильные и железнодорожные дороги, авиатрассы, нефте- и газопроводы, оптико-волоконные линии связи и ЛЭП, аэропорты, речные и морские порты). Важнейшие черты ТГП: исторический динамизм, потенциальные возможности, управляемость, возможность «создать себе положение», уникальность положения. Н. Н. Баранский писал, что страна может исправлять, улучшать свое ЭГП (ТГП). В качестве примеров он приводил сооружение Панамского канала и проведение трансконтинентальных железных дорог в США [2].

При оценке географического положения региона возможно использование комплексного подхода, который может выражать интегральную оценку ЭГП/ТГП. Уровни макро-, мезо- и микроположений взаимодействуют друг с другом, но их отражение на развитие тех или иных процессов и явлений может быть различным. Считается, что наибольшим потенциалом роста обладают территории с выдающимся макро- и мезоположением, расположенные в фокусах связей, скрепляющих воедино крупные территории, в центрах быстроразвивающихся промышленных или сельскохозяйственных ареалов, в точках контактов различных зон, перепадов экономических потенциалов, в опорных узлах районов нового освоения. Проведенный анализ показал, что для одних регионов

существеннее всего оказывается микроположение, для других – мезо- или макроположение [5,6].

Рисунок отражает авторский подход к оценке ЭГП / ТГП региона с макро-мезо-микропозиций и в сравнении с другими регионами. Оценка позиционных возможностей имеет, в данном случае, количественное значение (в баллах и рангах) и представляет собой в конечном итоге – количественный потенциал позиционных возможностей региона. В положении «микро» – возможно изучение соседства, транспортной освоенности и транспортной работы региона. Оценку мезоположения региона возможно провести по позициям – «магистральное», «приморское», «приграничное». «Магистральность» положения может характеризоваться на основе бальной оценки пропускной способности путей сообщения, проходящих через крупные транспортные узлы изучаемых регионов, где учитывается наличие магистральных железных и автомобильных дорог, водных путей и аэропортов [5]. Полученные баллы суммируются по транспортным узлам каждого региона и, аналогично другим оценкам, ранжируются «от большего к меньшему». При характеристике приморского положения дополнительный балл получают регионы, имеющие выход к морю. При оценке «приграничности», регионы за «соседство с зарубежными государствами» получают дополнительный бал. Положение «макро» оценивается по позициям – «центральность», «периферийность», «транзитность». «Центральность» рассматривается как выгодность положения столиц регионов и может определяться способом топологических расстояний, например, оценивается положение столиц на графе железнодорожной сети России [5,6]. Расстояние между столицами измеряется числом ребер (число Кенига) – по кратчайшему расстоянию; строится матрица топологических расстояний [6]. Чем меньше сумма данного числа, тем центральнее, выгоднее положение города в системе.

Периферийное положение рассматривается в двух аспектах. В первом случае периферийное положение оценивается по расстоянию от административного центра изучаемого региона до Москвы. Во втором случае, периферийное положение оценивается с социально-экономических позиций, поскольку всякое экономическое пространство представляет собой связанные воедино и взаимодействующие между собой территории. В пространстве «качество» экономики, уровень социально-экономического развития изменяется в направлении «центр-периферия». Именно

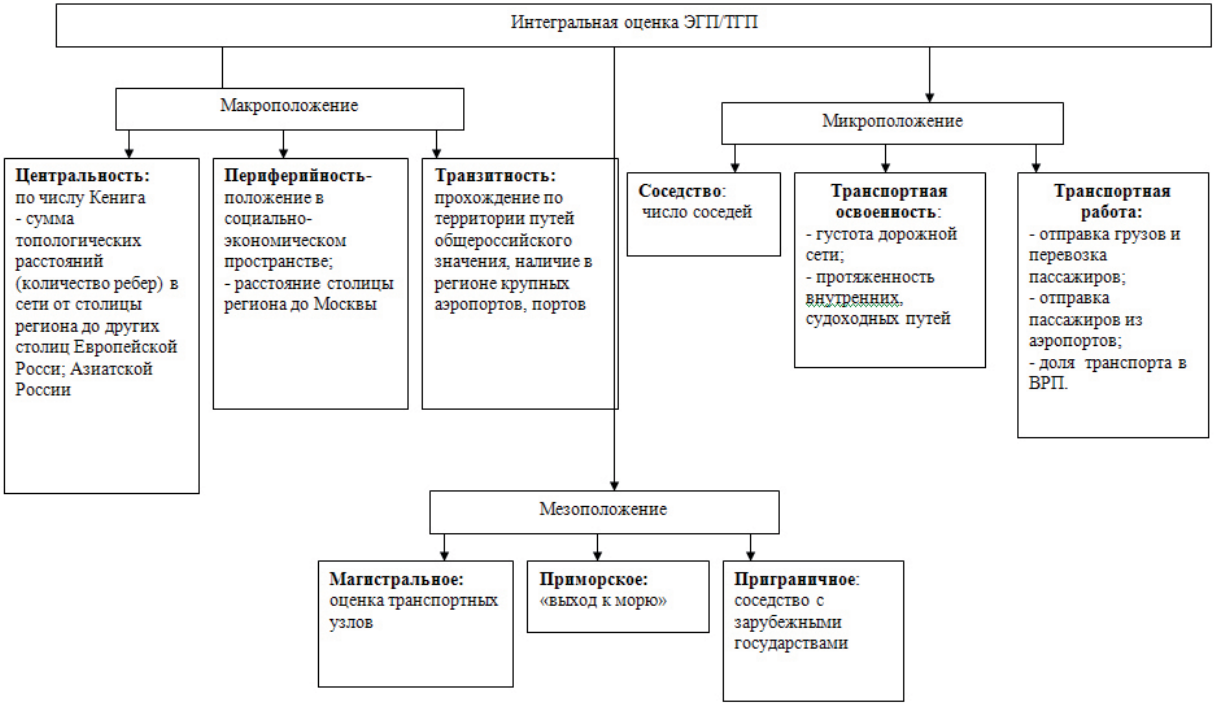


Рис.1. Интегральная оценка ЭГП / ТГП региона

это направление в данных исследованиях расширяет позиционные возможности оценок, делает невозможным применение в системе оценок только «транспортно-географического положения», поэтому используется «оценка ЭГП/ТГП».

Транзитное положение – наиболее экономически выгодное положение региона, обеспечивающее стабильный, безопасный, скоростной, рентабельный и комфортный транзит товаров и услуг. При оценке учитывается наличие в регионе опорной транспортной сети, узлов, аэропортов, портов и др. При оценке транзитных позиций в «макроположении» следует учитывать, что для регионов есть потенциальные возможности развития сетевых связей, благодаря которым «сотрудничающие города достигают выгоды от увеличения масштаба производства, чему способствует образование быстрых и надежных коридоров транспорта и телекоммуникаций» [7, С.125]; речь идет о формировании так называемых «коридорных» городов.

Разновариантность подходов и оцениваемых позиций положения региона в пространстве страны [5, 6] показала, что:

1) предложенная схема анализа ЭГП/ТГП может быть использована для региональных географических объектов;

2) специфика исследования предполагает использование системного подхода к оценке ЭГП/ТГП;

3) в аналогичных исследованиях возможно использование отдельных составляющих для анализа позиций ТГП;

4) необходима дифференциация в присвоении баллов, возможно использование экспертных оценок и взвешивание коэффициентов, что позволит реализовать не только количественный, но и качественный подход к оценке положения регионов в пространстве страны;

5) на формирование регионального транспортного пространства оказывают влияние цели социально-экономического развития, структура экономики, состояние инфраструктуры.

Литература

1. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение, - Смоленск: Изд-во СГУ, 1998. – 238 с.

2. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии: Изд. подгот. Л.М. Панчешниковой. 2-е изд., перераб. – М.: Просвещение, 1990. – 303 с.

3. Маергойз И.М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 137 с.

4. Лезерович Е.Е. Базовые составляющие экономико-географического положения стран и районов. Теория и социальные функции географии // Известия РАН. Серия географическая. – № 1. – 2006. – С. 9-14.

5. Семина И.А. Положение регионов депрессивного типа в социально-экономическом пространстве страны // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцерова. – М.: Эслан, 2010. – С. 318 - 339.

6. Семина И.А. «Транспортно-географическое положение» в региональных исследованиях / Проблемы региональной экологии, 2011. – №4. – С.131-137.

7. Доманьски Р. Экономическая география: динамический аспект: пер. с пол / Рышард Доманьски. – М.: Новый хронограф, 2010. – 376 с.

УДК: 332.133

А. М. Степанов

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ОРИЕНТИРОВАННОСТИ РЕГИОНА НА ЗАРУБЕЖНЫЕ РЫНКИ

SOME PROBLEMS OF DEFINING THE RATE OF EXPORT ORIENTATION OF THE RUSSIAN REGIONS

Предложена методология определения степени экспортной ориентированности российских регионов в условиях неточного отражения данными таможенной статистики реальных объемов экспорта субъектов РФ.

The article proposes the methodology of identifying the rate of export orientation of the Russian regions, which seems to be really useful in the light of inexact statistics where export data do not correspond to the real export share in region's output.

Ключевые слова: классификация регионов; экспортная ориентированность; внешний рынок; внутренний рынок; региональная экономическая политика; внешнеэкономическая политика; структура выпуска; виды экономической деятельности.

Keywords: classification of regions; export orientation; foreign market; domestic market; federal regional economic policy; foreign trade policy; output structure; economic activities.

Обобщающим показателем, характеризующим степень ориентированности региона на зарубежные рынки, является отношение стоимостных объемов экспорта товаров к ВРП. Если для субъекта РФ это отношение больше, чем для экономики РФ в це-

лом, его целесообразно отнести к числу более ориентированных на экспорт регионов.

Ввиду особенностей таможенной статистики, как отмечают Вардомский Л.Б.[1], Зубаревич Н.В.[2], экспорт товаров может регистрироваться не только по месту производства, но и по месту налоговой регистрации головного офиса фирмы-производителя или посредника, а также по месту оформления товара. В результате, данные об экспорте Москвы являются весьма завышенными, на нее ежегодно приходится около 36,4% совокупного экспорта товаров РФ, в том числе 46% экспорта продукции ТЭКа (рассчитано автором по [3]). Из-за этого наблюдается высокая концентрация объемов экспорта в небольшом количестве регионов, поэтому только в 11 субъектах РФ (Р. Хакасия, Р. Татарстан, г. Санкт Петербург, г. Москва, Липецкая, Ленинградская, Кемеровская, Тюменская, Тульская, Сахалинская области) отношение экспорта к ВРП выше, чем в среднем по РФ. В то же время, данные об экспорте многих регионов-производителей являются заниженными.

Поэтому реальную степень ориентированности регионов на внешний спрос необходимо оценивать альтернативным способом, без использования данных таможенной статистики об экспорте субъектов РФ.

В некоторых исследованиях, например, Института энергетики и финансов[4], Независимого института социальной политики (НИСП)[5], используется следующий подход к выделению экспортоориентированных регионов. К ним относят те субъекты РФ, в отраслевых структурах которых значительную долю занимают экспортоориентированные для экономики РФ отрасли. Эксперты НИСП выделяют не только экспортоориентированные регионы, но и группируют остальные субъекты РФ в соответствии с тем, какой вид отраслей – экспортоориентированные или ориентированные на внутренний спрос – преобладает в отраслевых структурах регионов.

Такой подход, на наш взгляд, точнее отражает степень ориентированности экономик субъектов РФ на экспорт, поскольку увязывает ее с их отраслевой специализацией. Также он позволяет косвенно учесть зависимость экономики от нерегистрируемого, браконьерского вывоза товаров, например древесины, драгоценных камней.

В то же время, методология данного подхода требует совершенствования. Результаты классификации регионов в нем

зависят от того, какие отрасли экономики РФ отнесены экспертами к экспортоориентированным, а какие – к ориентированным на внутренний спрос. В существующих исследованиях не уточняются критерии отнесения отраслей экономики РФ к числу «экспортоориентированных»; содержание данного понятия является достаточно неопределенным. Поэтому представляется актуальным предложить формализованный критерий группировки отраслей экономики РФ по степени ориентированности на экспорт. Также, существует необходимость более детального изучения отраслевых структур экономик регионов.

Методология исследования. Мы предлагаем следующую двухэтапную методологию определения степени ориентированности региона на экспорт.

1 этап. Группировка отраслей экономики РФ по степени ориентированности на экспорт. Степень ориентированности отрасли на экспорт целесообразно определять из соотношения объемов экспорта производимых ею товаров и объемов производства. Данные об экспорте товаров и производстве представлены в разных классификаторах (ТН ВЭД и ОКВЭД), группированные признаки которых не совпадают. Поэтому требуется их сопоставление.

1.1.Сопоставление классификаторов ТН ВЭД и ОКВЭД, группировка видов экономической деятельности (ВЭД) в блоки, для которых можно оценить объемы экспорта производимых ими товаров.

1.2.Расчет коэффициента экспортной ориентированности $(К\,эксп.\,ор.)$ для выделенных блоков ВЭД по формуле:

$$Кэксп.\,ор(i) = \frac{Эi}{Bi} \qquad (1)$$

где

$Эi$ – доля товаров, выпускаемых блоков видов экономической деятельности в товарной структуре экспорта РФ

Bi – доля блока видов экономической деятельности в суммарном выпуске ВЭД разделов A, B, C, D, E ОКВЭД.

Данный коэффициент позволяет оценить ориентированности отрасли/группы отраслей на экспорт относительно среднего по экономике значения.

1.3. Формирование секторов ВЭД. По степени ориентированности на экспорт или внутрироссийский рынок выделяется

два сектора видов экономической деятельности: «более ориентированных на экспорт» (БОЭ ВЭД) и «более ориентированных на внутрироссийский спрос» ВЭД (БОВ ВЭД).

Если значение коэффициента для блока экспортной ориентированности для блока ВЭД больше единицы, он входит в состав сектора БОЭ ВЭД. В противном случае он включается в сектор БОВ ВЭД.

В ходе исследования был сделан вывод о том, что отнесенные нами к числу БОВ ВЭД сельское хозяйство, пищевую промышленность и энергетику стоит выделить в отдельный подсектор более ориентированных на внутрирегиональный рынок ВЭД (БОР ВЭД). Данные производства представлены практически во всех регионах. Если в регионе доля этих производств в отраслевой структуре выпуска высока, а объемы выпуска на душу населения ниже среднероссийского уровня, можно сделать предположение о направленности данных производств, главным образом, на удовлетворение минимальных социальных потребностей населения в продуктах питания, электричестве, и что прочие ВЭД развиты в регионах еще в меньшей степени. Следовательно, внешнеторговый потенциал данного региона относительно низок.

2 этап. Определение степени ориентированности экономики региона на экспорт. Классификация регионов. С нашей точки зрения, степень зависимости экономик субъектов РФ от спроса на их продукцию тем больше, чем выше доля ВЭД, производящих товары, в совокупном выпуске экономики. В этом случае, при прочих равных условиях, деятельность большего процента занятого населения региона связана с непосредственным выпуском товаров, выше доля налоговых поступлений от этих ВЭД в бюджет региона, а, значит, сокращение спроса на продукцию субъекта РФ быстрее скажется на доходах населения. Поэтому при классификации регионов важно учитывать доли ВЭД, производящих товары, в совокупном выпуске экономики субъектов РФ.

2.1. Расчет долей БОЭ ВЭД и БОВ ВЭД в структуре совокупного выпуска региона.

2.2. Расчет значений коэффициента специализации (Кс) на двух выделенных секторах экономики. Данный коэффициент позволяет выделить более значимые для экономики региона секторы.

2.3.Разбиение регионов на классы. Москва была выделена в отдельный класс, так как объемы ее экспорта значительно завышены, в то время как доля ВЭД, производящих экспортируемые товары, ниже среднего по стране уровня.

Остальные субъекты РФ были распределены на классы в зависимости от сочетания значений коэффициентов специализации на БОЭ ВЭД и БОВ ВЭД, а также с учетом доли подсектора БОР ВЭД в структурах их экономик.

В результате получена классификация регионов РФ, которая более точно, в сравнении с использованием данных таможенной статистики об экспорте субъектов РФ, отражает степень зависимости регионов РФ от зарубежного и внутрироссийского рынка. Данный результат может быть полезен при прогнозировании региональных последствий государственной внешнеторговой политики, шоков внешнего спроса, при разработке мер региональной экономической политики, в стратегическом планировании.

Литература

1. Вардомский Л.Б. Российское пространство в контексте глобального финансово-экономического кризиса// Журнал новой экономической ассоциации.№3-4. С.153-154.

2. Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем?/ Независимый институт социальной политики. М.: Поматур. 2005.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012:Стат. сб./ Росстат. − М., 2012. − 990 с.

4. Григорьев Л.М., Урожаева Ю.В., Иванов Д.С. Синтетическая классификация регионов: основа региональной политики/Российские регионы: экономический кризис и проблемы модернизации/ Под ред. Григорьева Л.М., Зубаревич Н.В., Хасаева Г.Р. – М.: ТЕИС, 2011. – С.34-58;340-342.

5. Овчарова Л.Н., Рыбалкин В.Е., Зубаревич Н.В. и др. / Вступление России в ВТО: мнимые и реальные социальные последствия/ Независимый институт социальной политики – М., Издательство «Поматур». 2004.160 с.

УДК 332.1 : 914/919

С. А. Сухинин

ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ПЕРСПЕКТИВ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ И УКРАИНЫ В РАМКАХ ЕВРОРЕГИОНА «ДОНБАСС»

APPROACHES TO THE ANALYSIS OF CROSS-BORDER COOPERATION PROSPECTS ROSTOV REGION AND UKRAINE IN THE FRAMEWORK OF THE EUROREGION “DONBASS”

Рассмотрены потенциал и перспективы активизации трансграничных контактов Ростовской области с Украиной в рамках еврорегиона «Донбасс».

This article is describes the potential and prospects of cross-border contacts in border areas of the Rostov region with Ukraine in the the Euroregion «Donbass».

Ключевые слова: приграничная зона, Ростовская область, еврорегион «Донбасс».

Keywords: border zone, Rostov region, Euroregion «Donbass»

Еврорегион «Донбасс» возник в 2010 г. как форма трансграничной социально-экономической интеграции по инициативе Ростовской и Луганской областей, с дальнейшим присоединением к нему Донецкой области Украины (с 2011 г.) и Воронежской области России (с 2012 г.) [1]. Со стороны Ростовской области в данный еврорегион входят 9 муниципальных районов, города Гуково и Донецк (непосредственно выходящие к государственной границе), а также гг. Зверево, Новошахтинск, Каменск-Шахтинский и Шахты. Всего на приграничных территориях Ростовской области с Украиной проживает более 1 млн. чел., что составляет ¼ населения Ростовской области [2].

Как свидетельствует проведённый анализ, занимая важное место в социально-экономической системе Ростовской области, приграничные с Украиной города и районы всё заметнее обретают периферийные черты. В течение последних двух десятилетий для них характерно снижение численности населения вследствие суженного типа воспроизводства и миграционного оттока населения. Затяжной демографический кризис отразился на снижении численности трудовых ресурсов. На этом фоне сохраняется общая трудоизбыточность приграничных территорий при одновременном сохранении дефицитности по ряду квалифицированных профессий вследствие невысоких уровней заработной платы [3].

Территория приграничья Ростовской области отличается достаточно острой экологической ситуацией. Наибольший уровень загрязнения окружающей среды наблюдается в промышленно-развитых ареалах Восточного Донбасса. Несмотря на значительный спад хозяйственного развития в 1990-х гг., антропогенная нагрузка на природную среду в регионе уменьшилась незначительно, а в ряде случаев возросла, в основном по причине резкого сокращения финансирования природоохранных мероприятий. При этом, в силу своего географического положения, приграничье Ростовской области испытывает существенное трансграничное техногенное загрязнение со стороны восточных областей Украины.

Позиции приграничных территорий в важнейших социально-экономических индикаторах Ростовской области заметны, но дифференцированы. Здесь концентрируется 24% жителей области, однако занятых - лишь 18% от общеобластной величины. Приграничный субрегион обеспечивает 16% промышленной продукции области и 21% продукции сельского хозяйства. При этом ввод жилья здесь составляет лишь 12% от общеобластного объема, что вдвое ниже доли субрегиона в населении. Розничный товарооборот (14% от уровня области) указывает на относительно более слабый потребительский спрос со стороны населения приграничья. По объему инвестиций (15% от уровня области) приграничные города и районы также отстают от других территорий [2, 4].

Зона приграничья традиционно сохраняет специализацию на добывающих отраслях промышленности, а для большинства муниципальных районов характерна аграрная структура хозяйства. Существенной проблемой приграничья является инфраструктурный кризис, выраженный в высокой степени износа инженерных коммуникаций или в полном отсутствии их отдельных компонентов (канализация, централизованное водоснабжение в сельской местности, дефицит качественной пресной воды), неудовлетворительном состоянии сети местных автомобильных дорог, соединяющих сельские поселения между собой внутри районов и с административным центрами, транспортной удаленности и малодоступности ряда сельских населенных пунктов для сообщения с административными центрами районов приграничья, городами и столицей области [3].

Приграничье с Украиной, таким образом, по ряду позиций существенно отстаёт от других территорий Ростовской области, а потенциал взаимодействия с сопредельными украинскими областями использует не в полной мере. В то же время имеются предпосылки для расширения контактов сторон и активизации трансграничного сотрудничества в рамках Еврорегиона «Донбасс», которые могут быть осуществлены по нескольким ключевым направлениям: торговым, гуманитарным, производственным, инфраструктурным, демографическим, экологическим. Основываясь на имеющемся экономическом и трудовом потенциале, приоритетно – налаживание устойчивых производственно-кооперационных связей субъектов экономики и совместного использования квалификации трудовых ресурсов соседних областей. Успешно, на наш взгляд, могут быть реализованы и транспортно-логистические

проекты, ориентированные на совместное использование ресурсов выгодного транзитного географического положения, существующих транспортных коммуникаций и размещения крупных производств российской и украинской сторон. Стимулами приграничного сотрудничество, по нашему мнению, может стать восстановление судоходства по р. Северский Донец (как водной магистрали, объединяющей промышленный Донбасс и города Ростовской области), а также активизация железнодорожного сообщения, упрощение таможенно-пограничных формальностей для жителей приграничных регионов.

Перспективы эффективного развития приграничных территорий во многом определяются наращиванием инвестиций, а также доходами и расходами бюджетов муниципалитетов. При этом экономическими специализациями долгосрочного развития трансграничного территориально-экономического комплекса способны выступить: туризм, транспорт и логистика, производство высокотехнологичного ресурсоэффективного и энергоэффективного оборудования, информационные технологии, переработка сельскохозяйственного сырья и пищевая промышленность [3; 4]. Развитие данных специализаций приведет к восстановлению экономического потенциала приграничных территорий, будет способствовать решению комплекса социально-демографических и экологических проблем. Важным средством, при этом, является наращивание эффективных российско-украинских трансграничных контактов, в том числе и в рамках еврорегиона «Донбасс».

Литература

1. Соглашение о создании еврорегиона «Донбасс» [Текст]: офиц. текст: [подписано 29 октября 2010 г.] [Электронный ресурс]: «Еврорегион Донбасс». Официальный интернет-ресурс – Режим доступа: http://euroregion-donbass.ru/documents.php, свободный (дата обращения: 12.04.2013).

2. Сравнительные показатели социально-экономического положения городских округов и муниципальных районов Ростовской области. 2009: Стат. сб. / Ростовстат. – Ростов н/Д., 2010.

3. Анализ экономического потенциала, социальной сферы и системы жизнеобеспечения приграничных и трансграничных территорий в рамках территориально-экономического комплекса Еврорегион «Донбасс» [Текст]: отчет СКНИИЭиСП, ИЭиВС ЮФУ / рук. Дружинин А.Г.; исполн.: Дружинин А.Г., Гонтарь Н.В., Кижикина В.В., Кирсанова Н.В., Кирьякова Т.С., Сухинин С.А. – 2011. – 158 с. Библиогр.: с. 157.

4. Стратегия социально-экономического развития еврорегиона «Донбасс» на период до 2020 г. [Текст]: офиц. текст: [Одобрена на заседании Совета Еврорегиона «Донбасс» 10 апреля 2012 г., г. Луганск, Украина] – Ростов-на-Дону – До-

нецк – Луганск – Режим доступа: http://euroregion-donbass.ru/about.php, свободный (дата обращения: 14.04.2013).

УДК 911.9

А. А. Томских

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

CONTENT ANALYSIS IN THE STUDY OF THE PROCESSES OF TERRITORIAL ORGANIZATION OF SOCIETY

Показано, что на современном этапе развития общества вопросы территориальной организации должны рассматриваться с учетом разных массивов данных, представленных в глобальных и частноотраслевых информационных системах; их использование открывает новые возможности социально-экономической географии в решении проблем регионального развития.

The issues of territorial organization in modern society must be considered in different mass data sets presented in the global and private-sector information systems. The use of such methods and data, presents new opportunities for social and economic geography in solution the problems of regional development.

Ключевые слова: контент-анализ, массив данных, научно-образовательные структуры, образ региона.

Keywords: content analysis, mass data, research and educational facilities, the image of the region.

В связи с широким развитием информационных технологий, актуальным становится вопрос об использовании существующих мировых, региональных и частноотраслевых массивов данных поисковых систем в исследованиях территориальной организации общественных процессов, рассматриваемых географической наукой. Такие данные позволяют взглянуть на динамику явлений существующими методами, но с других, ранее не используемых точек зрения. В таком случае, как отмечала в своей работе М. В. Грибок: «Объектами исследований в географии являются (становятся – авт.) не только реальные, но и образные пространства, существующие в индивидуальном или коллективном сознании» [1, с.7].

В основе методов использования массивов данных лежат расчеты пространственных моделей, где особое место принадлежит потенциалам. В контексте применения метода потенциал «интерпретируют как меру географического положения территории … связанной с представлением о геоположении как потенциальном источнике, ресурсе развития [2, с. 52]; как «… некое устоявшееся место в географической матрице, с другой – как фактор и инструмент развития [3, с. 40].

Для выделения потенциалов точек общественных явлений геопространства допустимо использование одного из статистических методов – контент-анализа. Сегодня он чаще всего применяется в количественных и качественных исследованиях в социологии, политологии, маркетинге и др.

Наш опыт применения конент-анализа связан с исследованием процессов конкурентных преимуществ разноуровневых научно-образовательных систем в условиях глобализации и регионализации [4; 5]. В 2012 году такие работы были проведены в рамках оценки конкурентных преимуществ научно-образовательных структур Дальнего Востока и Байкальского региона.

Количественный анализ. Для работы по Байкальскому региону нами использовался массив данных по головным учебным и научным учреждениям. В качестве информационной среды использовалась поисковая система GOOGL, анализ проводился методом контент-анализа относительно позиционирования официального наименования учреждения на русском языке на январь 2012 года. Всего было проанализировано 18 государственных вузов и 25 учреждений науки трех субъектов федерации: Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края.

Вузовский суммарный информационный потенциал Иркутской области составил 70,4%, республики Бурятия – 19,1% и Забайкальского края – 10,5%, что, в общем, соответствует удельному весу количества вузов и студентов [6]. Как показали наши исследования по Байкальскому региону, значение вуза и его местоположение в центре субъекта федерации определяет его более высокое позиционирование (табл. 1). Примером этого являются классические университеты субъектов. Практически все отраслевые вузы субъектов имеют меньшие потенциалы, чем классические университеты (кратно 1,5/2,0).

Суммарный потенциал научных учреждений Иркутской области составил 74,4%, республики Бурятия – 22,7% и Забай-

кальского края – 2,9%, что соответствует количеству и значению научных учреждений в субъектах региона. Отражением этого является образование на базе двух центров – Иркутска и Улан-Удэ – научных центров СО РАН. При этом на Сибирское отделение РАН приходится до 90% научного потенциала Байкальского региона.

Таблица 1. Матрица значений потенциалов высших учебных заведений Байкальского региона*

Потенциал, млн	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край	
	вузы	научные учр-ния	вузы	научные учр-ния	вузы	научные учр-ния
0,5–0,7		ИСЭ				
0,4–0,5	ИГУ					
0,3–0,4	ИрГУПС	ИДС и ТУ		ГИ		
0,2–0,3	ИГЛУ, НИИрГТУ	ИИХ, ИНЦ	БГУ, ВСГУТУ			
0,1–0,2	ВСГАО, ИГМУ, ИрГСХА, ВСУ МВД	ИСЗФ, ИГ, ИЗК, НИИИ СХ		ИОиЭБ	ЗабГУ	
менее 0,1	АГТА, БГУЭП, БрГУ	ИГиГ, СИБиБХ, ЛИ, НИИ ПиРЧ, НИИ ЭиМ, НИИ ТиО, ВС НИИ ГГмМС, ИНИИ ПИСиДВ, АФ НИИ МТиЭЧ	БГСХА, ВСГАКиИ	ИМБиТ, БИП, БНЦ, ИФМ	ЧГМА, ЗабГГПУ	ЗК НИИ, ИПРЭК

* Представлены сокращенные названия

В научно-образовательном пространстве Байкальского региона система учреждений Иркутской области имеет доминирующее значение.

Качественный анализ. Из тринадцати научно-образовательных центров региона 3 находятся на базе столиц субъектов Федерации и являются средоформирующими – Иркутск, Улан-Удэ и Чита. Остальные расположены на периферии

и в основном являются временными, образованные филиальной сетью вузов. Рассмотрим структуру формирования потенциала региона и центров. Для исследования нами выбран массив данных научной электронной библиотеки ELibrary.ru.

Реализация научного потенциала Байкальского региона по ведущим темам представлена в табл. 2.

Таблица 2. Структура реализованного научного потенциала Байкальского региона, по кол-ву публикаций

№	Иркутская область		Республика Бурятия		Забайкальский край		Байкальский регион	
	Тема	%	Тема	%	Тема	%	Тема	%
1	Химия	17,8	Сел. хоз-во	14,1	Медицина	26,0	Медицина	16,2
2	Медицина	15,3	Медицина	13,6	Образование	13,3	Химия	14,5
3	Геология	9,2	Химия	10,1	Горное дело	10,1	Геология	8,2
4	Экономика	7,9	Экономика	8,2	Биология	6,0	Экономика	7,5
5	Биология	6,3	Геология	6,0	Политика	5,6	Биология	6,2
6	Право	5,3	Биология	5,7	Геология	5,5	Право	4,6
7	Геофизика	4,4	Социология	5,4	Право	4,8	Геофизика	3,2
8	Физика	4,1	Физика	3,9	Философия	4,4	Физика	3,6
9	Машиностр-ие	3,9	Биотехнологии	3,8	Культура	3,9	Сел. хоз-во	3,4
10	Математика	2,7	Языкознание	3,3	Экономика	3,7	Машиностр-ие	3,2
11	Языкознание	2,1	Хим. технол.	2,8	Психология	2,6	Образование	2,8
12	Хим. технол.	1,9	Охр окр. ср.	2,5	Социология	2,2	Языкознание	2,3
13	Охр. окр. ср.	1,9	История	2,3	Литература	1,9	Математика	2,0
14	Образование	1,9	Право	1,9	Языкознание	1,8	Охр. окр. ср.	1,9
15	История	1,7	Политика	1,7	Машиностр-ие	1,7	Хим. технол.	1,9
16	Энергетика	1,5	Литература	1,6	География	1,5	Горное дело	1,9
17	Автоматика	1,2	Пищевая пром.	1,5	История	1,2	История	1,8
18	Сел. хоз-во	1,1	Строительство	1,3	Сел. хоз-во	1,2	Социология	1,2
19	Горное дело	1,1	Машиностр-ие	1,2	Охр. окр. ср.	1,0	Энергетика	1,1
20	Строительство	1,0	Водное хоз-во	1,1	Математика	0,9	Строительство	0,9
	Прочие	7,7	Прочие	8,0	Прочие	1,5	Прочие	11,6

Всего на 2013 год в Байкальском регионе научно-образовательные структуры (научные учреждения, вузы и их филиалы) представлены в 13 центрах. Научная составляющая потенциала региона реализована главным образом в пяти центрах: Иркутске (67,6%), Ангарске (1,8%), Братске (2,0%), Улан-Удэ

(17,7%) и Чите (10,9%). Всего центрами Иркутской области проводятся исследования по 49, Республики Бурятия по 39 и Забайкальского края по 24 темам, ведущие из которых представлены в табл. 2.

Образ региона формируется ведущими темами исследований научно-образовательных центров. Для учреждений Иркутска – это медицина (19,9%), экономика (16,2%), право (11,5%), химия (7,8%), машиностроение (6,5%); Братска – история (32,7%), машиностроение (21,5%), экономика (9,7%), сельское хозяйство (9,2%), строительство (6,7%); Ангарска – медицина (51,7%), биология (12,5%), химия (11,8%), экономика (4,8%), химические технологии (4,0%); Улан-Удэ – сельское хозяйство (8,5%), экономика (6,7%), социология (5,3%), биология (3,7%), химия (3,1%); Читы – медицина (26,0%), образование (13,3%), горное дело (10,1%), биология (6,0), политика (5,6%).

В целом, представленный опыт контент-анализа позволяет сравнительно объективно посмотреть на направления развития процессов территориальной организации общества. Относительно примера исследования возникает вопрос, насколько исследования научно-образовательных учреждений согласованы с программами развития страны и региона? В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 года» Байкальскому региону отведена роль «зоны новой» специализации, транспортно-транзитной зоны, зоны интенсивного ресурсного освоения и развития лесопромышленного комплекса. Ключевой агломерацией территории предполагается выбрать Иркутск-Ангарск-Шелехов, функцией которой будет: состоять в развитии мультимодального транспортного узла, логистического центра, центра сервиса и технологического обеспечения горнодобывающей и нефтехимической промышленности. Для городов Чита и Улан-Удэ отведена роль центров производства и технологического обеспечения в горнодобывающей промышленности [7]. Сегодня заметно, что наблюдается дисбаланс между задачами региона и реализацией его научного потенциала.

Литература

1. Грибок М. В. Анализ формирования образов регионов России в федеральных информационных программах телевидения с помощью ГИС: автореф. дис. … канд. геогр. наук. М.: МГУ, 2009. С. 24.

2. Тикунов А. В. Интегральные показатели пространственных моделей развития стран мира. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 248 с.

3. Дружинин А. Г. Глобализация как фактор инноваций в теории и методологии социально-экономической географии // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития / под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова: материалы междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону), 4–8 мая 2010 г.). Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2010. – С. 36–44.

4. Томских А. А. Пространственные аспекты изучения конкурентной парадигмы в географических исследованиях общественных систем // Природные, медико-географические и социально-экономические условия проживания населения в Азиатской России: материалы. науч.-практ. конф. Владивосток: Тихоокеанский ин-т географии ДВО РАН, Дальневосточный федеральный ун-т, Русское географическое общество; 2012а. – С. 183–186.

5. Томских А. А. Информационный потенциал в исследовании процессов позиционирования пространственных моделей // Всероссийская научная конференция «Проблемы территориальной организации природы и общества», посвященная 90-летию со дня рождения доктора географических наук, профессора Юрия Петровича Михайлова. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2012б. – С. 53–54.

6. Томских А. А. Территориальная организация образования и науки Байкальского региона // Вестник Читинского государственного университета (ЧитГУ) №11 (78). Чита: ЧитГУ, 2011. С. 112–118.

7. Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года // Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р. (в ред. распор. Правительства РФ от 08.08.2009 № 1121-р.). URL: http://base.consultant. ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=82134 (дата обращения: 12.10.2010)

УДК 338.43 (470.62)

В. Н. Тюрин, Л. А. Морева

ПОЛЯРИЗОВАННЫЙ АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС ЮГА РОССИИ. ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

POLARIZED AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE SOUTH OF RUSSIA. THE PROBLEMS OF DEVELOPMENT

Обоснована поляризованность агропромышленного комплекса Юга России, дана разработка типологической классификации сельского хозяйства в условиях высотной поясности, определены пути повышения эффективности аграрного производства на различных территориях.

Неге the author proves the polarity of agro-industrial complex of the south of Russia caused by the diversity of the natural landscapes and it's market structure. Moreover, the article

suggests detailed elaboration of typological classification of agriculture in high-altitude zone; the methods of advancement of efficient of agricultural production in different regions of the investigated area.

Ключевые слова: агропромышленный комплекс, поляризованность, ландшафты, рыночная экономика.

Keywords: agro-industrial complex, polarity, landscapes, market economy.

Юг России находится в пределах двух федеральных округов: Южного (преимущественно равнинного) и Северо-Кавказского (преимущественно горного). Это ведущий аграрный район страны; занимая 3,4% её пространства, он производит 22,3% сельскохозяйственной продукции. Его территория характеризуется большим разнообразием ландшафтов, что определяет формирование широкого спектра типов сельскохозяйственной специализации. Всего сложилось 36 районов, многие типы сохраняют свою направленность и ныне. Однако в отраслевой структуре, в уровнях развития, в степени использования природного и экономического агропотенциала произошли в постсоветский период существенные изменения. В современной аграрной сфере сформировался чётко выраженный поляризованный экономический ландшафт, который обусловлен как спецификой природной среды, так и этнокультурными и социально-политическими особенностями территории. На фоне Юга выделяется доминантный (в общенациональном масштабе) полюс сельскохозяйственного производства в лице Краснодарского, Ставропольского краёв и Ростовской области. В пределах этой «южно-российской аграрной триады» производится 23,5% валового сбора российского зерна, 37% семян подсолнечника и 27% сахарной свёклы [1]. Наряду с группой культур, предъявляющих умеренные требования к термическим условиям, на исследуемой территории достаточно большие массивы занимают и теплолюбивые культуры (кукуруза, бахчевые, рис, виноград, субтропические).

Сложившаяся продуктивность и уровни интенсивности сельского хозяйства тесно соотносятся с основными компонентами природного агропотенциала. Наивысшая производительность этого потенциала отмечается в тех типах природной среды, которые создают более благоприятные предпосылки для интенсификации производства. К ним относятся ландшафты Краснодарского края, юга Ростовской области и скотоводческо-овцеводческо-зерновые районы Ставропольского края.

Рассматриваемые субъекты Юга характеризуются не только высокими параметрами продуктивности, разнообразием отраслевой структуры, но и спецификой инвестиций в основной капитал. Они относятся к передовой группе регионов по этому показателю [2]. Более высокими также являются и удельные уровни этого порядка, рассчитанные на одного сельского жителя. Этот показатель имеет важное социально-экономическое значение, так как корреспондирует с качеством жизни людей.

Анализируемые регионы в структуре агропромышленного комплекса имеют высокий удельный вес пищевой промышленности, развивающейся на основе кооперации, оптимизации межхозяйственных и межрегиональных взаимосвязей. Её роль чётко видна в структуре объёма отгруженной продукции обрабатывающих производств. В Краснодарском крае в этой структуре пищевая промышленность доминирует – более 50%, что отражает функциональные особенности Кубани. В других субъектах эти показатели намного ниже: Ростовская область – 27,1%, Ставропольский край – 32,1%. В целом, данные аграрные регионы, ориентированные на обрабатывающие производства и работающие на внутрироссийский рынок, оказались в сравнении с районами, где сконцентрирован торгово-банковский капитал и добыча полезных ископаемых, нацеленных на экспорт сырья, менее благополучными. На их территории производство ВРП на душу населения составляет 64% от среднероссийского уровня.

Проблемным вопросом развития агропромышленного комплекса трёх регионов является состояние зернового хозяйства и животноводческих отраслей. Душевое производство зерна составляет (кг): Краснодарский край – 1586, Ставропольский край – 2597, Ростовская область – 962. Этот показатель по России – 576 кг. Указанные субъекты играют ведущую роль в общероссийском экспорте зерна. Целесообразным является координация на мировом зерновом рынке совместных действий с Казахстаном и Украиной. Это связано с проведением зарубежными государствами экспансионистской политики, направленной на захват рынков сбыта российского, казахстанского и украинского зерна, путём субсидирования зернового экспорта и предоставления своим зерновым компаниям иных льгот. Кроме того, следует учитывать наличие глубоководных портов российского Причерноморья: Новороссийского и Туапсинского (совместно с портами Украины).

Следует отметить и наличие негативных трансформаций в зерновом комплексе Юга, которые обусловлены целым рядом факторов. Один из них – неустойчивость урожайности, возрастающая в восточном и северо-восточном направлении. Вариация продуктивности зернового поля связана не только с агрометеорологическими условиями, но и с нехваткой удобрений. Отдача от них возрастает с большим ускорением в развитых странах (15 кг зерна на 1 кг д. в., против 5-6 кг в регионах Юга). Во всех субъектах Юга велик износ и крайняя отсталость инфраструктуры зернохранилищ, двукратный недостаток их мощности. Расширение экспорта зерна требует учёта его внутреннего потребления на фуражные цели. В этом отношении полезен опыт стран с развитым зерновым хозяйством. Они наращивают его расходы на кормовые цели, экспортируя животноводческую продукцию.

В «южно-российской аграрной триаде» усилился дисбаланс между двумя ключевыми блоками сельского хозяйства: растениеводством и животноводством. Доля животноводства в стоимости валовой продукции продолжает сокращаться. Удельный вес животноводства составляет в Ставропольском крае – 29,7%, близкое значение этого показателя имеют Краснодарский край – 33,6% и Ростовская область – 32,8% [3]. Складывающаяся модель такой структуры коренным образом отличается от западноевропейских стран, где в общем объёме агропродукции преобладает животноводство. Уменьшение доли животноводческой продукции обусловлено целым рядом факторов. Во-первых, все отрасли животноводства, за исключением овцеводства, являются капиталоёмкими и трудоёмкими в сравнении с растениеводством. Во-вторых, длительный инвестиционный цикл, который не сопровождается быстрой отдачей, оказывается не под силу нашему товаропроизводителю без существенной поддержки государства. В этих условиях ввоз продуктов питания из-за рубежа приводит к сокращению потенциала отраслей. Повсеместно произошёл сброс поголовья как жвачных (крупный рогатый скот и овцы), так и зернопотребляющих животных (свиньи). В Краснодарском и Ставропольском краях численность крупного рогатого скота сократилась в сравнении с 1990 г. соответственно в 2,6 и 2,8 раза, а в Ростовской области – в 3,5 раза. Сокращение поголовья овец и коз было наибольшим в Ставропольском крае и Ростовской области (соответственно 2,9 и 4,4 раза), где в засушливой зоне для них имеются значительные пастбищные ресурсы. Совершенствование отраслевой структуры животноводства предполагает дальнейшую концентрацию свиней и птицы в зерновых районах.

Другая группа регионов Юга (республики, относящиеся к Северо-Кавказскому федеральному округу) представляет собой практически «периферию» регионального АПК. Аграрный сектор большей части этой территории является депрессивной полосой с экстенсивным типом хозяйствования. Усугубляется ситуация из-за перекошенной структуры экономики, негативных особенностей институциональной системы. Денежные доходы на душу населения по отношению к среднероссийской величине колеблются от 88% в республике Дагестан до 56,6% в Карачаево-Черкесии. Налицо расслоение населения, относительно высокий уровень бедности. Здесь сформировались горно-предгорные различного типа сельскохозяйственные районы в условиях Эльбрусского, Терского и Дагестанского вариантов высотной поясности. В разрезе отдельных микрозон производственные типы и подтипы хозяйств имеют несколько модификаций.

Характерным в использовании земель является распространение мелкоконтурных земельных участков, имеющих неправильную конфигурацию. В условиях современной многоукладной системы землепользования экономически эффективно их выделение в малые формы организации сельского хозяйства: личные подсобные, фермерские и др. В большинстве субъектов Северо-Кавказского округа основной объём производства агропродукции (почти 73%) дают хозяйства населения, в том числе 62% растениеводческой и около 87% животноводческой продукции. Доля сельхозорганизаций имеет тенденцию к сокращению. В то же время повышается в общем объёме производства агропродукции доля крестьянских (фермерских) хозяйств. Так в Карачаево-Черкесии их удельный вес возрос с 1,9% в 2000 г. до 7% в 2010 г.

Особенностью специализации сельского хозяйства многих субъектов, в отличие от равнинных районов, является преобладание в агропродукции животноводства над растениеводством. Доля животноводческой продукции, например, в республиках Ингушетии и Чеченской превышает 70%. Исключением является Кабардино-Балкария, где растениеводство составляет 56,5%. Среди отраслей животноводства видное место занимает овцеводство. Дагестан, наряду с Карачаево-Черкесией, не только сохранили поголовье овец, но и превысили уровень 1990 г. В настоящее время Республика Дагестан по овцепоголовью занимает 1-е место в России. Этому способствуют не только обширные пастбищные ресурсы, но и традиционный уклад жизни населения. Ввиду малого спроса на шерсть происходит трансформация

в специализации овцеводства – переход на производство баранины.

Проведённый анализ позволяет сделать следующее заключение:

- необходимо принятие макроэкономических мер по установлению механизма формирования эквивалентных условий товарно-денежного обмена между сельскохозяйственными товаропроизводителями и производителями средств производства (услуг) для АПК;

- высокие темпы роста трудовых ресурсов, обусловливают необходимость развития малого бизнеса на селе для обеспечения сохранности, переработки и транспортировки сельхозпродукции. Это даст возможность создать внутренний рынок, который способен активизировать конкуренцию в использовании сырьевых и трудовых ресурсов депрессивных территорий;

- необходима модернизация степного землепользования, в основе которого должна быть реставрационно-адаптивная землеустроительная концепция.

Литература

1. Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009.

2. Никонова А.А., Красильникова Е.В. Кризис человеческого потенциала России и методы анализа // Экономика и математические методы. 2011. Т. 47. №2. С. 84-95.

3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.

УДК 911.3

Ю. В. Фаронова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ МЕНЕДЖМЕНТ В РФ

ECONOMIC GEOGRAPHI AND TERRITORIAL MANAGEMANT IN RUSSIAN FEDERATION

Рассмотрен научный и прикладной потенциал экономической географии для формирования территориального менеджмента, а также перспективы и ограничения для его применения в РФ.

Scientific and practical potential of economic geography for territorial management, also perspectives and limitations for its use in Russian Federation are considered in this article.

Ключевые слова: территориальная стратегия, территориальное взаимодействие, региональное благополучие

Keywords: territorial strategy, territorial interaction, regional well-being

Современная экономическая география имеет значительный конкурентоспособный потенциал по сравнению с другими региональными науками, так как может представить комплексное научное видение территории как объекта управления. В системе современного управления российской экономикой слабо представлен территориальный подход в принятии управленческих решений, которому должен быть отдан приоритет в организации системы управления. За 10 лет не было принято управленческих решений для преломления тенденции консервации территориальной неравномерности участия российских субъектов в экономическом развитии страны (табл.1).

Таблица 1. Группы субъектов РФ по доле ВРП в ВРП субъектов*

Кол-во субъектов	Величина ВРП (млн. руб.)	Доля ВРП группы субъектов от ВРП всех субъектов, %	Кол-во субъектов	Величина ВРП (млн.руб.)	Доля ВРП группы субъектов от ВРП всех субъектов, %
2000 г.			2010 г.		
2	1562856	27,2	2	10378083	27,7
9	1468630	25,5	9	9789235	26,2
19	1454294	25,3	20	9650835	25,8
53	1267892	22,0	52	7576818	20,3

*Рассчитано автором

Экономико-географы могут выполнять задачу формирования научно-практического представления у представителей власти о территориальных объектах. Для этого можно практиковать проведение семинаров, круглых столов с обязательным участием заинтересованной власти на базе кафедр экономической географии географических факультетов, а также внедрять преподавание экономической географии для будущих управленцев как осно-

вополагающей дисциплины. Тезис об «экономической выгоде от коммерциализации территории для формирования роста и развития субъектов» может стать главным звеном для привлечения управленческого интереса к потенциалу экономической географии. Примером может быть опыт формирования интегрированных городских кластеров развития в КНР и Индии с четкими признаками экономического значения для страны в целом и построенной на этом принципе территориальной иерархии городских кластеров, а в КНР также проведение государственной политики урбанизации. Современное экономическое развитие достигается путем экономического, социального, миграционного преодоления границ и стремлением к территориальному взаимодействию. В РФ границы субъектов становятся границами для экономического взаимодействия: например, в соответствии с ФЗ от 03.12.2011 № 392, не допускается создание зоны территориального развития на территориях нескольких субъектов РФ, а муниципальные образования, на территории которых предполагается создание зоны территориального развития, должны находиться на территории одного субъекта РФ [1]. Актуален подход к росту и развитию посредством управления городами, стремлением к созданию качественной городской системы расселения с экономической, социальной, экологической точек зрения. Реализуемые на практике в странах интенсивного роста идеи экономического развития «посредством территории» были озвучены Баранским Н.Н. – его научная идея «опорного каркаса территории» известна всем географам. Современные механизмы развития субъектов РФ с использованием территориального ресурса мало применимы в управлении. Например, можно предложить территориальную цепочку роста и развития: экономическая привлекательность локальных объектов территории (ПГТ, малые города) – экономическая привлекательность прилегающих территорий (пригородов) – создание рабочих мест – экономический рост – накопление потенциала роста и развития на локальных территориях – преобразование в более крупные населенные пункты или создание зон интегрированного экономического роста и развития – качественное преобразование городской системы расселения (локализация роста и развития с переходом на регионализацию роста и развития). Новыми географическими тезисами для управления в современных условиях могут стать: а) формирование экономически целесообразных территориальных образований (экономических районов,

политико-экономических регионов), б) управление страной – это управление не субъектами, а управление экономическими территориями (которые могут быть не привязаны к границам субъектов страны), в) активизация роста и развития требует определения границ экономически изолированных территорий как межсубъектных территориальных образований, управление которыми требует взаимодействия властей нескольких субъектов (например, это территория соседних субъектов Республики Башкортостан, Челябинской области, Свердловской области, Пермского края), г) региональные власти – это власти субъектов РФ, а также управляющие структуры экономических территориальных объектов управления, д) управление факторами производства, управление факторами роста и развития возможны только с помощью территориального подхода, регионализации «территориального комплекса развития», разработки региональной политики, проведения экономического районирования. Данные тезисы условно новые, так как известен опыт экономического районирования в плане ГОЭЛРО 1921 г. Территориальный подход к росту и развитию означает формирование нового в российских условиях территориального менеджмента, механизмы функционирования которого могут разрабатываться экономико-географами. Экономико-географы могут быть членами экспертных групп по разработке территориальных стратегий развития при правительствах субъектов. Территориальные стратегии развития могут содержать такие разделы как: 1) анализ территориальных систем: ситуационный, проблемный, ретроспективный, перспективный, сравнительный; 2) картографическое обеспечение процессов функционирования, динамики территориальных систем; 3) ГИС-обеспечение картографирования анализа, прогнозирования территориальных систем на разных территориальных иерархических уровнях; 4) моделирование потенциалов, рисков, перспектив роста и развития территорий разного иерархического уровня; 5) обоснование и определение дерева целей роста, развития с применением территориального подхода; 6) опыт территориального управления в других странах мира; 7) территориально-кластерное обоснование роста и развития. Актуальность приоритета территориального подхода к управлению ростом и развитием связана с дефицитом бюджета муниципальных образований РФ: в 2012 г. дефицит местных бюджетов РФ составил 105 млрд. руб, только в пяти субъектах страны местные бюджеты были профицитными. Экономические условия

в субъектах страны нельзя охарактеризовать благоприятными для развития, хотя благополучие регионов в соответствии с законом о местном самоуправлении должно обеспечиваться прежде всего на локальном территориальном уровне [2]. Расходы бюджетов субъектов страны на социально-культурные мероприятия в общей структуре расходов выросли с 52% в 2005 г. до 59% в 2011 г., задача повышения уровня и качества жизни населения возложена на субъекты страны, которые не в состоянии её решить. В РФ сформировано регулируемое политико-географическое пространство страны в интересах федеральной власти, но отсутствует экономико-географическое пространство в интересах развития субъектов. Соседское экономико-географическое положение субъектов РФ должно быть направлено на преодоление административных границ как барьеров для межсубъектного взаимодействия по аналогии со странами ЕС. Современные географические знания о территории – это стратегический ресурс управления в РФ. Однако, развитие «через территорию» наталкивается на проблему отсутствия действенных государственных регуляторов для её реализации в разных сферах (рынок земли, налоги, кредиты, рейдерство, монополизм). Главное препятствие для коммерциализации территориального ресурса – это непонимание приоритетов, целей, задач развития страны со стороны бизнеса и инвесторов. «Наши чиновники даже не понимают, как мы живем, как функционирует отрасль, какие у нас проблемы. Нужно создавать работоспособную группу, которая будет реально анализировать экономику, считать и формировать реальные целевые показатели» [3]. Опыт межсубъектного сотрудничества властей был представлен в США: в 2007 г. Национальная ассоциация губернаторов США разработала стратегическую инициативу «Инновационная Америка» для усиления конкурентоспособности страны в глобальной экономике на основе повышения способности регионов к инновациям [4]. В российских условиях федерально-бюджетного инвестирования сотрудничеству региональных властей препятствует их конкуренция за федеральные ресурсы развития. Возрастает актуальность научно-практического, консультационного, экспертного, проектного, планировочного, управленческого потенциалов экономической географии для формирования территориального менеджмента посредством усиления организационной роли ведущих центров географического образования страны.

Литература

1. Федеральный закон РФ от 03.12.2011 г. № 392-ФЗ «О зонах территориального развития в РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» // http://www.rg.ru/2011/12/06/terrzony-site-dok.html

2. Федеральный закон РФ от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Российская газета. 08.10.2003.

3. Калянина Д. Цель – обустраивать территорию. Беседа с директором компании «Ральф Рингер» в г.Вологде А.Бережным // Эксперт. № 11 (843). 18.03.2013.

4. Стратегическое планирование в США: новые подходы // http://www.city-strategy.ru/UserFiles/File/usa.doc

УДК 91:911.3.001(575.1)

В. Н. Федорко

РАЗВИТИЕ ПРОБЛЕМАТИКИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИРОДЫ И ОБЩЕСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ УЗБЕКИСТАНА

DEVELOPMENT ISSUES INTERACTION OF NATURE AND SOCIETY IN THE ECONOMIC AND SOCIAL GEOGRAPHY OF UZBEKISTAN

Рассмотрена история развития проблематики взаимодействия общества и природы в экономической и социальной географии Узбекистана. Основным результатом исследования является периодизация изучения обозначенной проблемы географами-обществоведами Узбекистана разных поколений на протяжении последних 90 лет.

The article briefly describes the history of the study of the problems of interaction between society and nature in the economic and social geography of Uzbekistan. The main result of the author's research is the identification of periods of studies indicated problems in human geography of Uzbekistan for the past 90 years.

Ключевые слова: экономическая и социальная география, взаимодействие общества и природы, периодизация, развитие тематики и методологии

Keywords: economic and social geography, the interaction of society and nature, periods, themes and methodology development

Проблема взаимодействия общества и природы представляет собой стержневую теоретико-методологическую, практиче-

скую и общефилософскую проблему системы географических наук, изучение этих вопросов является важнейшим объектно-предметным полем интеграции физической и социально-экономической ветвей географии. Изучение социоприродного взаимодействия, его ресурсно-отраслевых, экологических и региональных аспектов всегда находилось в фокусе исследовательских интересов географов-обществоведов Узбекистана. Вместе с тем, тематика работ, посвящённых рассматриваемой проблематике, фундаментальные и прикладные идеи, нашедшие в них отражение и развитие, по мере эволюции отечественной общественно-географической мысли закономерно трансформировались.

На основе авторского анализа обширного литературного материала, были выделены 4 крупных периода развития проблематики социоприродного взаимодействия в экономической и социальной географии Узбекистана, каждый из которых отличается преобладанием определённых предметно-тематических направлений соответствующих изысканий. В качестве рубежных научных трудов выбраны крупные исследования, отражённые в диссертациях или монографиях экономико-географов республики, посвящённых фундаментальному и подробному рассмотрению новаторских для своего времени (и общественно-географической науки Узбекистана) вопросов взаимодействия общества и природы. Эти границы между этапами, конечно, условны, так как преобладавшая на каждом предыдущем этапе научно-практическая тематика не исчезала совсем из поля зрения узбекистанских экономико-географов в последующие периоды, а продолжалась и углублялась в разработках специалистов, сочетаясь с фронтальными исследованиями новых этапов.

1-период охватывает 1922-1960 гг. На этом этапе проблематика взаимодействия общества и природы находила своё отражение и решение, главным образом, в комплексных экономико-географических исследованиях Средней Азии, Узбекистана, отдельных регионов республики. В работах таких экономико-географов как Г.Н.Черданцев, В.М.Четыркин, Х.С.Лобач, Н.В.Смирнов, З.М.Акрамов, Н.Г.Цапенко рассматриваются вопросы влияния природных условий и ресурсов различных территорий Узбекистана и сопредельных стран Средней Азии на

их хозяйственное и расселенческое освоение, даётся экономико-географическая оценка естественно-ресурсных предпосылок развития и размещения производительных сил, анализируется воздействие природно-экологических факторов на процессы социально-экономического районообразования, выполняются первоначальные опыты интегрального природно-хозяйственного районирования различных географических систем. Характерными методологическими особенностями экономической географии этого периода является тесное методологическое взаимодействие с физической географией и её отраслевыми подразделениями, большое место фактического и теоретического естественноисторического материала в содержании и структуре диссертационных и монографических работ.

Среди знаковых работ того времени можно отметить монографию Г.Н.Черданцева «Среднеазиатский экономический район» (1922), многочисленные статьи по географии хозяйства Узбекистана и Средней Азии В.М.Четыркина, опубликованные в изданиях 1930-1940-ых годов, монография Х.С.Лобач «Устюрт» (1950), кандидатская диссертация Н.В.Смирнова «Кашкадарьинская область: экономико-географическая характеристика» (1950), кандидатская диссертация З.М.Акрамова «Экономико-географическая характеристика Наманганской области» (1954), монография Н.В.Смирнова «Города Ферганской долины» (1957), двухтомник «Ферганская долина» (1954-1956), выпущенный под научной редакцией Г.Н.Черданцева и В.М.Четыркина. Последний научный труд представляет собой образец комплексного экономико-географического исследования, выполненного с опорой на проблемный подход.

2-период включает 1961-1971 гг. В это время в экономической и социальной географии Узбекистана вопросы взаимодействия общества и природы рассматривались, главным образом, в рамках региональных агрогеографических исследований и работах по анализу природных факторов сельского и городского расселения. Становление этих направлений общественной географии Узбекистана во многом связано с масштабными экспедиционными исследованиями Зарафшанской долины, проводившимися в конце 1950-начале 1960-ых годов при участии географов МГУ, в частности, профессоров Н.А.Гвоздецкого, Т.В.Звонковой,

А.Н.Ракитникова, С.А.Ковалёва, и сотрудников географических кафедр вузов Ташкента и Самарканда. В этот период были подготовлены и защищены ряд диссертационных работ узбекских географов по физической и социально-экономической географии Зарафшанской долины, в частности, первая в Узбекистане докторская диссертация по экономической географии – работа З.М.Акрамова «География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей», год защиты которой – 1961 – и принят нами за начало 2-этапа.

После 1961 года в республике было защищено значительное число диссертаций по региональным агрогеографическим проблемам, опубликованы монографии и крупные научные статьи, социальная актуальность которых была обусловлена, в первую очередь, широко развернувшимися к тому времени работами по освоению новых земель в Узбекистане. Характерной методологической особенностью этих трудов является подробный анализ природных предпосылок сельскохозяйственного освоения территории, оценка агроприродного потенциала изучаемых территорий. Интересно, что объектами исследований зачастую выступали не административно-территориальные, а физико-географические единицы. К исследованиям рассматриваемого направления правомерно отнести работы Р.А.Хадиева по географии сельского хозяйства северо-востока Кашкадарьинской области, К.Н.Абиркулова по географии отгонно-пастбищного животноводства республики, А.Р.Рузиева по сельскому хозяйству Сурхан-Шерабадской впадины, Т.Э.Эгамбердиева по сельскохозяйственным районам Келесской долины, С.А.Исламова по сельскохозяйственному освоению Каршинской степи, С.С.Саидкаримова по проблемам развития и размещения богарного земледелия в долине Зарафшана, Е.К.Умарова по сельскому хозяйству Хорезмского оазиса, О.А.Замкова по агропроизводственной оценке земель Ташкентской области и другие научные изыскания, результаты и методика которых опубликованы в изданиях 1960-ых годов.

Изучение природных факторов и предпосылок расселения в этот период не носило таких больших масштабов, как региональная география сельского хозяйства, но представлено весьма интересными работами. К их числу следует отнести, прежде всего, работы Р.Валиевой по географии сельского расселения Са-

маркандской области, выполненные под научным руководством и при непосредственном участии профессора МГУ С.А.Ковалёва, работы М.К.Караханова по системам расселения предгорий и гор республики, статьи Н.В.Смирнова по оценке ландшафтных районов республики с точки зрения градостроительства, публикации Г.Р.Асанова и И.С.Сафарова по природно-хозяйственной типологии сельского расселения, соответственно, Наманганской и Сурхандарьинской областей.

3-период соответствует 1972-1991 годам и отличается преобладающим рассмотрением социоприродной тематики в рамках работ по проблемам комплексного использования природных ресурсов, географии сельского расселения и географии городов. Становление первого направления, нового для экономической географии Узбекистана на том этапе, связано с выходом в свет монографий Э.Л.Золотарёва «Проблемы охраны и воспроизводства природных ресурсов Узбекистана в процессе их использования» (1972) и З.М.Акрамова «Проблемы хозяйственного освоения пустынных и горно-предгорных территорий Узбекистана» (1974). Практическая актуальность данной линии исследований была связана с ускоренным ростом производства и населения республики в 1970-е годы, требовавшим вовлечения в хозяйственный оборот новых природных ресурсов. В дальнейшем рассматриваемая проблематика затрагивалась в коллективных работах СОПСа АН Узбекистана по комплексному изучению проблем и перспектив развития и размещения производительных сил районных ТПК республики – Ангрен-Алмалыкского (1972), Бухара-Кызылкумского (1972), Голодностепского (1976), Нижнеамударьинского (1978), Каршинского (1981). В конце 1980-ых годов учёными в области региональной экономики была издана монография «Экономический потенциал пустынных и полупустынных территорий Узбекистана и проблемы его использования», весьма близкая по предметному содержанию к экономической географии. Также на рубеже 1980-90-ых гг. Р.И.Буртманом были опубликованы первые опыты природно-ресурсного районирования Узбекистана (1989; 1990).

В свою очередь, природно-ресурсные предпосылки формирования и развития сельского и городского расселения, а также эколого-экономические проблемы селитебных систем с разных точек зрения рассматриваются в работах 1970-1980-ых гг. та-

кими экономико-географами как Т.И.Раимов, О.Б.Ата-Мирзаев, А.С.Салиев, Р.Тиллаев, И.С.Сафаров, Т.Д.Джумаев, М.Я.Янгибаев, А.А.Каюмов, З.Р.Райимджанов, Т.И.Маллабаев и другими учёными республики. Исследования А.С.Салиева, З.Р.Райимжанова, Т.И.Маллабаева 1980-ых годов стали методологической основой урбоэкологических исследований, более активно развернувшихся в Узбекистане уже в последние два десятилетия.

4-период истории общественно-географического изучения проблем взаимодействия социума и природы в Узбекистане связан, главным образом, с целенаправленными изысканиями по решению эколого-экономических и социально-экологических проблем Узбекистана и его отдельных регионов, становлением, в этой связи, новых комплексных тематических направлений социально-экономической географии. Начало этого этапа связано с кандидатской диссертацией Ш.А.Азимова «Чарвакское водохранилище. Экономико-географическое исследование» (1992), представляющей собой первый опыт изучения геотехнических систем Узбекистана с применением общественно-географических подходов. В последующем были защищены работы по региональным проблемам социальной экологии (Х.Турсунов, 1994; М.Хамраев, 2009), медицинской географии (Н.Камилова, 1999; 2012), устойчивому развитию горной зоны республики (Т.Д.Джумаев, 2004), оптимизации регионального землепользования (Ю.И.Ахмадалиев, 2008), проблемам развития и размещения производительных сил в условиях кризисной геоэкологической обстановки (Е.К.Умаров, 2003).

Таким образом, проблематика взаимодействия общества и природы в экономической и социальной географии прошла определённую предметную и методологическую эволюцию в ходе развития этой науки в течение ряда десятилетий. Важнейшими факторами, способствовавшими этим изменениям, представляются: потребности общественной практики в тех или иных научных изысканиях; внутренние процессы развития экономической и социальной географии, «насыщение» традиционных тематических направлений и появление новых; личностный фактор – научные интересы и достижения крупных экономико-географов республики.

УДК 911

Г. М. Федоров

РОЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ В ИНСТИТУТЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ, ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА БФУ им. И. КАНТА

THE ROL OF SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHI IN NEW DIRECTION TRAINING IN INSTITUTE FOR ENVIRONMENTAL MANAGEMENT SPACIAL DEVELOPMENT AND URBAN PLANING IMMANUEL KANT BALTIC FEDERAL UNIVERSITY

В Балтийском федеральном университете им. И.Канта создан Институт природопользования, территориального развития и градостроительства, объединивший факультет Географии и геоэкологии и Градостроительный колледж. Планируется открытие новых направлений бакалавриата и магистратуры и специальностей аспирантуры, использующих совместный потенциал географов и градостроителей БФУ им. И.Канта и Атлантического отделения Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН (кафедра географии океана стала базовой кафедрой университета в Институте).

The Institute for Environmental Management, Spatial Development, and Urban Planning, which brought together the Faculty of Geography and Geoecology and the College of Urban Planning, has been established at the Immanuel Kant Baltic Federal University. It is planned to introduce new bachelors, masters and doctoral programmes exploiting the joint potential of geographers and urban planners, IKBFU and the Atlantic Branch of the P.P. Shirshov Institute of Oceanology of the Russian Academy of Sciences (the Department of the Geography of the Ocean formed the core university department of the Institute).

Ключевые слова: Институт природопользования, территориального развития и градостроительства; Балтийский федеральный университет им. И.Канта

Keywords: Institute for Environmental Management, Spatial Development, and Urban Planning; Immanuel Kant Baltic Federal University

В 2012-2013 гг. в Балтийском федеральном университете им. И.Канта осуществляется реорганизация основных учебных подразделений. Укрупняются кафедры, из прежних факультетов и колледжей формируются институты, более крупные, чем прежние факультеты.

Небольшие размеры регионального рынка, на который в основном продолжает ориентироваться университет (кстати, после придания университету федерального статуса приток абитуриентов из других регионов страны возрос, но их доля в общем контингенте поступающих в университет в 2012 г. составила лишь около 10%), объясняют соединение в ряде институтов нескольких направлений подготовки кадров. Приказом ректора университета от 15 февраля 2013 г. в Институт природопользования, территориального развития и градостроительства объединены факультет Географии и геоэкологии (с программами высшего профессионального, послевузовского и дополнительногообразования) и Градостроительный колледж (с программами среднего профессионального и дополнительного образования).

В составе факультета географии и геоэкологии функционировали 4 кафедры: физической географии, социально-экономической географии и геополитики, географии океана, геоэкологии. В процессе реорганизации кафедра географии океана стала базовой кафедрой университета в Атлантическом отделении Института океанологии им. П.П.Ширшова РАН. Из остальных кафедр часть преподавателей перешла на вновь образованную кафедру градостроительства, землепользования и дизайна, а остальные составили кафедру географии, природопользования и пространственного развития.

Среднее профессиональное образование (СПО) представлено в Институте шестью программами: «Строительство и эксплуатация зданий и сооружений»; «Архитектура»; «Информационные системы обеспечения градостроительной деятельности» (раньше эта программа называлась «Градостроительный кадастр»); «Монтаж и эксплуатация оборудования и систем газоснабжения»; «Строительство и эксплуатация дорог и аэродромов»; «Водоснабжение и водоотведение». Уже сейчас налажены вертикальные связи между программами СПО и ВПО. Так, программа СПО «Информационные системы обеспечения градостроительной деятельности» (которая реализовывалась в колледже) получает дальнейшее развитие в программе бакалавриата ВПО «Землеустройство и кадастры» (профиль «Земельный кадастр»), по которому получена лицензия факультетом географии и геоэкологии. А получив диплом техника по программе СПО «Архитектура» можно продолжить образование по близкой программе бакалавриата «Дизайн». Пока по этой программе подготовка ведется по про-

филю «Графический дизайн», но уже со следующего года планируется открытие профиля «Ландшафтный дизайн». Дальнейшее обучение можно продолжить в магистратуре по соответствующим программам.Объединяет географические и градостроительные специальности также магистратура по программе «Стратегическое и территориальное планирование». Еще более тесные связи будут установлены с открытием бакалавриата и магистратуры по направлению «Градостроительство», бакалавриата по профилю «Городской кадастр» и магистратуры по направлению «Землеустройство и кадастры».

Таблица. Направления, профили и программы подготовки Института. Высшее профессиональное образование

№	Направление подготовки	ГПрПР	ГО	ГЗД
МАГИСТРАТУРА				
1	География. Профиль: Физическая география и ландшафтоведение	+		
2	География. Профиль: Прибрежная океанография		+	
3	География. Профиль: Стратегическое и территориальное планирование			+
4	География. Профиль: Страноведение Балтийского региона	+		
5	Геоэкология. Профиль: Экологическая безопасность природопользования	+		
6	Дизайн (Профиль:Графический дизайн, план: Ландшафтный дизайн)			+
7	План: Гидрометеорология. Профиль:Морская океанология.		+	
8	План: Землеустройство и кадастры (профили: Земельный кадастр, Городской кадастр)			+
9	План: Градостроительство (профили: Градостроительное проектирование)			+
БАКАЛАВРИАТ				
10	Дизайн (профиль: Графический дизайн)			+
11	Землеустройство и кадастры (профиль: Земельный кадастр, план: Городской кадастр)			+

12	Гидрометеорология (профиль: океанология)		+	
13	География (профиль: Общая география),	+		
14	География (профиль: Региональная политика и территориальное управление)	+		+
15	Экология и природопользование (профили:Геоэкология, Природопользование)	+		
16	План: Градостроительство (профиль: Градостроительное проектирование)			+
17	Строительство (профили: - промышленное и гражданское строительство, -городское строительство и хозяйство, - производство строительных материалов, - строительство автодорог и аэродромов)			+

Примечание: ГПрПР — Кафедра географии, природопользования и пространственного развития; ГО — Кафедра географии океана; ГЗД — Кафедра градостроительства, землепользования и дизайна

Социально-экономическая география через территориальное планирование стала связующим звеном двух направлений деятельности нового института. Еще более важную связующую роль будет играть «Градостроительное проектирование» как профиль бакалавриата и программа магистратуры. Отметим также, что сам институт, кафедра Градостроительства, землепользования и дизайна, а также кафедра Географии, природопользования и пространственного развития возглавляются экономико-географами.

На кафедре Географии, природопользования и пространственного развития за экономико-географами закреплена магистратура «Страноведение Балтийского региона», они обеспечивают также ряд общих курсов на бакалавриате. Кафедра градостроительства, землепользования и дизайна отвечает за программу бакалавриата «Региональная политика и территориальное управление» и магистратуры «Стратегическое и территориальное планирование». В дальнейшем, по мере лицензирования новых направлений подготовки, экономико-географы будут играть большую роль в преподавании дисциплин по направлению бакалавриата «Градостроительство» (профиль «Градостроительное проектирование») и соответствующей магистратуры.

Отметим, что набор в магистратуру на факультете географии и геоэкологии по направлению «География», профиль «Физическая география и ландшафтоведение был осуществлен в 2011 году. Две программы магистратуры по направлению «география», по одной – по направлениям «геоэкология» и «дизайн» были разработаны в 2013 году в соответствии с Программой развития федерального университета. К их разработке были привлечены не только профессора и преподаватели БФУ им. И.Канта, но и ведущие ученые Московского и Санкт-Петербургского университетов (профессора В.Л. Бабурин, А.И. Чистобаев, Н.М. Межевич, декан факультета географии и геоэкологии СПбГУ Н.В. Каледин), специалисты-практики, работающие в проектных организациях (к.г.н. В.И. Пустовгаров, к.г.н. С.В. Скатерщиков). В течение ближайших двух лет предполагается разработать еще 4 новые программы магистратуры по трем направлениям подготовки – гидрометеорология (программа «морская океанология»), землеустройство и кадастры (программы «земельный кадастр» и «городской кадастр»), градостроительство (программа «градостроительное проектирование).

Не исключено, что Институт воспользуется предоставленным федеральным университетам правом открывать магистерские программы по собственным стандартам с тем, чтобы в еще большей мере усилить географическую(в том числе экономико-географическую) составляющую в программе «градостроительное проектирование». Кроме того, следует отметить, что в Союзе архитекторов в 2012 г. была инициирована разработка федерального стандарта по новому направлению подготовки – «Градостроительное администрирование» (в этой деятельности приняли участие и сотрудники БФУ им. И.Канта). К сожалению, эта работа не доведена до конца, но сам факт ее проведения свидетельствует о существующих потребностях разработки новых направлений обучения в сфере градостроительства.

Для подготовки кадров по новым направлениям деятельности важно, что Институт располагает большой аспирантурой (около 100 аспирантов), а также докторантурой (по геоэкологии и географии океана). Специальности аспирантуры: «Физическая география и биогеография, география почв и геохимия ландшафтов», «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география», «Океанология», «Геоэкология». Готовится к лицензированию специальность «Землеустройство, кадастр и

мониторинг земель». Действует докторский диссертационный совет по специальностям «Геоэкология»;«Океанология»; «Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география». Значительную часть аспирантов составляют экономико-географы, причем часть из них поступило на обучение из других регионов страны. К сожалению, защищаются пока далеко не все из обучавшихся в аспирантуре, и руководство Института предпринимает меры по улучшению ситуации: приглашает ведущих российских и зарубежных ученых для чтения лекций и руководства семинарами и летними школами, привлекает аспирантов к научным исследованиям, стимулирует поездки на конференции. Благодаря участию университета во многих международных программах (Темпус, ЭразмусМундус, Балтийский университет, EU4U и др.), в проектах фонда DBU и Программы приграничного сотрудничества Польша – Литва – Россия, студенты и аспиранты института имеют возможность принимать участие в круглых столах, обучающих семинарах, проходить стажировки в зарубежных вузах.

Для переподготовки по новым направлениям и повышения квалификации преподавателей и сотрудников будут в полной мере использованы возможности Программы развития БФУ им. И.Канта. Весь профессорско-преподавательский состав Института освоит новые направления деятельности или повысит квалификацию, пройдя соответствующие курсы в ведущих российских и зарубежных научно-образовательных центрах.

В повышении квалификации профессорско-преподавательского состава большое значение имеют научные проекты, в которых участвуют экономико-географы. В университете имеются хорошие возможности для публикации результатов исследований – выпускаются ВАКовские журналы «Вестник БФУ им. И.Канта (серия естественные науки)» и, совместно с Санкт-Петербургским университетом (но на базе БФУ им. И.Канта) – «Балтийский регион», обладающий неплохим импакт-фактором (поставлена цель – добиться его включения в Scopus).

Наш опыт разработки Территориальной комплексной схемы градостроительного планирования развития территории Калининградской области и ее частей (которая в 2004 г. была пионерной для России и получила первую премию Госстроя РФ, а также серебряную медаль на Международной выставке в Лондоне), Генерального плана Приморской функциональной рекреационной зоны (2002 г.) показал преимущества совместной работы

специалистов – архитекторов, градостроителей и экономико-географов в подготовке такого рода документов. Поэтому представляется весьма перспективным для научных исследований пространственной организации территории, предпроектных разработок и обоснования документов территориального планирования соединение ученых этих специальностей в одном институте. В результате будет происходить и взаимообогащение учебных курсов и программ, реализуемых Институтом природопользования, территориального развития и градостроительства.

УДК 911.3:33(47+57)

В. И. Часовский

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА В РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

CLASTER POLICY IN THE DEVELOPMENT OF INDASTRY OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

Дана характеристика кластерного подхода в стратегии инновационного развития промышленности стран СНГ в начале XXI века; представлена региональная оценка этапа адаптации понятия «кластерная политика» к специфике национальных условий функционирования государственной власти, индустрии, науки и образования, бизнеса и общества.

The article gives a short description of the cluster approach in the strategy of innovative development of the industry of the CIS countries at the beginning of the 21st century. One gives regional assessment to the stage of adaptation of the concept «cluster policy» to the specification of the national conditions of functioning of the government, industry, science and education, business and society.

Ключевые слова: кластерная политика, промышленный кластер, модернизация, технопарк, сетевая структура, инновация, отрасль.

Keywords: cluster policy, industrial cluster, modernization, technological park, network structure, innovation, branch.

Промышленная политика в последние годы стала ключевым механизмом реализации стратегии социально-экономического развития стран СНГ и их регионов, в рамках которых получили

ускорение процессы кластеризации. Преимущества кластерного подхода способны стать для стран Содружества «локомотивами» экономического роста [1].

В промышленности России курс на формирование кластеров был взят в 2005 году. С этого периода тема создания промышленных кластеров становится одним из основных лейтмотивов как федеральных, так и региональных программ развития. Например, в Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года [2] в качестве одной из задач модернизации промышленности названы создание условий для формирования устойчивых научно-производственных кооперационных связей, инновационных сетей и кластеров.

В Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года отмечено, что успех реализации инновационного сценария развития страны будет зависеть от поддержки кластерных инициатив, направленных на достижение результативной кооперации организаций – поставщиков оборудования и комплектующих, специализированных производственных услуг, научно-исследовательских организаций в рамках территориально-производственных кластеров [1].

В проекте Концепции совершенствования региональной политики в РФ (2009 год), разработанной Минрегионразвития России, определены зоны опережающего экономического роста, которые призваны стать платформой для образования территориально-производственных кластеров и единых технологических цепочек по производству продукции с высокой добавленной стоимостью [3].

В 2008 году Минэкономразвития РФ была принята Концепция кластерной политики в стране. Таким образом, национальная промышленная политика стала ключевым механизмом реализации стратегии и программ социально-экономического развития российских регионов, в рамках которых получили ускорение процессы кластеризации. В ряде регионов России были приняты отдельные программы развития кластеров или созданы организационные структуры по их развитию. Но несмотря на активную деятельность региональных властей по формированию кластерных структур, лишь относительно небольшая часть проектов развития российских промышленных кластеров достигла стадии практической реализации (табл. 1).

Таблица. Некоторые потенциальные региональные кластеры России

Регион	Промышленные кластеры
г. Москва и Московская обл.	авиационно-космический, микроэлектроники, пищевой, стройиндустрии, кожевенно-обувной, текстильный
г. С.-Петербург и Ленинградская обл.	судостроительный, автомобилестроения, фармацевтики, полимерных материалов, приборостроения, производства электробытовой техники
Вологодская обл.	металлургии и металлообработки, машиностроения
Красноярский край	металлургический, горнодобывающий
Пермский край	сельскохозяйственного машиностроения, химический, нефтехимический, деревоперерабатывающий
Башкортостан	машиностроительный, химический, нефтехимический
Татарстан	нефтехимический, производства и переработки полипропилена, автомобильный [4]
Самарская обл.	автомобилестроения, авиационно-космический, нефтехимический, стройиндустрии
Свердловская обл.	автомобилестроения [5], металлургический («Титановая Долина» [6]), машиностроение
Тюменская обл.	нефтегазовый

Отметим также, что для российской промышленности является выгодным не только создание «внутренних» кластеров как устойчивых субконтрактных схем, но и построение трансграничных кластеров (в первую очередь, со странами СНГ, а также с Финляндией, Норвегией и Китаем).

Кластерная политика в отдельных странах СНГ стала популярной ещё и потому, что правительства этих стран разочаровались в других формах государственной политики, например, промышленной политике поддержки перспективных отраслей (infant industries) [7]. В Армении, например, наблюдается динамика в развитии процессов объединения производителей или разработчиков схожих видов продукции в группы по номенклатурному признаку (кластеризации). Наибольшего развития в стране достигли следующие виды кластеров: нефтехимический, обработки алмазов и изготовления ювелирных изделий, добычи и обработки металлов [8].

В Беларуси, в соответствии с проектом Указа Президента Республики Беларусь «О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы», определено, что одной из основных задач для инновационного и технологического развития промышленности является создание многопрофильных кластерных структур, в том числе нового кластера в области нано- и биотехнологий и фармацевтической промышленности. Также принята система мер по формированию в стране инновационно-промышленных кластеров, таких как: 1) химический кластер в г. Гродно; 2) автотракторостроительный кластер в г. Минске; 3) химико-текстильный кластер в г. Могилёв и других [1].

В Казахстане в последние годы были разработаны и находились в реализации несколько масштабных инновационных и индустриальных программ, включая программу кластерного развития. В итоге все намеченные в рамках программ проекты были объединены в «Государственную программу по форсированному индустриально-инновационному развитию (ФИИР) Республики Казахстан на 2010–2014 годы». Для индустриального прорыва страны изначально назначены семь сфер, среди которых агропромышленный комплекс, стройиндустрия и производство стройматериалов, нефтепереработка, металлургия, энергетика (включая ядерную). В соответствии с данными программы основными кластерами инноваций в Казахстане должны быть технопарки. Поэтому в республике сформирована двухуровневая система технопарков – шесть национальных и семь крупных региональных в городах Алма-Ате, Караганде, Уральске, Чимкенте, Усть-Каменогорске, Петропавловске и Астане. Отличительной особенностью национальных технопарков является наличие отраслевой направленности в их деятельности и режима Специальной экономической зоны (СЭЗ) с льготным налогообложением [1].

В начале 2011 года руководство Республики Таджикистан приступило к созданию в стране первого промышленного кластера – Таджикской химико-металлургической корпорации.

Главная цель национальной стратегии модернизации экономики Украины – её выход на траекторию устойчивого развития. Основой для достижения данной цели является макроэкономическая стабильность и кардинальная модернизация экономики по уменьшению разрыва в конкурентоспособности предприятий с основными промышленными конкурентами. На данный момент

в Украине можно выделить следующие потенциальные промышленные кластеры: Институт электросварки им. Е.О. Патона (г. Киев), Научно-технический концерн «Институт монокристаллов» НАН Украины, Институт физики полупроводников НАН Украины, ЗАО Технологический парк «Углемаш» (г. Донецк), Технологический парк «Институт технической теплофизики» (г. Киев) и др. [1].

По оценкам экспертов национальная инновационная система в Молдове, Кыргызстане, Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане в настоящее время находится в стадии своего формирования. Государство в этих странах является основным заказчиком научно-технических разработок, а вовлечение частного сектора пока представлено фрагментарно.

Таким образом, анализ практики реализации кластерного подхода в решении задач инновационного развития позволяет сделать следующий вывод: Россия и другие страны Содружества сегодня пытаются использовать преимущества кластерного подхода в решении задач модернизации и инновационного развития страны [9]. Однако она находится в начале пути, переживая этап адаптации понятия «кластерная политика» к специфике национальных условий функционирования государственной власти, науки и образования, бизнеса и общества.

Литература

1. PartnershipLINKWEST 2009. 10.03.

2. Евстигнеева Л., Евстигнеев Р. Макроэкономические аспекты региональной политики. М.: Экономическая политика, 2006. № 4. С.112.

3. Татаркин А.И. Кластерная политика региона // А.И. Татаркин, Ю.Г Лаврикова // Промышленная политика в Российской Федерации. 2008. № 8.

4. Касымов Г.Ф. Совершенствование процесса формирования кластеров в экономике Республики Татарстан // Вестник ТИСБИ. 2008. № 1.

5. Романова О.А, Лаврикова Ю.Г., Чернавин П.Ф. «Концепция создания и развития уральского автомобильного кластера» // Промышленная политика в Российской Федерации. 2008. № 9.

6. Романова О.А., Оглоблин А.А., Лаврикова Ю.Г. Концепция создания высокотехнологичного кластера «Титановая долина». Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2008.

7. Porter Michael E. Clusters and the New Economics of Competition // Harvard Business Review. 1998. November-December. P. 77–90.

8. Потоцкая Т.И. Международное разделение труда в алмазно-бриллиантовом комплексе. Смоленск: Универсум, 2008. 388 с.

9. Часовский В.И. Структурная трансформация промышленности стран СНГ (территориально-отраслевой аспект): монография. Смоленск, 2009. 316 с.

УДК 911.3 (571)

Н. В. Чугунова, С. А. Игнатенко

КЛЮЧЕВЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ГЕОГРАФАМИ-ОБЩЕСТВОВЕДАМИ

THE KEY CHALLENGES OF THE DEVELOPMENT OF THE REGION IN CONDITIONS OF GLOBALIZATION AS AN OBJECT OF RESEARCH GEOGRAPHERS-SOCIAL SCIENTISTS

Выявлены ключевые вызовы в развитии региона в условиях глобализации, предложены варианты решения проблем социально-экономического развития.

Identified key challenges in the development of the region in the conditions of globalization, the offered variants of the solution of the problems of socio-economic development.

Ключевые слова: вызовы развития, человеческий капитал, функциональная структура, сырьевые ресурсы, услуги, экологические риски, здоровье населения.

Keywords: challenges of development, human capital, functional structure, resources, services, environmental risks, health of the population.

Перед Россией, ее регионами стоят новые вызовы, определяющие необходимость модернизации экономики, обеспечение экономического роста, улучшение условий жизни населения. Решение задач модернизации общества происходит в условиях воздействия на регионы внешних и внутренних вызовов, осложняющих достижение поставленных целей. Задачей нашего исследования является выявление основных ключевых социально-экономических вызовов для устойчивого, поступательного развития регионов России. Основные вызовы мы исследовали на конкретном примере одного из субъектов РФ – Белгородской области, социально-экономическое развитие которой отражает условия и факторы, характерные для многих староосвоенных районов России.

Результаты исследования показали, что для регионов России и Белгородской области, в частности, вызовами (под которыми мы понимаем крупные объективные проблемы, риски для развития экономики, общества и окружающей среды, способные оказать серьезное (часто – негативное) влияние на развитие приоритетного направления) являются:

1. Риски обесценения, дефицита человеческого капитала. Приватизация и рыночные преобразования не сопровождались последовательной промышленной политикой и политикой занятости [1]. В условиях структурной и общей безработицы происходит косвенное обесценение человеческого капитала – знаний и умений, навыков, мыслительных привычек, способов восприятия, т.е. возникают объективные проблемы возможностей модернизации экономики и общества.

На рынках труда страны с 2010 года отмечается устойчивое снижение численности населения в трудоспособном возрасте, особенно в сельской местности области, где интенсивное его сокращение продолжится до 2025 года. В этих условиях труд будет одним из самых дефицитных ресурсов. Диспропорции рынков труда и качества системы профобразования могут стать в долгосрочной перспективе одними из самых существенных ограничений для устойчивого социально-экономического развития региона.

2. Индустриальная функциональная структура городов-центров субъектов государства с недостаточным развитием, низким уровнем организации четвертичных отраслей. Сложившаяся структура экономики российских городов-центров регионов показала, что она не отвечает функциям региональных центров субъектов Федерации (доля промышленного производства в ВРП в Белгороде превышает 50%, а с 1995 г. в структуре промышленности выросли доли нетехнологичных, не наукоемких, не требующих высокой квалификации отраслей – промышленности строительных материалов, пищевой промышленности и, напротив, сократилась доля машиностроения и металлообработки [2].

3. Дефицит в оказании качественных услуг по управлению экономикой, современных городской и руральной средах, – в торговле, связи, финансовых, информационных, юридических, инновационно-инжиниринговых. Это свидетельство того, что города, являющиеся центрами субъектов РФ, еще не в полной мере взяли на себя роль «полюсов роста», локомотивов своих территорий [3]. А связь и информация в экономике регионов не стали важнейшей составляющей технологических управленческих процессов [4].

4. Риски, вызванные зависимостью экономики области от сырьевых ресурсов – конъюнктуры рынков и цен на железорудное сырье и черные металлы, поскольку в отраслевой структу-

ре промышленного производства на долю черной металлургии приходится 46% [5]. Необходимы дальнейшая диверсификация экономики в целях снижения доли черной металлургии, развитие энергетической базы для экономического роста области.

5. Игнорирование в региональной политике существующих конкурентных преимуществ агломерационного эффекта.

Эффект агломерации стимулирует ускоренное развитие крупных городов, инфраструктурные инвестиции, технический прогресс и его скорость, приток креативных людей. Такой город интегрируется в систему межпоселенческих отношений, пронизывается и переплетается сетевыми и структурными отношениями, усложняющими структуру пространства [6].

Для сохранения конкурентных преимуществ «второй природы» (эффект от масштаба, агломерации) крупным городам необходимо повысить качество развития, а крупнейшие центры рассматривать не изолированно, а как ключевые точки, дающие стимулы развития всей системе городов, всей территории страны [7].

В пространственной организации страны крупные города должны выйти на новый, качественный уровень развития и выступать в качестве аттрактора – области притяжения инновационных и управленческих центров, концентрирующих в себе экономическую активность в стране, выступающих источниками изменений своих территорий. Необходимо, чтобы пространство вокруг аттрактора постепенно сформировалось с набором оптимальных характеристик.

6. Риски, связанные с загрязнением окружающей среды, вызванные развитием интенсивного товарного сельского хозяйства, черной металлургии. Предприятия черной металлургии, аграрного сектора загрязняют все компоненты природы, воздействуя на здоровье населения области, способствуя возникновению экологически обусловленных заболеваний. Проведенный корреляционно-регрессионный анализ взаимосвязи между показателями детского здоровья и техногенной нагрузкой на территории Белгородской области выявил высокий коэффициент корреляции (0,7), создающий потенциальную опасность ухудшения качества населения и уровня его жизни [8].

7. Социально-экономическое, демографическое сжатие территории.

Переход на новую, качественную стадию развития урбанизации «вглубь», формирование городских систем [9], усиление неравномерности расселения и социально-экономического развития регионов приводят к «вымыванию» населения из глубинных, периферийных районов (восточных и юго-восточных в Краснодарском крае, Белгородской области). Как результат – социальное опустынивание периферии и необходимость определиться с перспективой расселения: приспосабливаться к новым условиям, сдерживать процессы обезлюдевания (концентрации) населения или положиться на саморазвитие системы.

В современных условиях возникновения вызовов необходимо определять и минимизировать возможные виды рисков для обеспечения поступательного социально-экономического развития общества, нужен особый подход, ориентированный на комплексное решение возникающих проблем. Только совместное взаимодействие различных административных структур и науки является одним из эффективных условий для решения комплекса сложнейших проблем общественного развития.

Литература

1. Чугунова Н. В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М: ГЕОС. 2011. – 138 с.
2. 2 Города Белгородской области. Стат. сб. / Белгород, Белгородстат. - 2010 – 232 с.
3. Гаджиев Ю.А. Неоклассические и кумулятивные теории регионального экономического роста и развития. Режим доступа: http://koet.syktsu.ru/vestnik/2008/2008-1/1/1.htm.
4. Гужин Г.С. Связь: структура, функции, место в современной экономике и социальной жизни / Экономическая и социальная география Краснодарского края / Коллектив авторов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Просвещение_Юг. 2011, 443 с.
5. Белгородской области – 55 лет. Юбил. Стат. сб. / Белгородстат. 2009. – 288 с.
6. Кругман П. Пространство: последний рубеж // Пространственная экономика, 2005. - №3. – С. 121-126.
7. Н.В. Чугунова, Т.А. Полякова, Н.В. Лихневская. Развитие системы городского расселения Белгородской области // География и природные ресурсы. 2013. - №1- С. 112–118.
8. Ситникова О. О. Окружающая атмосферная среда урбанизированных территорий и здоровье населения // Регіон-2013: суспільно-географічні аспекти / матеріали науково-практичної конференції студентів, аспірантів та молодих науковців З міжнародною участю 18–19 квітня 2013 року, м. Харків. – С.220-223.
9. Чугунова Н.В., Т.А.Полякова, Деловая Е., Игнатенко С. А. Особенности современного социально-экономического и экистического развития пригородной зоны агломерации // Проблемы региональной экологии №2. М.: Институт географии РАН, 2012. – С 35-42.

Список авторов

Бажич Даворин (**Davorin Bajić**), доктор географических наук, доцент Университета Баня-Лука, Республика Сербская, davorinbajic@pmfbl.org

Бадмаев Алдар Геннадьевич, кандидат географических наук, вед. инженер БИП СО РАН, geo.83@mail.ru

Бадов Александр Даурбекович, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры экономической, социальной и политической географии Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, зав. кафедрой ЭСПГ (Россия), badov@list.ru

Банников Алексей Юрьевич, ассистент кафедры экономической и социальной географии географического факультета Саратовского государственного университета, aleksey-bannikov@yandex.ru

Барановский Николай Александрович, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой географии Нежинского государственного университета имени Николая Гоголя (г. Нежин, Украина), Brnm@ukr.net

Богатуров Дмитрий Сергеевич, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии СПбГУ (г. Санкт-Петербург), bogaturov@mail.ru

Богданова Лидия Петровна, доктор географических наук, доцент, зам. декана факультета географии и геоэкологии Тверского госуниверситета, lpbogdanova@gmail.com

Болхосоева Елена Борисовна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Бугаев Максим Андреевич, студент IV курса факультета географии и геоэкологии Санкт-Петербургского университета, maks.bugaew@yandex.ru

Волкова Ирина Николаевна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник Института географии РАН (г. Москва), volin511@yandex.ru

Гладинов Алексей Николаевич, кандидат географических наук, доцент, зам. заведующего кафедрой экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Гнято Слободан (Slobodan Gnjato), студент географического отделения Университета Баня-Лука, Республика Сербская

Гомбоев Баир Октябрьевич, доктор географических наук, доцент, г.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, заведующий кафедрой экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, bgom@binm.bscnet.ru

Гомбоев Аюр Баирович, инженер Байкальского института природопользования СО РАН, gomboevayur@mail.ru

Голубченко Игорь Вячеславович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и географического образования Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, geo.egf.bspu@mail.ru

Гонтарь Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, заместитель по инновационной деятельности директора Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), passat01@mail.ru

Гончиков Цыбен Дашицыренович, кандидат географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Денисенко Елена Александровна, кандидат географических наук, младший научный сотрудник лаборатории региональных проблем экономики и политики Киевского национального университета им. Тараса Шевченка (Украина, г. Киев), vid_dil@meta.ua

Дружинин Александр Георгиевич, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону, alexdru@ctsnet.ru

Елацков Алексей Борисович, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, elatskov@mail.ru

Житова Екатерина Николаевна, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии географического отделения историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, obakova_80@mail.ru

Зиновьев Андрей Станиславович, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии СПбГУ, zinovyev@politreg.pu.ru

Зомонова Эржени Михайловна, кандидат экономических наук, с.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, zomer@mail.ru

Зырянов Александр Иванович, доктор географических наук, декан географического факультета, заведующий кафедрой туризма Пермского государственного национального исследовательского университета, ziryanov@psu.ru

Игнатенко Светлана Анатольевна, ассистент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород.

Казаков Николай Александрович, кандидат географических наук, заведующий кафедрой экономической и социальной географии географического отделения историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, kzkv75@mail.ru

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, декан факультета географии и геоэкологии, заведующий кафедрой региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета, kaledin@politreg.pu.ru

Канищев Сергей Николаевич, кандидат географических наук, доцент, декан факультета естественных и гуманитарных наук ВГИ (филиала) Волгоградского госуниверситета, snkanischtv@inbox.ru

Клюйко Татьяна Ивановна, аспирант кафедры экономической и социальной географии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, t.kl@ukr.net

Ключко Людмила Васильевна, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения геолого-географического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, lyuda_klyuch@mail.ru

Козырев Александр Андреевич, аспирант кафедры социальной, экономической и политической географии Кубанского государственного университета, Dr.AlexZen@yandex.ru

Колонистова Анна Николаевна, аспирантка кафедры социально-экономической географии и регионоведения Воронежского государственного университета, Воронеж, fyyf.87@mail.ru

Комарова Татьяна Михайловна, кандидат географических наук, доцент, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН (ИКАРП ДВО РАН), carpi-komarova@yandex.ru

Крылов Петр Михайлович, кандидат географических наук, доцент Московского государственного индустриального университета (МГИУ), главный специалист Российского института инвестиционного развития и градостроительства «Гипрогор» (г. Москва), pmkrylov@yandex.ru

Култашев Николай Борисович, кандидат географических наук, доцент, Тверь, ekoldunova@yandex.ru

Куница Марина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры географии и землеустройства Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского, geodem@mail.ru

Курбанов Ш.Б., преподаватель кафедры общественной географии и демографии Национального университета Узбекистана им. М.Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан, qurbonov1977@mail.ru

Логинова Нина Николаевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (г. Саранск), log-nina@yandex.ru

Мезенцев Константин Владимирович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры экономической и социальной географии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, k_mez@ukr.net

Митин Иван Игоревич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник Центра гуманитарных исследований пространства Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева, imitin@tut.by

Морева Любовь Алексеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета, moreva_la@mail.ru

Мошков Анатолий Владимирович, доктор географических наук, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского институ-

та географии Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток, mavr@tig.dvo.ru

Немец Константин Аркадьевич, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии и регионоведения геолого-географического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, konstantin.a.nemets@univer.kharkov.ua

Немец Людмила Николаевна, доктор географических наук профессор, заведующая кафедрой социально-экономической географии и регионоведения геолого-географического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, ggfekonom@yandex.ru

Носонов Артур Модестович, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры международного и регионального туризма Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, artno@mail.ru

Оборин Матвей Сергеевич, кандидат географических наук, доцент кафедры маркетинга и рекламы Пермского института (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, recreachin@rambler.ru

Окунев Игорь Юрьевич, кандидат политических наук, заместитель декана факультета политологии МГИМО (У) МИД России, iokunev@mgimo.ru

Осодоев Петр Васильевич, кандидат географических наук, младший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, osodoev@yahoo.com

Пашинская Наталья Николаевна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник отдела общественно-географических исследований Института географии НАН Украины, n_pashynska@ukr.net

Подгрушный Григорий Петрович*,* доктор географических наук, заведующий отделом общественно-географических иссле-

дований Института географии НАН Украины (Украина, г. Киев), pidgrush@meta.ua

Потоцкая Татьяна Ивановна, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры социально-экономической географии и природопользования, Смоленский государственный университет, ptismolensk@yandex.ru

Рыбкина Ирина Дмитриевна, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул, irina.rybkina@mail.ru; irina@iwep.ru

Санчес Дарио Цезарь (Sánchez Darío César), Президент Географического общества Аргентины (La Sociedad Argentina de Estudios Geográficos), доктор наук, профессор, Междисциплинарный институт истории и общественных наук (Instituto Multidisciplinario de Historia y Ciencias Humanas – GRUTUS Grupo Turismo Sustentable), Буэнос-Айрес, Аргентина, dario.cesar.sanchez@speedy.com.ar

Сегида Екатерина Юрьевна, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения геолого-географического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, katochek@bk.ru

Семина Ирина Анатольевна, кандидат географических наук, доцент, зав. кафедрой экономической и социальной географии Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (г. Саранск), Isemina@mail.ru

Сотова Людмила Васильевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, sotova@mail.ru

Станоевич Марко (Marko Stanojević), бакалавр географии, ассистент Университета Баня-Лука, Республика Сербская, mastcruor@yahoo.com

Степанов Александр Михайлович, аспирант кафедры макроэкономического регулирования и планирования экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, amstepanov@econ.msu.ru

Сухинин Сергей Александрович, кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник Северо-Кавказского научно-исследовательского института экономических и социальных проблем Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону), suhmax@mail.ru

Томских Андрей Александрович, кандидат географических наук, доцент, профессор кафедры географии, теории и методики обучения географии Забайкальского государственного университета, Tomskih_aa@mail.ru

Трибич Горан (Goran Trbić), доктор географических наук, преподаватель Университета Баня-Лука, Республика Сербская, gorantrbic@yahoo.com

Тюрин Виктор Николаевич, доктор географических наук, профессор, кафедра экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета (г. Краснодар)

Урбанова Чимита Болотовна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии, зам. декана биолого-географического факультета по учебной работе Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Фаронова Юлия Валерьевна, кандидат географических наук, доцент, Башкирский государственный университет, географический факультет, кафедра экономической географии, faronova2012@mail.ru

Федорко Виктор Николаевич, выпускник магистратуры Ташкентского Государственного педагогического университета имени Низами, viktor-f-89@mail.ru

Федоров Геннадий Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института природопользования, территориального развития и градостроительства Балтийского федерального университета им. И.Канта, GFedorov@Kantiana.ru

Фесенко Владимир Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры экологии и природопользования Волгоградского госуниверситета, vvfesenko@rambler.ru

Филобок Анатолий Анатольевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической, социальной и политической географии Кубанского государственного университета, econgeo@kubsu.ru

Хальбаева Сэсэг Ринчиновна, ассистент кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Хамаева Любовь Геннадьевна, ассистент кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Хышектуева Лидия Валентиновна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии Бурятского государственного университета, ek-geo@bsu.ru

Часовский Владимир Иванович, доктор географических наук, заведующий кафедрой социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета, chassovsky@rambler.ru

Чугунова Надежда Васильевна, кандидат географических наук, доцент**,** Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Chugunova@bsu.edu.ru

Щукина Анна Сергеевна, кандидат географических наук, доцент каф. социально-экономической географии и территориального планирования Тверского госуниверситета shchukanser@gmail.com

Юманова Ульяна Валерьевна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии географического отделения историко-географического факультета Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, yumanova@mail.ru,

Ярошевская Людмила Владимировна, студентка кафедры региональной политики и политической географии факультета географии и геоэкологии СПбГУ, cumulus@list.ru

Научное издание

Социально-экономическая география в XXI веке: вызовы и возможные ответы / под ред. А. Г. Дружинина

Материалы международной научной конференции (Четвёртая Ежегодная научная Ассамблея АРГО) Москва, 14 сентября 2013 г.

Над подготовкой сборника к печати работали:
С. С. Дружинина, к.г.н., доцент;
А. О. Дайкер

Подписано в печать 01.06.2013
Выход в свет 01.07.2013

Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Arial.
Печать офсетная. Усл. печ. л. - 14,1.
Тираж 100 экз. Заказ № 01/01

Отпечатано:
ЗАО «Центр Универсальной Полиграфии»
344006, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 140, офис 109